

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. 20, part 1

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

2024

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том 20, часть 1

Главный редактор Е. В. Головкин

2024

УДК 81
ББК 81.2
А 38

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2024. — Т. 20. Ч. 1. — 282 с.

Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. 2024. — Vol. 20. Pt. 1. — 282 p.

Ответственные за выпуск от редколлегии:

*М. Д. Воейкова, С. Ю. Дмитренко, Н. М. Заика, А. К. Касаткина,
М. С. Морозова, А. Ю. Русаков, А. Ю. Урманчиева*

Статьи отбираются редколлегией журнала
на основе анонимного независимого рецензирования

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

Адрес журнала: 199004, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9,
Институт лингвистических исследований РАН,
редакция журнала «Acta Linguistica Petropolitana.
Труды Института лингвистических исследований»

Телефон: + 7 812 328-16-11

E-mail: acta_linguistica@iling.spb.ru

Сайт: <https://alp.iling.spb.ru/>

Свидетельство Роскомнадзора ПИ № ФС 77-60965 от 05.03.2015

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737201

© ИЛИ РАН, 2024
© Составление. Редколлегия
журнала, 2024

РЕДКОЛЛЕГИЯ

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н. А. К. Байбурун (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. A. Varentsen / А. Барентсен (Амстердамский ун-т, Нидерланды); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Е. Л. Березович (Уральский университет, Екатеринбург); д. филол. н. П. Е. Бухаркин (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. L. Grenoble / Л. Гренобль (Ун-т Чикаго, США); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. Ф. А. Елоева (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН, СПбГУ); к. ист. н. А. К. Касаткина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург); к. филол. н. М. Л. Кисиллер (СПбГУ); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н., проф. Н. Б. Кошкарева (Институт филологии СО РАН, Новосибирск); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ ВШЭ, Москва); д. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); к. филол. н. М. С. Морозова (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. И. И. Муллонен (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН); акад. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва); д. филол. н. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция); PhD, Prof. Em. J. Russell / Дж. Рассел (Гарвардский ун-т, Кембридж, США); к. филол. н. Е. А. Руднева, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. И. Солопов (МГУ); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (МГУ); д. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); PhD, Prof. A. Ю. Фильченко (Nazarbaev University, Астана, Казахстан); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. J. A. Janhunen / Ю. А. Янхунен (Хельсинкский ун-т, Финляндия)

EDITORIAL BOARD

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences); Elena L. Berezovich (Ural Federal University); Petr E. Bukharkin (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Fatima A. Eloeva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey Yu. Filchenko (Nazarbaev University, Kazakhstan); Dmitry A. Funk (Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Aleksandra K. Kasatkina (HSE University, St. Petersburg); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maxim L. Kisilier (St. Petersburg State University); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Natalia B. Koshkareva (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (HSE University, Moscow); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maria S. Morozova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Irma I. Mullonen (Institute of Linguistics, Literature and History Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Ekaterina A. Rudneva, board secretary (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (Harvard University, Cambridge, Mass.); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Alexei I. Solopov (Moscow State University); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences; St. Petersburg State University)

Содержание

<i>И. А. Вознесенская, Г. А. Мольков</i> Рукописные книги по морской тактике адмирала С. И. Мордвинова из собрания БАН	9
<i>А. Н. Гавриченко</i> О значении и происхождении имени <i>Múspilli</i>	32
<i>Н. О. Гордеев</i> Глагольные каритивные конструкции норвежского языка	48
<i>В. В. Казаковская</i> От первого лица: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи	98
<i>М. А. Кронгауз, А. А. Сомин</i> Экспрессивные этнонимы в русском языке: систематизация и оценка	143
<i>О. Е. Пекелис</i> О связи между грамматикализацией союза и интеграцией клаузы (на примере русских союзов следования)	187
<i>В. С. Храковский</i> Приглагольные аспектуально-модальные показатели в русском языке	227
<i>N. A. Zevakhina, M. A. Rodina</i> Presupposition diversity: Soft and hard presupposition triggers in (non-)embedded contexts	248
Этика научных публикаций	274
Publication Ethics	278

Contents

<i>Irina A. Voznesenskaya, Georgiy A. Molkov</i> Handwritten books on naval tactics by Admiral S. I. Mordvinov from the collection of the Russian Academy of Sciences Library	9
<i>Alexandr N. Gavrichenkov</i> About the meaning and origin of the name <i>Múspilli</i>	32
<i>Nikita O. Gordeev</i> Norwegian verbal caritive constructions	48
<i>Victoria V. Kazakovskaya</i> In the first person: Pronoun-verb utterances in Russian children's speech	98
<i>Maxim A. Krongauz, Anton A. Somin</i> Expressive ethnonyms in Russian: Systematization and evaluation	143
<i>Olga E. Pekelis</i> On the relationship between grammaticalization of a subordinator and integration of a clause: A case study of Russian clauses of temporal subsequence	187
<i>Victor S. Khrakovsky</i> Adverbial aspectual-modal markers in Russian	227
<i>Natalia A. Zevakhina, Maria A. Rodina</i> Presupposition diversity: Soft and hard presupposition triggers in (non-)embedded contexts	248
Publication Ethics (in Russian)	274
Publication Ethics	278

Рукописные книги по морской тактике адмирала С. И. Мордвинова из собрания БАН

И. А. Вознесенская

Санкт-Петербургский Институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия);
Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия);
voznesen@list.ru; ORCID: 0000-0003-2788-9607

Г. А. Мольков

Санкт-Петербургский Институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия);
georgiymolkov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6165-2040

Аннотация. Исследование посвящено раннему этапу формирования учебной литературы по морскому делу в России в XVIII в. В статье рассмотрены археографические, текстологические и языковые особенности двух рукописных сочинений, сохранившихся в рукописных собраниях БАН — «Книги о учреждении флота» (1735 г.) и «Книги о эволюции флота» (1764 г.), написанной адмиралом С. И. Мордвиновым. В исследовании сочинение 1735 г. также атрибутируется адмиралу Мордвинову, при этом оба текста представляют собой разные этапы подготовки учебного пособия по морской тактике, основанного в конечном счете на французском издании «L'art des armées navales» (1697 г.) профессора Поля Госта. С. И. Мордвинов постепенно улучшает свое учебное пособие на уровне общей структуры, упорядочивая систему частей, глав и параграфов, устраняя структурные недочеты и пропуски раннего сочинения, и работает над его языком.

Ключевые слова: русский язык XVIII в., морская терминология, перевод с французского, лексическая правка.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420/>.

Handwritten books on naval tactics by Admiral S. I. Mordvinov from the collection of the Russian Academy of Sciences Library

Irina A. Voznesenskaya

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); Russian Academy of Sciences Library (St. Petersburg, Russia); voznesen@list.ru; ORCID: 0000-0003-2788-9607

Georgiy A. Molkov

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); georgiymolkov@gmail.com; ORCID: 0000-0002-6165-2040

Abstract. The study is devoted to the early stage of the development of maritime training literature in Russia in the 18th century. The article deals with the archaeographic, textual and linguistic features of two handwritten works preserved in the manuscript collections of the Library of the Russian Academy of Sciences — the anonymous essay “A Book on the Establishment of a Fleet” (1735) and “A Book on the Evolution of a Fleet” by Admiral S. Mordvinov (1764). As to the 1735 essay, the study also attributes it to Admiral Mordvinov, with both works representing different stages in the preparation of a single textbook on naval tactics, evidently based on the French edition of “L’art des armées navales” (1697) by Professor Paul Hoste. S. Mordvinov gradually improved his textbook in terms of its general structure by reordering its parts, chapters and paragraphs, eliminating structural inconsistencies or omissions found in the earlier versions, and refined its language and style. In a most consistent way, S. Mordvinov conducted lexical editing of the then existing marine terminology in an effort to bring it closer to the reputable French terminological system at the lexical and phonetic levels. In addition, M. was keen to streamline his style by eliminating, albeit inconsistently, certain colloquialisms such as the pronoun *drug drushku* ‘each other’ or overly bookish words like *dokole* ‘until’ or *paki* ‘again’, marked in the “Dictionary of the Russian Academy” as Slavicisms).

Separately, the study considered the illustrations used in the manuscripts. In “A Book on the Establishment of a Navy”, they are largely conventional and even decorative. In “A Book on the Evolution of a Navy”, the illustrations almost completely mirror the engravings found in the French edition of “L’art des armées navales”. The fact that Mordvinov presented his manuscript, started three decades earlier, to the ten-year-old Tsarevich Pavel Petrovich in 1764, i.e. in the same year when the long-awaited publication of the translation of Paul Hoste’s volume was expected

to appear in print, suggests that he did this with a purpose. In that way, the admiral obviously aimed to emphasize his own primacy in the preparation of the manual as well as demonstrate his deep understanding of the naval education needs.

Keywords: Russian language of the 18th century, naval terminology, translation from French, lexical editing.

Acknowledgments: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project № 23-18-00420, <https://rscf.ru/project/23-18-00420/>

1. Переводы и переработки книги П. Госта «L'art des armées navales» в России

Основным учебным пособием в XVIII в. и, вероятно, до конца существования парусного флота для моряков была книга Поля Госта «L'art des armées navales, ou Traité des évolutions navales» [Hoste 1697]. Иезуит Павел (Поль) Гост был профессором математики Королевского морского училища в Тулоне. Его сочинение по морской тактике «L'art des armées navales» было издано в Лионе в 1697 г. Гост, опираясь на тактику адмирала А. И. де Турвиля, в своем труде изложил правила маневрирования флотов и ведения морского боя, разобрав морские сражения и проиллюстрировав их реальными примерами. История русских переводов и переработок этого сочинения, один из этапов которой является объектом изучения данной статьи, растянулась на несколько десятилетий. Первый перевод этой книги на русский язык был сделан еще по заказу Петра I переводчиком Игнатием Рудаковским (рукопись БАН, П I Б № 35), но оказался неудачным, как и многие переводы петровского времени. Петр приказал сделать новый перевод К. Н. Зотову, который в 1724 г. издал свою книгу по морской тактике и практике «Разговор у адмирала с капитаном о команде, или Полное учение како управлять караблем во всякия разныя случаи» [Зотов 1724]. В феврале 1735 г. С. И. Мордвинов, получивший образование во Франции и хорошо знавший книгу

Госта, подал в Адмиралтейств-коллегию, собственно К. Н. Зотову, свою рукопись «Об учреждении флота на море». Зотов обнаружил, что сочинение Мордвинова во многом представляет собой перевод книги Госта, и предложил подготовить новый перевод полного текста «L'art des armées navales» [РМБ 1849: 407–408].

В январе 1736 г. С. И. Мордвинов подал в Адмиралтейскую коллегию еще одно сочинение — «Книгу о эволюции флота» [Мордвинов 1868: 20], заголовок которого говорит о явной ориентации на пособие П. Госта («Traité des évolutions navales»). В конце 1740 г. он снова представил коллегии свои труды: «Подана от меня вторично в коллегию, с пополнением прежняго, книга о эволюции, а другая полное собрание о навигации в 3-х частях, третья — каталог» [Там же: 21–22]. Два последних упоминаемых здесь сочинения Мордвинова были изданы в Морской типографии в 1748 [Мордвинов 1748] и в 1744 гг. [Мордвинов 1744] соответственно. Доработанная Мордвиновым «Книга о эволюции флота» так и осталась неопубликованной по неизвестным причинам. В 1747 г. Адмиралтейств-коллегия вспоминает о давнем решении перевести книгу П. Госта и поручает эту работу переводчику С. С. Волчкову. Перевод был закончен за несколько месяцев, и Волчков получил за него 250 рублей. В 1749 г. в типографии началась подготовка гравюр, которая затянулась на долгие годы. А сама книга вышла только в 1764 г., но в новом переводе, который был сделан директором Морского кадетского корпуса адмиралом И. Л. Голенищевым-Кутузовым [Голенищев-Кутузов 1764].

2. Рукописи С. И. Мордвинова из собрания БАН

Известные по приведенным свидетельствам рукописи можно сопоставить с сохранившимися документами. В собрании Библиотеки Российской академии наук (БАН) хранятся две рукописи, связанные с именем адмирала С. И. Мордвинова. Первая из них — по-видимому, более ранняя по времени написания — имеет заглавие «Книга

о учреждении флота или об эксерцици флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи учреждаются» (БАН, 16.12.16) [Учр.]. Автор текста рукописи не называет своего имени, но в предисловии к читателю он сообщает, что многое в его сочинении уже было «изъяснено в книге, изданной Обер-Экипажмейстером господином Зотовым». Этот заголовок совпадает с названием сочинения С. И. Мордвинова, представленного им в Адмиралтейств-коллегию в феврале 1735 г. — «О учреждении флота на море». Кроме того, упоминание имени Зотова в чине обер-экипажмейстера позволяет датировать написание этого текста 1730-ми гг., так как следующий чин генерал-экипажмейстера Зотов получил в 1740 г. Скорее всего, данная рукопись содержит считающийся утраченным текст, посланный на отзыв обер-экипажмейстеру К. Н. Зотову [Берх 1831: 12]¹. По филиграням бумаги рукопись можно датировать серединой XVIII в.², и это позволяет предположить, что она является списком с рукописи сочинения С. И. Мордвинова 1735 г.

Рукопись из собрания БАН формата in-folio, на 167 листах. Переплет картонный в темной коже, после реставрации. Рукопись написана тремя разными почерками и украшена инициалами и рисунками, некоторые из рисунков раскрашены. Все декоративные элементы и иллюстрации находятся в первой части книги, с листа 67 декор прекращается, хотя место для него оставлено. Обращает на себя внимание, что декор выполнен в двух манерах штриховки и растушевки, возможно, двумя художниками. А может быть, смена манеры связана с попыткой ускорить изготовление рукописи, однако декорирование книги не было закончено. На лл. 51–58 инициалы и рисунки представляют собой прориси. На л. 53 находится детский рисунок, повторяющий прорись на предыдущем листе — можно предположить, что рукопись хранилась в семейной библиотеке.

Вторая рукопись представляет собой подносной экземпляр сочинения «Книга о эволюцы флота карабелнаго; и галернаго

---

¹ Подробнее см. в [Вознесенская 2020: 98].

² ЯФЗ // Герб Ярославля 3 типа (1748 г.), ВФ в прямоугольном картуше // СТ в прямоугольном картуше (1765–1776).

и о сигналах», подготовленный для Павла Петровича (БАН, собр. Текущих поступлений, № 2) [Эвол.]. Посвящение в рукописи подписано самим С. И. Мордвиновым и датировано апрелем 1764 г. Рукопись формата in-folio, на 182 листах, в красном марокеновом переплете с золотым тиснением и переплетными листами из цветной бумаги, в тексте множество иллюстраций, рисунков, выполненных тушью, как подражание гравюре. Иллюстрации представляют собой почти точные копии гравюр из книги П. Госта, но рисунки менее детализированы, чем гравюры: живописные скалы, очертания берегов, городов и крепостей, фигуры людей часто не нарисованы, «изъяты» как излишества. В то же время корабли, их количество и положение, изображение направления ветра в виде зефира в облаках полностью повторяют гравированный оригинал.

Как уже было отмечено выше, работа над подготовкой гравюр велась в Гравировальной мастерской Морской типографии в течение долгого времени. Шесть гравюр в издании 1764 г. имеют подпись: «Грыд: Федор Иванов». В штатах Морской типографии такой гравер не значился, но в Морском кадетском корпусе преподавал рисование Федор Иванов. Исследователи предполагают, что гравер Федор Иванов и учитель рисования Федор Иванов — это одно и то же лицо [Мишина 2014: 46–47]. Согласно документам, Федор Иванов поступил на службу в 1735 г. учеником. 30 марта 1738 г. он был послан в Академию Наук для обучения «рисовальному и штыховальному художеству» и в 1743 г. получил должность рисовального подмастерья. В 1747 г. Федор Иванов вернулся в Адмиралтейскую коллегию для гравирования иллюстраций к некоторым изданиям, в том числе к книге С. И. Мордвинова «Книга полного собрания о навигации» и к переводу книги П. Госта «Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях». Д. А. Ровинский предположил, что и остальные неподписанные гравюры издания 1764 г. выполнил учитель рисования Федор Иванов [Ровинский 1895: 280].

Великолепные заставки и инициалы, предваряющие каждую новую часть во французском издании 1697 г., в русском издании не воспроизведены. В подносном экземпляре рукописи С. И. Мордвинова есть не только заставки и инициалы, часто повторяющие оригинал,

но и фронтиспис, которого нет во французском издании. Заставки и инициалы предваряют в рукописи посвящение Павлу Петровичу, предисловие, общее введение и семь частей, т. е. всего 10 заставок и 10 инициалов. Две заставки полностью перерисованы с оригинальных гравюр французского издания: морской мифологический сюжет на лл. 90 и 169 и батальная сцена в арматурной рамке на л. 137. Остальные заставки представляют собой разные мифологические сюжеты, виды городов и крепостей. Инициалы в рукописи выполнены в виде прямоугольников, в центре которых изображена буква на фоне сюжетного заполнения. Образцом для них также послужило французское издание 1697 г. Инициал «В» в начале посвящения Павлу Петровичу повторяет оформление инициала «S» из печатного посвящения французскому королю Людовику XIV, инициал «P» повторяет «I», «П» — «N», а «Ч» — «R». Инициалы «N» и «O» скопированы полностью без изменений. Еще один инициал «Ч» использует сюжет «O», остальные инициалы — «B» и два «K» — оригинальны или используют сюжеты других гравюр.

3. Сравнение структуры и содержания рукописей

Связь двух сочинений и их принадлежность одному автору не вызывают сомнений при сравнении их текста, содержащего большое количество буквальных совпадений. Но при этом автор значительно переработал свой ранний материал при подготовке новой книги — как на уровне структуры, так и в языковом отношении.

Таблица 1. Сравнение структуры сочинений С. И. Мордвинова

Table 1. Comparison of the structure of the essays by S. Mordvinov

«О учреждении...»	«О эволюции...»
Предисловие к читателю	[Посвящение Павлу Петровичу]
Объявление	Предложение
	Изыяснение некоторых термин

«О учреждении...»	«О эволюции...»
<p>Часть 1 Предупреждение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. О компасе 2. О разделении флота 3. Об ордерах <ol style="list-style-type: none"> 3.1. Ордер деботали 3.2. О галерном флоте 3.3. Об ордере демаршъ 3.4. Ордръ деретретъ 3.5. Ордръ дегартъ 3.6. Ордръ депосажъ 3.7. Ордръ деканвой 4. О квадрате 	<p>Часть 1. О разделении флота и об ордерах</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. О разделении флота 2. О боевомъ ордере 3. Ордръ демаршъ 4. Ордръ деретретъ 5. Ордръ депосажъ 6. Ордръ дегардъ 7. Ордръ якорнаго стояния флота 8. О штормахъ 9. О постахъ брандеровъ и протчихъ мелкихъ судахъ при флоте
<p>Часть 2. О действии флота на море Предупреждение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда увидишь какое судно на морѣ 2. О догнани карабля 3. О постановлении флота в линию 4. О лавировани флота 5. О штормахъ 6. Как флоту лежатъ на якоре 	
<p>Часть 3. О перемене ветра Предупреждение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ лежатъ в лини деботали 2. Когда флотъ на перпендикуляре ветра 3. Когда флотъ лавируетъ в третьемъ ордре 4. Когда флотъ маршируетъ в б колонн^н 5. Когда флотъ в трехъ колонгахъ 6. Когда флотъ учрежденъ обдръ деретретомъ 	<p>Часть 2. О перемене ветра Изъяснение о перемене ветра</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ лежалъ въ боевомъ ордере 2. Когда флотъ на перпендикуляре ветра 3. Флотъ лежалъ въ третьемъ ордере 4. Когда флотъ маршируетъ в шесть колоннъ 5. Когда флотъ въ трехъ колоннахъ 6. Когда флотъ въ ордеръ деретрете

«О учреждении...»	«О эволюции...»
<p>Часть 4. О перемене эскадр<р>ь Предоуведомление</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ на перпендикуляре ветра 2. Когда флотъ в первомъ обдре в линии дебаталии 3. Когда флотъ учрежденъ в третьемъ обдре демаршъ 4. Когда флотъ учрежденъ в шесть коло^н 5. Когда флотъ учрежденъ в трехъ колонка^х 6. Когда флотъ учрежденъ в ордре деретрете 	<p>Часть 3. О перемене эскадр Изъяснение о перемене эскадр</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ в первомъ ордре или в линь деботали 2. Когда флотъ на перпендикуляре ветра 3. Когда флотъ учрежденъ в третьемъ ордре 4. Когда флотъ учрежденъ в шесть колонъ 5. Когда флотъ учрежденъ въ трехъ колоннахъ 6. Когда флотъ учрежденъ во ордръ деретрете
<p>Часть 5. О перемене ордровъ Пре^туведомление</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ учрежденъ в лини дебатали 2. Когда флотъ учрежденъ во второмъ ордре 3. Когда флотъ учрежденъ в третьемъ ордре марше 4. Изъ шести колонъ в линию дебаталию 5. Когда флотъ учрежденъ в тре^х колонга^х 6. Когда флотъ учрежденъ во ордръ деретрете 	<p>Часть 4. О перемене ордров Изъяснение о перемене ордров</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Когда флотъ въ боевомъ ордрере 2. Когда флотъ во второмъ ордрере 3. Когда флотъ учрежденъ в третьемъ ордрере марше 4. Когда флотъ учрежденъ в шести колоннахъ 5. Когда флотъ учрежденъ в трехъ колоннахъ 6. Когда флотъ учрежденъ во ордръ деретрете 7. Привести флотъ в линию дебаталь, когда онъ маршировалъ не въ ордрере 8. Лечь во ордръ якорнай

«О учреждении...»	«О эволюции...»
<p>Книга полного собрания об революции или обсервации флота на море. Часть шестая</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. О приуготовлении к баталии 2. Какую иметь осторожность о^т неприятеля 3. Какъ поступать с неприятелемъ 4. О погоне за неприятелемъ 5. О побеге о^т неприятеля 6. Какъ поступать в баталию с неприятелем^м <ol style="list-style-type: none"> 6.1. О баталии 6.2. Какъ охватить неприятеля что^б ево линия была в срединѣ 6.3. Недопущать неприятелски^х кара^блей на другую сторону своей линии 6.4. Пресечь неприятелскую линию 6.5. Недопустить неприятѣля пресечь твоеи лини^и 6.6. О бордировани <p>Прибавление к сей книге ис практически^х примеровъ</p>	<p>Часть 5. О поступках неприятелем Изъяснение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. О лавировании флота 2. Когда увидишь каравль в море, о признани в люверте или в англѣе 3. О догнании каравля 4. О приближении к неприятелю 5. О ретираде отъ неприятеля 6. Иметь неприятеля между дву огней 7. Недопускать неприятельскихъ каравлей на другую сторону своей линии 8. Пересечь неприятелскую линию 9. Недопустить неприятеля пересечь линее
	<p>Часть 6. О галерном флоте Изъяснение</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. О боевом ордере 2. Об ордерах марша
	<p>Часть 7. О сигналах Изъяснение о сигналах О сигналныхъ флагахъ</p>

Книга С. И. Мордвинова «Об эволюции...», подготовленная для Павла Петровича, является существенно переработанной версией книги «Об учреждении...». Это хорошо заметно уже при сравнении общей структуры основных разделов и подразделов двух книг. Книга 1764 г. в целом затрагивает больше аспектов корабельной тактики, т. е. содержит дополнения по сравнению с более ранним сочинением, но при этом в ней опущен ряд параграфов. По-видимому, отбор тем в [Эвол.] проводился с учетом того, что могло потребоваться при обучении наследнику престола.

Как видно из таблицы, сдвинулась нумерация частей сочинения, начиная со второй части, которая в позднейшем сочинении была сформирована по другим частям книги. Например, глава «О штормах» второй части попала в первую часть книги «Об эволюциях...», а главу «О догнании корабля» С. И. Мордвинов включил в часть 5, посвященную действиям при столкновении с неприятелем. Глава этой части «Как флоту лежать на якоре» в терминосистеме книги «Об эволюции...» пополнила список «ордеров» — способов построения флота, составив отдельный *ордръ якорного стояния флота* в первой части. Полностью новым разделом является добавленная последняя глава о сигнальных флагах.

В ходе редактирования автор устранил некоторые структурные недостатки своего раннего сочинения. В отдельную часть вынесены разделы, посвященные галерному флоту. В сочинении «Об учреждении...» они вклинивались в перечень ордеров первой части и нарушали последовательность изложения. При описании типов походных ордеров в раннем сочинении С. И. Мордвинов пропустил второй *ордръ демаршь*. В книге 1764 г. этот параграф присутствует. Есть попытки упростить многоступенчатую рубрикацию книги: в сочинении «Об эволюции...» автор выносит разделы, данные ранее подзаголовками, на уровень отдельных глав в части первой (см. главы об ордерах) и шестой (главы о разных действиях по отношению к неприятелю).

В тексте пособия при сравнении двух версий обнаруживаются многочисленные содержательные правки. С. И. Мордвинов опускал некоторые частности и детали, сокращал изложение менее частотных

ситуаций, подбирал более удачные формулировки, содержательно дополнял, а в некоторых случаях по-новому интерпретировал отдельные приемы, опираясь на накопленный к 1760-м гг. опыт.

Пособие 1764 г. начинается с сокращенного описания компаса, при этом за подробностями, которые еще приводились в раннем пособии (например, список румбов), С. И. Мордвинов отсылает к своему печатному учебнику [Мордвинов 1748], сообщая, что об этом «въ полномъ собраніи 2' части, 2' книги; и въ 4' части; 1' книги изъяснено» [Эвол.: 9об.]. Но в основном описание сокращается без каких-либо оговорок или отсылок. Например, при описании походного ордера (*ордръ демаршъ*) третьего вида автор убирает из текста уточнение, при каких обстоятельствах такое построение невыгодно (такой комментарий был в книге «Об учреждении...» на л. 22); а *ордръ деканвой* опущен целиком. Из названия главы раннего пособия «Когда увидишь какое судно на морѣ или землю какъ можно признать что в ветре или под ветромъ» (л. 36) в поздней версии было убрано уточнение *или землю*, т. е. описанные здесь действия отнесены только к другим судам; в связи с этим в книге 1764 г. вся глава перемещена в часть, посвященную действиям по отношению к неприятелю. Из главы «О штормах» книги [Учр.] при описании действий экипажа в сильный шторм С. И. Мордвинов опустил излишние красочные детали (опущенное в [Эвол.] выделено курсивом):

и никто несталъ обсервовать от камандира сигналов ниже навигацкими регулами спасали тогда свои суда *и пришли все во отчаяние* а штормъ силняя сталъ прибавляться и всякъ своеи регулой сталъ поступать в беспаметстве *инные стали яко<рь> рубить а другихъ съ якорей стало таскат || и другъ на дружку стало наносить и ломать а инные многие суда згорели от брандеровъ* и пропало и потонуло <в книге «Об эволюции...» вместо пропущенного добавлено *множество каравелей и людей*> [Учр.: 47–47об.].

Развернутое описание может быть заменено сокращенным. Так, при описании построений в четвертом *ордере демаршъ* в ранней

книге С. И. Мордвинов посвящает отдельные подразделы эволюциям в этом ордере при построении флота помимо основного типа в шесть колонн другим типом в шесть, а также в девять колонн [Учр.: 25–25об.]. В книге «Об эволюции...» адмирал пересказывает содержание этих двух подразделов в заключительном абзаце главы [Эвол.: 29]. В главе «О штормах» ранняя версия подробно описывает в 6 пунктах различные *нещастии*, с которыми может столкнуться эскадра в шторм — в книге «Об эволюции...» приводится только первое из таких несчастий, а остальные опускаются с добавлением фразы о том, что корабли могут «претерпеть иные разные нещастии» [Эвол.: 44об.].

При сравнении со структурой и содержанием основного французского пособия по корабельной тактике П. Госта «L'art des armées navales» можно увидеть, что описанные изменения С. И. Мордвинов вносил независимо от текста Госта. Ориентация на французское пособие заметна только на уровне общей структуры: в 1764 г. Мордвинов добавляет в начале своего учебника раздел «Изыяснение некоторых термин» — ср. первый параграф «Explication de quelques termes» у П. Госта [Hoste 1697: 7]; добавленная глава о сигналах также есть в пособии Госта в виде специальных параграфов последней главы [Там же: 420]. Более детальное сравнение сочинений П. Госта и С. И. Мордвинова показывает различия в тексте. Перестановки параграфов, о которых шла речь, не связаны со структурой изложения французского автора; в частности глава «О штормах», перенесенная Мордвиновым из 2 части книги в первую, у П. Госта входит в последнюю часть сочинения [Там же: 415]. При этом список *нещастий*, которые могут произойти с кораблем из-за шторма, в книге «Об учреждении...» у Мордвинова был дан в другом порядке, чем у Госта (и разделен по-разному — у Госта на 4, а у Мордвинова на 6 параграфов), а в пособии 1764 г. вовсе сокращен. При сокращении текста, отмеченном выше (описание четвертого *ордера демарши*), С. И. Мордвинов меняет формулировку, близко передававшую текст П. Госта в раннем пособии (полу жирным выделены несопадающие части параллельного текста):

«L'art des armées navales»	«О учреждении...»	«О эволюции...»
<i>Quand on est fort éloigné des ennemis, on peut mettre l'Armée en six Colonnes de manière que les trois Commandans A, B, C soient sur la perpendiculaire du vent, et moins éloignez les uns des autres</i> ³ (с. 83)	Когда неопасаешься неприятеля то влоть можно учредить в 6 колонгъ другим манеромъ чтобъ все три адмирала былибъ на перпендикуляре ветра а эскадры бы их всякая за своим адмираломъ следуетъ в две колонги (л. 25)	Еще учреждается флотъ въ шесть колонъ, на перпендикуляре ветра, то есть чтобъ адмиралы все три были на перпендикуляре ветра, а эскадры ихъ за ними пойдутъ въ две колонны (л. 29)

Таким образом, при редактировании С. И. Мордвинов заменяет перевод фраз из французского сочинения свободным пересказом.

Некоторые разделы небольшого объема в составе глав при подготовке книги «Об эволюции...», по-видимому, переписывались заново: это, например, разделы о том, как переменить авангард эскадры с кордебаталией и авангард с арьергардом в части о перемене эскадр (л. 74об.–76 / л. 70об.–73об.), начальный абзац главы «О догнании корабля» (л. 155 / л. 145об.–146), многие разделы части «О перемене ордеров» и др. В большинстве случаев причины таких изменений не ясны, но в отдельных параграфах С. И. Мордвинов явно выражает свое изменившееся отношение к определенному построению или действию. Показателен раздел о пересечении неприятельской линии кораблей в ходе сражения; в ранней версии он оформлен как подраздел главы о действиях с неприятелем (л. 159–159об.), а в поздней составляет отдельную главу «Пересечь неприятельскую линию» (л. 164–164об.). В первом случае автор технически описывает, какие действия надо последовательно произвести для пересечения линии. В пособии 1764 г., другими

³ 'Когда мы находимся достаточно далеко от врагов, мы можем разместить армию в шесть колонн так, чтобы три командира А, В, С находились перпендикулярно ветру и менее далеко друг от друга'.

словами описав суть действий, С. И. Мордвинов в качестве комментария высказывает свое недоверие к такому опасному приему в морском сражении. От первого лица (что контрастирует с общим фоном изложения от третьего лица) он пишет: *но мне кажетца пересекать одному у другаго линию великой опасности подъяержены; какъ и было одинъ другаго разбивать и взаимно другъ друга вредили; даже до потопления; и в такомъ случае надлежитъ быть смелому, храброму, ꙗ искусному морскому афицеру; дабы счасливо то отправить* [Эвол.: 164об.].

Некоторые изменения формулировок, по-видимому, отражают попытку автора более понятно описать ситуацию. В главе «Иметь неприятеля между дву огней» из части о действиях с неприятелем в ранней версии фраза: *Ежели передни^х караблеи потеряютъ мачты то уже они в свои^х места^х удержатся не могу^т и навалѣтъ на другіе свои карабли и о^т того учини^тца имъ немалое замешате^лство* [Учр.: 158] — заменяется на: *ежели передней ихъ карабль А, или несколько потеряютъ мачты, то оне в своехъ местахъ удержатся не могутъ, и навалитъ ихъ на другія карабли каторыя за ними ѣдутъ, а те на другихъ, и отъ того имъ учинится немалое замешательство* [Эвол.: 159об.]; здесь неоднозначная формулировка *навалѣтъ на другіе свои карабли* меняется на более пространную, но детальнее описывающую ситуацию: *навалитъ ихъ на другія карабли каторыя за ними ѣдутъ, а те на другихъ*.

Добавления в текст, которые делает С. И. Мордвинов при редактировании сочинения, могут иметь разный объем — от дополнительных частей (о чем уже говорилось выше) до вставок слов и словосочетаний. Часто автор расширяет подразделы сочинения, оговаривая обстоятельства, с которыми можно столкнуться при произведении того или иного маневра. Например, во вступительном абзаце главы о боевом порядке (*ордеръ дебаталь*) С. И. Мордвинов добавляет информацию о разнице расстояния до борта неприятельского судна в зависимости от погодных условий (л. 18об.); в разделе «о поворачивании всем вдруг» при описании лавирования в одной из глав части «О перемене ветра» автор убирает в конце информацию для проведения таких маневров в узком месте, но зато

добавляет предупреждение о необходимости отслеживать положение грот-мачт на кораблях относительно общего курса эскадры (л. 138об.); при описании смены ордера из боевого в *ордер де-марши* к двум, описанным в книге «Об учреждении...» способам (л. 96об.–97), добавлен еще один (л. 91–93); в главе «О ретираде от неприятеля» автор добавляет пространный комментарий об отступлении в ситуации, когда «флотъ АВ былъ в некоторомъ разстояни отъ неприятеля CD» [Эвол.: 155об.] — где всё зависит от возможной перемены ветра и др.

Мелкие вставки (выделено курсивом) отражают работу автора над улучшением текста — дополнением значимыми деталями:

Таблица 2. Дополнения в тексте

Table 2. Additions to the text

«О учреждении...»	«О эволюции...»
<i>во влотъ случитца множество мелкихъ судовъ</i> (л. 29об.)	<i>во флоте случится множество ластовыхъ и купецкихъ мелкихъ судовъ</i> (л. 34об.)
<i>повелено будетъ охранять отъ неприятеля какую проливу чтобъ неприятель не прошелъ</i> (л. 30)	<i>повелено будетъ охранять отъ неприятеля, зунтъ, рейдъ, или какую проливу, чтобъ неприятеля не пропустить</i> (л. 36–36об.)
<i>которыя карабли похуже то бы напередъ или а болише и твердые позади</i> (л. 36)	<i>которыя карабли похуже напереди, а болишия і твердыя позади для того что болише огня могутъ терпеть</i> (л. 34об.)
<i>случитца лавировать в ускомъ како^а месте</i> (л. 44)	<i>случится в ускихъ местахъ, или ночью лавировать</i> (л. 141об.)
<i>первои адмиралъ В прибавя парусовъ со все^а флото^а спустится в вордовинтъ что^б ему быть в угле А</i> (л. 117)	<i>главной командиръ В; прибавя парусовъ со все^а флотомъ спустятся в фордовинтъ в свое место, чтобъ ему быть в угле А</i> (л. 108)

4. Лексическая правка

Рассматриваемые тексты С. И. Мордвинова разделяет более 20 лет, и именно на этот период пришлось наиболее активные процессы, связанные с кардинальным изменением языковых вкусов и взглядов на развитие литературного языка в России [Успенский 2008: 219–318; Алексеев 2013: 278–301]. В связи со сменой ориентации с русского разговорного употребления на (церковно)славянский язык как источник нормы, закреплявшейся в правительственных манифестах и литературных образцах, сочинения и переводы, выполненные на русском языке в 1730-е гг., быстро устаревали в языковом отношении. По этой причине текст раннего сочинения С. И. Мордвинова при повторном обращении к нему нуждался не только в тематическом расширении, но и в языковой правке.

В совпадающие по содержанию отрезки текста С. И. Мордвинов вносит изменения, хорошо заметные на уровне лексики. Многочисленны случаи, когда замене разово подвергаются отдельные слова и выражения во фразе: *зделался наки великою штормъ* (л. 47об.) > *прииель опять великой штормъ* (л. 46); *все карабли будутъ следоватъ* за нимъ (л. 97об.) > *все карабли пойдутъ* за нимъ (л. 93); *поворотитъ на ^оругω^а борть* (л. 108) > *поворотится на другой борть* (л. 102); *доколе все три пере^оние карабли* (л. 118) > *пока все || три передние карабли* (л. 108–108об.); *о побеге о^м неприятеля* (л. 156) > *о ретираде отъ неприятеля* (л. 155об.) и мн. др.

Однако более характерно для работы С. И. Мордвинова систематическое исправление определенного круга слов и словосочетаний. В первую очередь это касается морской терминологии: в 1764 году автор приводит терминосистему сочинения в соответствие со своими изменившимися лингвистическими представлениями. Эта правка проводится с отчетливой ориентацией на заимствованную лексику⁴. Наиболее показательно и системно исправляются

---

⁴ Это примечательный факт, т. к. предпочтение Мордвиновым заимствований вступает в противоречие с изменившимся отношением к этой группе

частотные в тексте пособия обозначения наветренной и подветренной сторон при движении корабля. Русские оригинальные термины *в ветре* и *под ветром* исправляются на заимствованные *в люверте* и *в анлее*; прилагательные *ветренный* и *подветренный* соответственно — на *лювертовый* и *анлеевый*. Кроме того, заимствованные термины, присутствовавшие и в ранней версии сочинения, подвергаются фонетической галлицизации: *курушь* > *курсъ*, *эшкадра* > *эскадра*, *перпендикуляръ* > *перпандикюлеръ*, *ордеръ дебаталии* > *ордръ дебаталь*, *штюръ борть* > *стри борть* и др. Подробно эта особенность языка С. И. Мордвинова рассмотрена в отдельном исследовании [Мольков 2023].

Лексическая правка у Мордвинова может быть и менее последовательной, что тем не менее отражает изменения в словоупотреблении автора и в русском языке XVIII в. в целом. В ряде случаев автор вводит русские соответствия термина в тех контекстах, где в ранней версии сочинения использовалось заимствование. Подобная правка вступает в противоречие с установкой автора на галлицизацию терминосистемы и обратна заменам типа *ветренный* > *лювертовый*. В нескольких случаях такой замене подвергается заимствование *деботали(u)* (*de bataille*) на прилагательное *боевой*: *ордеръ деботалии* (л. 10об.) > *боевой ордръ* (л. 13); *фло^m лежи^m в лині деботали* (л. 52) > *флотъ лежалъ въ боевомъ ордере* (л. 49об.); при этом остальные заимствованные из французского названия ордеров (*депасаж*, *деретрет* и т. п.) не исправляются. В целом используя термин *лавировать* С. И. Мордвинов спорадически заменяет слова с этой основой на синонимичные: *о лавировании* (л. 42) > *о поворачивании* (л. 138); *лавировать* (л. 42, 44) > *поворачиватца*, *-тця* (л. 138, 141об.). В одном примере произведена замена *навигацкии* (л. 47) на *морской* (л. 45об.).

Отдельного комментария заслуживает использование слова *адмираль*. В Петровскую эпоху оно применялось и по отношению к командующему каждой из эскадр флота [СлРЯ XVIII, I: 26] и к середине века, по-видимому, выходит из употребления в этом значении,

---

лексики в связи с распространением в 1740–1750-е гг. идей пуризма [Биржакова и др. 1972: 74–75].

закрепляясь за обозначением главнокомандующего флотом. Во многих контекстах, когда речь идет о главе эскадры, С. И. Мордвинов заменяет слово *адмирал* на синонимы: *эскадра первого а^омирала* (л. 81) > *средня эскадра САД* (л. 78); *первои адмиралъ В* (л. 117) > *главной командиръ В* (л. 108); *все три а^омирала АВС* (л. 122) > *все три эскадренныя командиры В: А: С* (л. 111об.) и др. Хотя в этом значении слово в книге «Об эволюции...» все же сохраняется в ряде контекстов.

Из нетерминологических регулярных замен можно отметить последовательное устранение выражения *другъ дружку* для передачи взаимно-возвратной семантики: *оба ѱлота лягутъ на дву линияхъ бейдевинтъ поралелно другъ з друшко*" (л. 12) > *флоты карабелные ложатца на линияхъ бейдевинтъ, параллелно одинъ другому* (л. 18об.); *тако прибавливать румба своего ближе к ветру доколь уравниается чтобъ другъ дружку иметь все на одномъ румбе* (л. 38) > *тако прибавлять румба своего к ветру ближе доколь уравниются чтобъ одинъ другова имели все на одномъ румбе* (л. 146) и др. Вероятно, это исправление сделано из стилистических соображений — для устранения разговорного, «подлого» выражения, ставшего неприемлемым к 1760-м гг. в тексте, предназначенном для члена императорской семьи.

5. Заключение

Рассмотренные в статье археографические, текстологические и языковые особенности двух рукописных сочинений позволяют предположить, что «Книга о учреждении флота» (1735 г.) и «Книга о эволюции флота» (1764 г.) — это разные этапы подготовки учебного пособия по морской тактике, основанного на французском издании «L'art des armées navales» Поля Госта. В 1735, 1736 и 1740 гг. С. И. Мордвинов пытался добиться от Адмиралтейств-коллегии одобрения своего сочинения, постепенно совершенствуя содержание, исправляя и добавляя материал. Автор улучшает свое пособие

на уровне общей структуры, упорядочивая систему частей, глав и параграфов, устраняя структурные недочеты и пропуски раннего сочинения, которое в значительной степени было переводной компиляцией трактата П. Госта. Язык сочинения при заимствовании текста из ранней версии подвергался редактированию. Наиболее последовательно С. И. Мордвинов проводит лексическую правку применяемой морской терминологии, стремясь сблизить ее с авторитетной французской терминосистемой на лексическом и фонетическом уровне. Кроме того, автор старается упорядочить стиль изложения, устраняя, хотя и непоследовательно, разговорные элементы (такие как местоимение *друг дружку*) или излишне книжные (слова *доколе*, *паки*, отмеченные в «Словаре Академии Российской» как славянизмы).

Негативный отзыв К. Н. Зотова, который не увидел в работе Мордвинова оригинальности, способствовал не только продолжению этой работы, но также опосредованно дал начало к подготовке издания русского перевода П. Госта. Обе рукописи содержат значительный изобразительный материал. В «Книге о учреждении флота» иллюстрации носят во многом условный, и даже декоративный характер. В «Книге о эволюции флота» иллюстрации практически полностью копируют гравюры французского издания «*L'art des armées navales*». Поднесение десятилетнему цесаревичу Павлу Петровичу рукописи сочинения, которое было начато Мордвиновым три десятилетия назад, в год долгожданного издания перевода книги Поля Госта, наводит на мысль, что это произошло не случайно. Своим подарком адмирал продемонстрировал свое первенство в подготовке этого учебного пособия и в понимании нужд военно-морского образования.

Литература

- Алексеев 2013 — А. А. Алексеев. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013.
Берх 1831 — В. Берх. Жизнеописание адмирала Семена Ивановича Мордвинова. М.: Тип. Н. Греча, 1831.

- Биржакова и др. 1972 — Е. Э. Биржакова, Л. А. Войнова, Л. Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
- Вознесенская 2020 — И. А. Вознесенская. «Книга об учреждении флота» в рукописи БАН // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 97–100.
- Мишина 2014 — Е. А. Мишина. Гравировальная мастерская Морской типографии в XVIII в. // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 20. С. 33–55.
- Мольков 2023 — Г. А. Мольков. Морские термины в неизданных сочинениях адмирала С. И. Мордвинова // Ученые записки Петрозаводского университета. 2023. Т. 45. № 6. С. 101–107.
- РМБ 1849 — Русская морская библиотека. Период третий: царствования Екатерины II и Павла I // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. 1849. Ч. VII. С. 402–483.
- Ровинский 1895 — Д. А. Ровинский. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1895.
- Успенский 2008 — Б. А. Успенский. Вокруг Тредиаковского: труды по истории русского языка и русской культуры. М.: Индрик, 2008.

Источники

- Голенищев-Кутузов 1764 — Искусство военных флотов, или Сочинение о морских эволюциях: Содержащее в себе полезные правила для флагманов, капитанов и офицеров, с приобщением примеров, взятых из знатнейших происшествий на море за пятьдесят лет / Изд. иезуитом Павлом Гостом, проф. матем. Королевского училища в Тулоне, напеч. в Лионе 1697 г. С фр. пер. Иван Голенищев-Кутузов. СПб.: Мор. шляхетный [корп.], 1764.
- Зотов 1724 — Разговор у адмирала с капитаном о команде. или. Полное учение како управлять караблем во всякия разные случаи: Начинаящим в научение от части знающим в доучение; а не твердо памятным в подтверждение / Учинил от флота капитан Конон Зотов. Напечатася повелением императорского величества. [СПб.:] В Санктпитебургской Академической типографии, 16 авг. 1724.
- Мордвинов 1744 — Каталог содержащий о Солнце, луне и звёздах, также о полном в знатных местах, заливах и реках, наводнении и прочая к мореплаванью надлежащая в разных по Санктпетербургскому меридиану таблицах.

- Семеном Мордвиновым, Морского флота лейтенантом сочиненный, по указу Адмиралтейския коллегии в Морской Академической типографии на печатан. А под смотрением контролера Семена Зыкова в сочинении праворечии исправлен. 1744 года.
- Мординов 1748 — Книги полного собрания о навигации, По указу ея императорскаго величества из Государственныя Адмиралтейския коллегии, на печатаны. В царствующем Санктпетербурге, при Морской Академической типографии. Лета 1748. Морскаго корабельнаго флота капитаном Семеном Мордвиновым сочиненныя.
- Мординов 1868 — Записки адмирала Семена Ивановича Мордвинова, писанныя собственною его рукою. СПб., 1868.
- СЛРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 (издание продолжается).
- Учр. — Книга о учреждении флота или об экзерциции флота на море какими регулами все флоты военные как на море так и на рейдах всякие случаи учреждаются. Ркп. БАН, 16.12.16, 1730-е гг.
- Эвол. — Книга о эволюцы флота карабелнаго; и галернаго и о сигналах, подготовленный автором для Павла Петровича. Ркп. БАН, собр. Текущих поступлений, № 2, 1764 г.
- Hoste 1697 — *L'Art des armées navales, ou traité des évolutions navales, qui contient des regles utiles aux officiers généraux & particuliers d'une armée navale; avec des exemples tirez de ce qui s'est passé de plus considerable sur la mer depuis cinquante ans. Par le P. Paul Hoste de la Compagnie de Jesus, Professeur des Mathématiques dans le Seminaire Royal de Toulon. A Lyon, Chez Anisson, & Posuel. M. DC. XCVII. Avec privilege du Roy.*

References

- Alekseev 2013 — A. A. Alekseev. *Ocherki i etyudy po istorii literaturnogo yazyka v Rossii* [Essays and sketches on the history of the literary language in Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg Linguistic Society, 2013.
- Berkh 1831 — V. Berkh. *Zhizneopisaniye admirala Semena Ivanovicha Mordvinova* [Biography of Admiral Semyon Ivanovich Mordvinov]. Moscow: N. Grech typography, 1831.
- Birzhakova et al. 1972 — E. E. Birzhakova, L. A. Voynova, L. L. Kutina. *Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovyye kontakty i zaimstvovaniya* [Essays on the historical lexicology of the Russian language in the XVIII century: Language contacts and borrowings]. Leningrad: Nauka, 1972.

- Voznesenskaya 2020 — I. A. Voznesenskaya. “Kniga ob uchrezhdenii flota” v rukopisi BAN [“The Book on the Establishment of the Fleet” in the RASL manuscript]. *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny v sovremennom nauchnom znanii: Materialy XXXIII Mezhduнародной nauchnoy konferentsii* [Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXXIII International scientific conference. Moscow, 2020]. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2020. P. 97–100.
- Mishina 2014 — E. A. Mishina. Gravirovalnaya masterskaya Morskoy tipografii v XVIII v. [The engraving workshop of the Marine Printing House in the 18th century]. *Trudy istoricheskogo fakulteta Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2014. No. 20. P. 33–55.
- Molokov 2023 — G. A. Molokov. Morskiye terminy v neizdannyykh sochineniyakh admiral S. I. Mordvinova [Marine terms in unpublished works by Admiral S. I. Mordvinov]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo universiteta*. 2023. Vol. 45. No. 6. P. 101–107.
- RMB 1849 — Russkaya morskaya biblioteka. Period tretyi: tsarstvovaniya Yekateriny II i Pavla I [Russian maritime library. Period three: the reigns of Catherine II and Paul I]. *Zapiski Gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva*. 1849. Pt. VII. P. 402–483.
- Rovinskiy 1895 — D. A. Rovinskiy. *Podrobnyy slovar russkikh graverov XVI–XIX vv.* [A detailed dictionary of Russian engravers of the 16th–19th centuries]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press, 1895.
- Uspenskiy 2008 — B. A. Uspenskiy. *Vokrug Trediakovskogo: trudy po istorii russkogo yazyka i russkoy kultury* [Around Trediakovsky: works on the history of the Russian language and Russian culture]. Moscow: Indrik, 2008.

Получено / received 05.09.2023

Принято / accepted 01.12.2023

О значении и происхождении имени *Mûspillî*

А. Н. Гавриченко

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
(Калуга, Россия); pr_nz@mail.ru; ORCID: 0009-0000-5566-3109

Аннотация. В общегерманском имя **mûdspellja* > др.-в.-нем. *mûspillî* — светский термин со значением ‘тот, кто напоминает’/ ‘напоминающий’. В древневерхненемецком и древнесаксонском это имя, как прозвание ‘Страшного суда’, обретает религиозный смысл. На наличие у *mûspillî* прямого значения, связанного с понятием ‘память’, указывает первый компонент данного композита (**mûd-*), восходящий к и.-е. корню **mēudh-*, **mēudh-*, **mūd-* ‘думать’, ‘страстно желать’, сохранившемуся в гот. *maudjan* ‘напоминать’. Второй компонент, *-spillî*, является продолжением германской основы **spella-* ‘речь’.

Ключевые слова: *mûspillî*, персонификация, прозвание, опрошение, этимологический анализ, гот. *maudjan*, *gamaudeins*.

About the meaning and origin of the name *Mûspillî*

Alexandr N. Gavrichenkov

Tsiolkovski Kaluga State University (Kaluga, Russia); pr_nz@mail.ru;
ORCID: 0009-0000-5566-3109

Abstract. The discussion about the meaning and the origin of the word *mûspillî* — the title of the famous Old High German poem — has not stopped for more than a hundred years and is replete with many versions, usually adjacent to one of the two extreme points of view — Christian or pagan.

Researchers pointing to the pre-Christian origin of this word associate its meaning, as a rule, with the concept of the fire destroying the earth (OHG **mû-* ‘earth’, *spilden*

‘to destroy’). Most supporters of the Christian origin of this term believe that the first part of this complex name (*mû-spilli*) goes back to German **munþ-* ‘mouth’ and the word means either *Mundwort* (‘oral word’) as a sign of fate, or *Mundspruch* (‘des Richters’) (sentence of the judge) as the Word of Christ at the Last Judgment. Some researchers, relying on a detailed analysis of biblical sources, come to the conclusion that *mûspilli* means a *Mundtöter*, i.e. Christ, ‘beating his enemies with the sword of his mouth’.

In the pre-written period of the existence of the continental Germanic languages, the nominal basis **mūdspellja* > OHG *mûspilli* did not have a religious meaning and belonged to secular vocabulary. In Old High German and Old Saxon, this basis with the meaning of ‘the one who reminds’ (reminiscent) was used metaphorically as a nickname of the personified ‘Last Judgment’ and, speaking figuratively, acquired a religious-Christian meaning. The direct meaning of the name *mûspilli* associated with the concept of ‘memory’ is confirmed by etymological analysis: the first component of the studied composite (**mūd-*) goes back to the Indo-European root **mēudh-*, **mūdh-*, **mūd-* ‘to think’, ‘to remember’, ‘to long for’, which left a trace in Goth. *gamaudeins* ‘memory’, *maudjan* ‘to remind’, *ufarmaudei** ‘forgetfulness’. The second component, *spilli*, is a continuation of the Germanic basis **spella* ‘speech’.

Keywords: *mûspilli*, personification, nickname, de-etymologisation, etymological analysis, goth. *maudjan*, *gamaudeins*.

1. Показания первоисточников

Текст древневерхненемецкой поэмы *Mûspilli* («Муспилли»), датированный IX веком и записанный на краях и пустых страницах книги, подаренной епископом Зальцбурга Людвигу Немецкому, был впервые опубликован в 1832 году исследователем баварского диалекта Андреасом Шмеллером. В качестве заголовка публикатор использовал слово из этой поэмы.

В древневерхненемецком первоисточнике слово *mûspilli* употребляется один раз:

- (1) *Verit denne stûatago in lant, verit mit diu vuiru viriho uuîsôn: dâr ni mac denne mâk andremo helfan vora demo mûspille* [Braune 1911: 83].

Перевод этого отрывка вызывает затруднения. С. Бугге, например, *mûspilli* не переводит, см.:

‘Da zieht der Sühnetag ins Land, heimzusuchen die Menschen mit dem Feuer. Da vermag kein Verwandter dem anderen vor dem *‘muspille’* zu helfen’ [Bugge 1889: 447].

‘Придет Судный день на землю, чтобы поразить людей огнем. И не сможет родственник помочь сородичу перед *‘muspille’*’.

В. Брауне в словаре к составленной им древневерхненемецкой хрестоматии переводит *mûspilli* как *Weltende* (‘конец света’) или *Jüngster Tag* (‘Судный день’). Он дает также иной вариант перевода *stûatago*: не как *Sühnetag* (‘Судный день’), а как *Tag der Strafe* (‘День наказания’) [Braune 1911: 242, 256].

Имя *mûspilli* (в ином фонетическом оформлении) встречается также в древнесаксонских и древнеисландских текстах. В древнесаксонском «Гелианде» (*Heliand*) оно засвидетельствовано дважды:

- (2) *Satanâs selbo is that thâr sâid aftar so lédlika lera, habad thesarô liudeô sô filu, werodes awarded, that sie wam frummien, wirkead aftar is willeon. Thôh sculun sie her uuahsan forð, thea forgriponon gumon, sô samo sô thea gôdun man, anttat mudspelles megin ôbar man ferid, endi thesaro uueroldes* [Heyne. *Héliand* 1886: 2587–2593].

Ср. немецкий перевод Э. Берингера:

‘Satan selber ist es, der hernach sâet die so leidige Lehre; er hat von diesen Landessöhnen so viele aus dem Volke verführet, dass sie Frevel üben, wirken nach seinem Willen. Doch sollen sie hier wachsen fernerhin, die verruchten Recken, ebenso wie die gerechten Mannen, bis dass der mächtige *Feuertag* über die Menschheit dahinfährt, das Ende dieser Welt’ [Behringer 1898: 110].

‘Сатана, который распространяет такое гнусное учение, соблазнил многих людей из народа, которые по его воле совершили злодеяния. Но пусть они дальше процветают, нечестивцы, так же как и честные мужи. До той поры, когда *дневной огонь* не обрушится на человечество. И наступит конец света’.

Затем следует описание ‘Страшного суда’. Праведников ангелы ведут на небо, а прочих — в ад, где они будут гореть в муках.

См. также строки 4360–4363:

- (3) *Mutspelli kumit an thiustrea naht; al sô thiof ferid darno mid is dâdiun, sô kumit the dag mannun, the latsto theses liohtes, sô it êr these liudi ni witun* [Heyne. Héliand 1866].

‘Der Weltvernichter kommt in düsterer Nacht; wie der Dieb mit seinen Thaten in der Finsternis fährt, so nahet den Völkersöhnen der Tag, der letzte dieses Lichtes, dass es eher die Lebenden nicht wissen’ [Behringer 1898: 189].

‘Придет *могильщик мира* темной ночью, как это делает вор, тогда приблизится к людям последний день света, о котором не знают живые’.

Далее Всемирный потоп во времена Ноя сравнивается с огнем, от которого не спасется ни один грешник, и наступит конец света.

В древнеисландском собственное имя *Múspellr* используется для обозначения мифического великана, обитающего в подземном мире [de Vries 1977: 396–397]. *Múspellr* переводится как Holzverderber (‘губитель леса’) или Erdverderber (‘губитель земли’) <*mí- Erde (‘земля’) [Meyer 1891: 149]. В скандинавской мифологии существа, стремящиеся разрушить мир огнем, именуются *Múspellz megir*, *Múspellz synir*, *Múspellz lýðir*, т. е. ‘спутниками, сыновьями или людьми *Múspellr*’ [Krogmann 1953: 98–99]. ‘Мир огня’ на юге, о котором также упоминается в скандинавском мифе, именуется *Múspell* или *Múspellsheimr* [Bugge 1889: 448].

2. Проблема исследования и основные подходы к ее решению

Древневерхненемецкое имя *múspilli*, равно как и его соответствия в древнесаксонском и древнеисландском, являются, по словам Г. Йеске, энигмой германской этимологии [Jeske 2006: 425]. В отношении

значения данного слова и его происхождения существует множество версий, которые еще со времен В. Брауне принято делить на две группы [Braune 1911: 190–191].

Одни лингвисты считают *mûspillî* древнегерманским (языческим) словом, другие указывают на его христианское происхождение. Обзор имеющейся литературы по данному вопросу дан В. Брауне в примечаниях к древневерхненемецкой хрестоматии [Braune 1911: 190–191], а также Г. Йеске [Jeske 2006: 425–434] и Е. Ди Веноза в недавно опубликованном исследовании [Di Venosa 2023: 41–49].

Сторонники языческого происхождения имени *mûspillî* связывают христианские религиозные понятия ‘конец света’, ‘Страшный суд’, о которых идет речь в литературных источниках, с языческими представлениями о разрушительном огне. *Mûspillî* — сложное имя, первый компонент которого, т. е. *mud-*, *mu-* (*mû-*?), означает ‘земля’, ‘дерево’. Второй компонент этимологически соответствует древнеисландскому существительному среднего рода *spell* Bruch, Schaden (‘разрыв, ущерб’), слабому глаголу др.-исл. *spilla*, др.-англ. *spildan*, *spillan*, др.-сакс. *spildian*, др.-в.-нем. *spilden* ‘разрушать’ [Braune 1911: 190]. Поэтому Я. Гримм переводит данное слово как *das Holzverderbende* или *das Baumverzehrende* (‘то, что сжигает деревья’) [Grimm 1877: 675]. По его мнению, *mûspillî* — это поэтическое описание огня. Такой же точки зрения придерживаются К. Мюлленгоф (‘древнее языческое слово для обозначения огня’) [Müllenhoff 1883: 66], Ф. Кауфман (*Erdspaltung* — ‘поэтическое обозначение огня’) [Kauffmann 1901: 7] и др. Так как в древневерхненемецком **mû* означает *Erde* (‘земля’), ср. др.-в.-нем. *mûwerf* *Maulwurf* (‘крот’), Р. Кёгель переводит *mûspillî* как *Erdzerstörer* (‘разрушитель земли’) (см. [Braune 1911: 190]). Фон Гринбергер первую часть слова возводит к др.-англ. *mûza* (англ. *tow*) *Haufen* (‘куча’), др.-исл. *múgi* и *múgr* *Haufen*, *Menschenhaufen*, *Volksmenge* (‘толпа’) и слово целиком переводит как *interitos populi*, *Verderben der Volksmenge* (‘гибель толпы’) [Grienberger 1904: 40–63].

Версия о христианском происхождении исследуемого имени получила, однако, наибольшее распространение. Поскольку в древневерхненемецком и древнесаксонском текстах повествуется о Судном дне и конце света, в словарях при переводе *mûspillî* используются

обычно эти же христианские термины, т. е. *Weltende* ('конец света') или *Jüngster Tag* ('Судный день'). Библейско-христианская тематика первоисточников не только обуславливает соответствующую интерпретацию значения данного слова в контексте, но и его этимологическую трактовку.

Вторая часть сложного имени *mûspill* (т. е. *-spill*) легче поддается интерпретации, нежели первая часть (*mû-*), вследствие наличия родственных образований в германских языках. Компонент *-spill* соответствует др.-в.-нем. *spel* Rede ('речь'), ср. гот. *spill* 'сказание'.

Первая часть интерпретируется по-разному. Чаще всего компонент *mû-* соотносится с гот. *munþ*, др.-сакс. *mûð*, *mûd*, др.-в.-нем. *mund*, *munth*, нем. *Mund* ('уста'), поэтому др.-сакс. *mûdspelli* обычно переводят как *Mundwort* ('устное слово') для образного, поэтического обозначения судьбы, рока [Braune 1911: 190].

Некоторые исследователи, объясняя происхождение первой части данной лексемы, указывают на возможность заимствования из латыни. С. Бугге переводит *mûspill* как 'то, что провозглашено, сказано о конце света' (*von mundi consummatio, dem Weltende*), так как *mû-* в др.-сакс. *mûdspelli* < *mundspelli восходит к лат. *mundus* 'мир', 'земля'. При этом лат. *mundus* дает др.-сакс. *mûð-* перед *-sp-*, далее *mûð-* > *mût-* [Bugge 1889: 448]. А. Цамбони [Zamboni 2006: 1813–1827] предполагает, что *mûspill* восходит к латинскому термину *vespillo* *Leichenträger* ('носилищик мертвых'). Хотя семантически здесь можно усматривать некую связь, с фонетической точки зрения переход лат. *ve-* в др.-в.-нем. *mû-* вызывает сомнение [Luschützky 2011: 160].

В. Крогман, посвятивший данной теме более десятка своих работ, также настаивает на христианском происхождении имени *mûspill*, которое, по его мнению, является описательным обозначением Христа. Опираясь на подробный анализ библейских источников, он приходит к выводу, что *mûspill* — это *Mundtöter*, т. е. Христос, 'мечом уст своих побивающий врагов' [Krogmann 1953: 106]. В. Хаубрихс [Haubrichs 1995: 321] считает, что *mûspill* — это кеннинг ('меч уст' или 'дух уст'), использовавшийся для обозначения Христа или 'Страшного суда'. По мнению Е. Ди Веноза, теория В. Хаубрихса противоречит тому факту, что кеннинг — троп, характерный

для стиля древнеисландской и древнеанглийской поэзии, встречающийся в «Гелианде» только спорадически [Di Venosa 2023: 48].

Несмотря на развернувшуюся широкую дискуссию, данная проблема не получила окончательного решения. Большинство ученых рассматривают исследуемое слово как религиозный термин, связывая его происхождение либо с языческими, либо с христианскими верованиями древних германцев. Некоторые исследователи предлагают юридическую интерпретацию. Так, по мнению С. Дорфф, имя *múspilli* означает *Mundspruch, verdammender Spruch des Richters*, т. е. ‘суровый устный приговор судьи’, и уже затем становится обозначением Страшного суда [Dorff 1903: 1].

Еще в начале прошлого века В. Брауне, подводя итоги дискуссии, пришел к выводу о том, что все христианские интерпретации данного слова неверны, а среди языческих трактовок ни одна не является вполне убедительной. Он тем самым склонялся к мнению, что объяснение происхождения данного слова нужно искать на дохристианской почве, связывая его значение с древнегерманской мифологией, хотя на окончательное решение этой проблемы, как он считал, в будущем вряд ли можно рассчитывать [Braune 1911: 191]. Сомнения по поводу возможности решения этого вопроса высказывают и современные лингвисты, например, В. Мор [Mohr, Haug 1977: 12]. Г. Йеске полагает, что какая-либо новая ее интерпретация, вопреки имеющимся, уже является своего рода вызовом [Jeske 2006: 425].

3. Критическая оценка интерпретации *múspilli* как *Mundtöter*

Конечно, нельзя исключать того, что создатели древневерхне-немецкой поэмы и древнесаксонского «Гелианда», используя имя *múspilli*, имели в виду Христа. Трактовка же *múspilli* как *Mundtöter* (‘убивающий устами’) вызывает сомнения. Прежде всего, это относится к первой части этого имени. Вряд ли допустимо возводить *mú-* к герм. существительному мужского рода **munþa* > гот. *munþs*,

др.-сакс. *mûđ, mûd*, др.-в.-нем. *munth*, нем. *Mund* ('уста'). Чередование *d/t*, отмеченное в др.-сакс. *mûdspelli / mûtspelli*, не характерно для рефлекса герм. **-nþ* в древнесаксонском: герм. спирант **þ* отражается здесь в ауслaute как глухой спирант *th* (иногда *đ* или *d*), ср. др.-сакс. *sith* (гот. *sinþs*, др.-в.-нем. *sind, sinth* 'путь'), *gesithskepi*, дат.п. *gesidskepea, gisidscipie* Gefolgschaft ('сопровождение'), *muth* (гот. *munþs*, др.-в.-нем. *munth* 'рот'), *soth* (гот. **sanþs*, др.-в.-нем. **sand* 'wahr' 'правдивый'), *múthfull Bissen* ('кусоч'), но не как смычный *t < d* [Gallée 1891: 52–53]. Наличие в древнесаксонском формы *suotspell* (С 3838) наряду с *sodspell (sōthspell) ehrliche Auskunft* ('правдивые сведения'), по-видимому, вызвано немецким влиянием, поскольку *suotspell* — форма с дифтонгизацией долгого герм. **ō >* др.-в.-нем. *uo*. Поэтому чередование *d/t* в данном случае не может убедительно свидетельствовать о диссимиляции др.-сакс. *th > t* перед *-s*, как полагает В. Кругман [Krogmann 1953: 104]. Так как для древневерхненемецкого ожидаемой следует полагать форму с носовым, т. е. **mundspilli* или **munthspilli* (вместо засвидетельствованного *mûspilli*), В. Кругман предложил считать др.-в.-нем. *mûspilli* изначально древнесаксонским словом, проникшим в древневерхненемецкий текст при переводе поэмы с древнесаксонского. Переводчик, как полагает В. Кругман, встретив незнакомое ему слово, оставил его саксонский вариант (Der Übersetzer hat das Wort, das er nicht verstand, in seiner altsächsischen Lautform beibehalten [Krogmann 1953: 107]). Однако в древнесаксонских текстах, как известно, слово писалось иначе, т. е. *mudspelli* и *mutspelli*.

Таким образом, эти факты дают повод усомниться в том, что графемы *d/t* в древнесаксонском *mûd(t)spelli* отражает герм. **þ* и первую часть этого слова следует возводить к герм. **munþa* 'уста'.

В таком случае появляется основание для предположения о наличии здесь рефлекса германской фонемы **d <* и.-е. **dh*. И это означает, что первая часть слова не соответствует герм. **munþa*, и слово целиком не может переводиться как *Mundtöter* ('убивающий устами'). Поскольку выпадение носового *-n* в графике исследуемого слова не отражается, следует поставить под сомнение и все прочие переводы *mûspilli* с начальным *Mund-*, например, *mündliche Verkündigung*

(‘устная весть’), Prophezeiung über das Weltende (‘пророчество о конце света’) [Detter 1896: 108]; Mundspruch des Richters (‘устный приговор судьбы’) [Dorff 1903: 1–7]; Mundschwert (‘меч уст’); др.-сакс. *mudspelle* как перевод лат. *oraculum* в значении *oris eloquium* (‘красноречие’) [Braune 1911: 191; Jeske 2006: 428]. Если предполагать, что носовой в первой части данного слова вообще отсутствовал, то речь должна идти о совершенно иной этимологии первого корня.

4. Предлагаемое объяснение исходного значения и происхождения имени *mûspilli*

Для выяснения исходного значения и происхождения данного слова важную роль играет контекстный анализ (прежде всего, показания древневерхненемецкого и древнесаксонского). В тексте поэмы имя *muspilli* по смыслу связано со словами *stûatago* Tag der Strafe (‘день наказания’) и *vuir* (‘огонь’), см. (1): *verit* ⟨...⟩ *stûatago* ⟨...⟩ *mit diu vuiru* ⟨...⟩. На наличие смысловой связи между этими словами указывается и в исследовании С. Дорфф, где *mûspilli* рассматривается как вариация *stûatago* [Dorff 1903: 1]. Употребление местоимения *demo* также может свидетельствовать в пользу наличия такой связи (*dâr ni mac denne mâk andremo helfan vora demo mûspille*), так как автор поэмы подчеркивает, что речь идет о том, о чем говорилось прежде, то есть о ‘Судном дне’ с его ‘огнем’. Местное значение предлога *vora* ‘перед’ (*vora demo mûspille*), как полагает Х. Колб, указывает на то, что в данном случае речь идет об обозначении, относящемся к сфере суда (*eine Bezeichnung aus dem Bereich des [Jüngsten] Gerichts*) [Kolb 1964: 4]. Он высказался против перевода *mûspilli* как *Weltuntergang* (‘конец света’) и предложил переводить это имя как ‘[Страшный] суд’.

Употребление с глаголом *verit* неодушевленного существительного мужского рода (*stûatago*) может свидетельствовать о персонификации понятия ‘Страшный суд’. Наличие смысловой связи между *stûatago* и *mûspilli* может быть основанием для предположения о том,

что *múspill* представляет собой прозвание ‘Страшного суда’ по его характерному признаку.

‘Страшный суд’ — это, прежде всего, ‘суд памяти’, *напоминание* или *воспоминание* о содеянном. Память — ‘меч’ и ‘огонь’ этого суда. Именно с понятиями ‘память’, ‘воспоминание’, ‘напоминание’ предположительно связано исходное (прямое) значение имени *múspill*.

В. Мор и В. Хауг высказывали сомнение в том, что *múspill* в древневерхненемецком и древнесаксонском может быть именем лица, так как исследуемое слово несет в себе абстрактный смысл (*Untergang, Vernichtung*, т. е. ‘гибель, уничтожение’) [Mohr, Naug 1977: 11]. Однако ничто не может помешать абстрактному смыслу измениться и стать конкретным в условиях соответствующего (метафорического) словоупотребления, когда название свойства становится обозначением предмета, обладающего данным свойством.

Контекст второго отрывка из «Гелианда» также указывает на персонификацию ‘дня конца света’ (*sô kumit the dag the latsto theses liohtes*), и на возможность интерпретации *múspill* как прозвища ‘Судного дня’ (‘дня Господня’), ср. др.-сакс. *mutspelli kumit an thiustrea naht*, что соответствует библейскому тексту ‘Придет же день Господень, как тать ночью (<...>’ [2 Пет. 3:10]. Ср. также трактовку древнеисландского *Múspellr* как персонифицированного в образе мифического великана пламени [Mogk 1907: 382; de Vries 1977: 397].

Поскольку исходное значение имени *múspill* гипотетически связано с понятиями, относящимися к памяти (‘вспоминать, напоминать’), последние могут стать ключом к раскрытию его семантической истории и указать на происхождение его первого компонента, этимологическая интерпретация которого вызывает наибольшие трудности.

В связи с этим обращает на себя внимание готский глагол *maudjan* (*gamaudjan*), значением которого является *erinnern* (‘напоминать’), и однокоренное существительное гот. *gamaudeins* *Erinnerung* (‘воспоминание’). Этимологические соответствия этим формам в других германских языках отсутствуют, однако они имеются в других индоевропейских языках. См. восходящие к и.-е. корню **mēudh-*,

**māudh-*, **mūdh-* со значением ‘worauf bedacht sein’ (‘думать о чем-либо, помнить, стремиться к чему-либо’); ‘sehnlich verlangen’ (‘страстно требовать, желать’) литовские формы *maudžiù*, *maūsti* sehnlich verlangen, *āpmaudas* Verdruss, Sorge (‘досада, забота’); ср. также др.-болг. *myslъ* (*mūd-sljo), др.-греч. *μῦθος* ‘слово’, ‘речь’, ‘весть’, *μῦθέομαι* ‘говорить’, ‘рассказывать’, ‘называть’; персидские слова *mōja* Klage (‘жалоба’) (-*j*- < -*d*-), *must* klage (‘жалуюсь’) (*st-* < -*dhst*) [Pokorny 1959: 743].

Рефлекс данного индоевропейского корня сохранился не только в глаголе гот. *maudjan*, но и в первом компоненте имени др.-в.-нем. *mū-spilli*, др.-сакс. *mūd-spelli* с нулевой ступенью огласовки **mūdh-* > др.-сакс. *mūd-* > *mūt-*.

Связь исходного значения *mūspilli* с понятиями, относящимися к памяти, отчасти подтверждается и указанием Э. Хельгардта, который последовательно делил содержание поэмы *Mūspilli* на две части — повествовательную (*Erzählung*) и назидательную (*Mahnung*, т. е. ‘напоминание’) [Hellgardt 2013: 288].

На основании вышеприведенных соображений можно прийти к выводу о том, что исходное значение *mūspilli* не имеет прямого отношения к религиозным представлениям, христианским или языческим. Для обозначения религиозных понятий (‘Страшный суд, день Господень’) в христианских текстах использовалось слово светского языка.

К сожалению, морфологический статус исследуемого имени в древневерхненемецком и древнесаксонском не поддается однозначной интерпретации. Нет абсолютной уверенности в том, к какому роду, мужскому или среднему, относятся древневерхнемецкий и древнесаксонский варианты исследуемой лексемы. Так как имя *Múspell* в древнеисландском явно принадлежит к *a*-основам среднего рода, фон Гринбергер предположил, что и соответствующий термин в континентальном германском — среднего рода [Grienberger 1904: 53]. Неясно также, каким показателем изначально оформлялась данная основа в древневерхненемецком и древнесаксонском, так как в древнесаксонском в формах склонения *mūdspellī* имеются формативы и *a*-основ, и *ja*-основ [Grienberger 1904: 52–53].

Не исключено, однако, что принадлежащее к *a*-основам среднего рода существительное др.-в.-нем. *spel*, род.п. *spelles* ‘речь’, к которому восходит второй компонент данного композита, в составе сложного слова подвергалось трансформации и оформлялось как *ja*-основа [Кубрякова 1963: 122], сохраняя при этом принадлежность к среднему роду, ср. гот. *naht* (ж. р.) ‘ночь’, но *anda-nahti* (ср. р.) ‘вечер’; *laun* (ср. р.) ‘плата’ — *anda-launi* (ср.р.) ‘отплата’; др.-в.-нем. *weg* (м. р.) ‘дорога’ — *alt-wiggi* (ср. р.) ‘старая дорога’. Это дает основание предполагать, что основа *mûspilli* < **mûdspellja*- изначально принадлежала к *ja*-основам среднего рода. Нельзя исключить также то, что основа **mûdspellja*- представляла собой производное образование от *a*-основы среднего **mûdspella*- с отвлеченным значением ‘нечто памятное’ (‘памятная весть’). На возможность существования композита с таким значением указывают древнесаксонские *a*-основы среднего рода, ср. *sorgspell* ‘печальное известие’ (traurige Nachricht), *sodspel* ‘честные сведения’ (ehrliche Auskunft), *willspell*, *godspell* ‘хорошее известие’ (gute Nachricht). Поскольку по смыслу ‘памятная весть’ есть не что иное, как ‘напоминание’ или ‘воспоминание’, производное имя среднего рода **mûdspellja*-, по-видимому, имело значение ‘то, что напоминает’ или ‘то, что вспоминается’. В древних текстах континентального германского, употребляясь метафорически для обозначения персонифицированного ‘Страшного суда’, основа среднего рода **mûdspellja*- могла, вероятно, приобретать грамматическое значение мужского рода ‘тот, кто напоминает’/ ‘напоминающий’, так как существительное *stûatago*, прямое обозначение ‘Страшного суда’, относилось к мужскому роду.

Возникает вопрос: почему и.-е. **dh* закономерно отражается в древнесаксонском «Гелианде» как *dlt*, но отсутствует в древневерхненемецком *mûspilli* и древнеисландском *Mûspellr*. Однако, как известно, прозвища, становящиеся личными именами, склонны подвергаться процессам опрощения, что и произошло в данном случае с исследуемым словом в древнеисландском, возможно, и в древневерхненемецком, где рефлекс **dh* мог исчезнуть (был элиминирован) перед группой согласных *-sp-*, и морфемная граница между первым и вторым корнем первоначально сложного слова оказалась стертой.

5. Выводы

В древневерхненемецком и древнесаксонском имя **mūdspellja* ‘тот, кто напоминает’ / ‘напоминающий’ использовалось метафорически в качестве прозвания персонифицированного ‘Страшного суда’ и, в переносном значении, приобретало религиозный смысл. Наличие у имени *mūspilli* указанного (прямого) значения подтверждается этимологическим анализом: германская лексема **mūdspellja* > *mūspilli* семантически и этимологически связана с рефлексами индоевропейского корня **mēudh-*, **məudh-*, **mūdh-* ‘думать’, ‘страстно желать’. Ее первый компонент (*mū-* < **mūd-*), с нулевой ступенью огласовки корня (ср. и.-е. **mūdh-*), этимологически соответствует готскому глаголу *maudjan* ‘напоминать’ и существительным *gamaudeins* ‘воспоминание’, *ufarmaudei* ‘забывчивость’. Второй компонент (*-spilli*) является продолжением германской основы **spella-* ‘речь’.

Список условных сокращений

герм. — германский; гот. — готский; др.-англ. — древнеанглийский; др.-болг. — древнеболгарский; др.-в.-нем. — древневерхненемецкий; др.-греч. — древнегреческий; др.-исл. — древнеисландский; др.-сакс. — древнесаксонский; ж. р. — женский род; и.-е. — индоевропейский; лат. — латинский; м. р. — мужской род; нем. — немецкий; 2 Пет. — Второе послание апостола Петра; ср. р. — средний род; OHG — Old High German.

Литература

- Кубрякова 1963 — Е. С. Кубрякова. Именное словообразование в германских языках // М. М. Гухман (ред.). Сравнительная грамматика германских языков. Т. 3: Морфология. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 39–131.
- Behringer 1898 — E. Behringer. Die altsächsische Evangelienharmonie. Aschaffenburg: C. Krebs'sche Buchhandlung (E. Kriegenherdt), 1898.
- Braune 1911 — W. Braune. Althochdeutsches Lesebuch. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1911.

- Bugge 1889 — S. Bugge. Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen. München: Christian Kaiser, 1889.
- de Vries 1977 — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: E. J. Brill, 1977.
- Detter 1896 — F. Detter. Múspilli // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. 1896. Bd. XXI. S. 107–110.
- Di Venosa 2023 — E. Di Venosa. Muspilli: introduzione, traduzione e commento. (Borealia: studi di filologia germanica, nederlandistica e scandinavistica 3). Pisa: Pisa University Press, 2023.
- Dorff 1903 — S. Dorff. Múspilli // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen (Herrigs Archiv). 1903. Jg. LVII. Bd. CX. S. 1–7.
- Gallée 1891 — J. H. Gallée. Altsächsische Grammatik. Laut- und Flexionslehre. Halle; Leiden: Max. Niemeyer; E. J. Brill, 1891.
- Grienberger 1904 — v. Grienberger. Múspell // Indogermanische Forschungen. 1904. Bd. 16. H. 1. S. 40–63.
- Grimm 1877 — J. Grimm. Deutsche Mythologie. Vierte Ausgabe. Bd. II. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1877.
- Haubrichs 1995 — W. Haubrichs. Die Anfänge: Versuche volkssprachiger Schriftlichkeit im frühen Mittelalter (ca. 700–1050/60) // J. Heinze (hrsg.). Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit. Bd. I. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995.
- Hellgardt 2013 — E. Hellgardt. ‘Muspilli’ // R. Bergmann (hrsg.). Althochdeutsche und altsächsische Literatur. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. S. 288–292.
- Heyne 1866 — M. Heyne. Héliand. Mit ausführlichem Glossar herausgegeben. Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1866.
- Jeske 2006 — H. Jeske. Zur Etymologie des Wortes muspilli // Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 2006. Bd. 135. H. 4. S. 425–434.
- Kauffmann 1901 — F. Kauffmann. Muspilli // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1901. Bd. 33. S. 5–7.
- Kolb 1964 — H. Kolb. Vora demo muspille // Zeitschrift für deutsche Philologie. 1964. Bd. 83. S. 2–33.
- Krogmann 1953 — W. Krogmann. Muspilli und Muspellsheim // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1953. Jg. V. H. 2. S. 97–118.
- Luschützky 2011 — H. Cr. Luschützky. Book Review: Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani. 3 vols. A cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. XLVI, VIII, VIII, 1866 p. // Acta Linguistica Hungarica. Vol. 58 (1–2). 2011. P. 157–167. DOI: 10.1556/ALing.58.2011.1–2.9.
- Meyer 1891 — E. H. Meyer. Germanische Mythologie. Berlin: Mayer&Müller, 1891.
- Mogk 1907 — E. Mogk. Germanische Mythologie. Strassburg: Karl J. Trübner, 1907.

- Mohr, Haug 1977 — W. Mohr, W. Haug. *Zweimal ‘Muspilli’*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1977. DOI: 10.1515/9783110927771.
- Müllenhoff 1883 — K. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde*. Bd. 5. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1883.
- Pokorny 1959 — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1959.
- Zamboni 2006 — A. Zamboni. *Muspilli: un’eco di funeraria romana nell’escatologia cristiano-germanica? // Studi linguistici in onore di R. Gusmani*. A cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. Alessandria: Edizioni dell’Orso, 2006. S. 1813–1827.

References

- Behringer 1898 — E. Behringer. *Die altsächsische Evangelienharmonie*. Aschaffenburg: C. Krebs’sche Buchhandlung (E. Kriegenherdt), 1898.
- Braune 1911 — W. Braune. *Althochdeutsches Lesebuch*. Halle: Verlag von Max Niemeyer, 1911.
- Bugge 1889 — S. Bugge. *Studien über die Entstehung der nordischen Götter- und Heldensagen*. München: Christian Kaiser, 1889.
- de Vries 1977 — J. de Vries. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: E. J. Brill, 1977.
- Detter 1896 — F. Detter. *Müspilli. Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 1896. Bd. XXI. S. 107–110.
- Di Venosa 2023 — E. Di Venosa. *Muspilli: introduzione, traduzione e commento*. (Bo-realia: studi di filologia germanica, nederlandistica e scandinavistica 3). Pisa: Pisa University Press, 2023.
- Dorff 1903 — S. Dorff. *Müspilli. Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen (Herrigs Archiv)*. 1903. Jg. LVII. Bd. CX. S. 1–7.
- Gallée 1891 — J. H. Gallée. *Altsächsische Grammatik. Laut- und Flexionslehre*. Halle; Leiden: Max. Niemeyer; E. J. Brill, 1891.
- Grienberger 1904 — v. Grienberger. *Müspell. Indogermanische Forschungen*. 1904. Bd. 16. H. 1. S. 40–63. DOI: 10.1515/9783110242584.40.
- Grimm 1877 — J. Grimm. *Deutsche Mythologie. Vierte Ausgabe*. Bd. II. Berlin: Ferdinand Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1877.
- Haubrichs 1995 — W. Haubrichs. *Die Anfänge: Versuche volkssprachiger Schriftlichkeit im frühen Mittelalter (ca. 700–1050/60)*. J. Heinzle (hrsg.). *Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zum Beginn der Neuzeit*. Bd. I. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995.

- Hellgardt 2013 — E. Hellgardt. 'Muspilli'. R. Bergmann (hrsg.). *Althochdeutsche und altsächsische Literatur*. Berlin; Boston: De Gruyter, 2013. S. 288–292.
- Heyne 1866 — M. Heyne. Héliand. *Mit ausführlichem Glossar herausgegeben*. Paderborn: Druck und Verlag von Ferdinand Schöningh, 1866.
- Jeske 2006 — H. Jeske. Zur Etymologie des Wortes muspilli. *Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur*. 2006. Bd. 135. H. 4. S. 425–434.
- Kauffmann 1901 — F. Kauffmann. Muspilli. *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1901. Bd. 33. S. 5–7.
- Kolb 1964 — H. Kolb. Vora demo muspille. *Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1964. Bd. 83. S. 2–33.
- Krogmann 1953 — W. Krogmann. Muspilli und Muspellsheim. *Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte*. 1953. Jg. V. H. 2. S. 97–118.
- Kubryakova 1963 — E. S. Kubryakova. Imennoye slovoobrazovaniye v germanskikh yazykakh [Nominal word formation in Germanic languages]. M. M. Gukhman (ed.). *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov*. T. 3. Morphologiya [Comparative grammar of Germanic languages. Vol. 3. Morphology]. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963.
- Luschützky 2011 — H. Cr. Luschützky. Book Review: Studi linguistici in onore di R. Gusmani. 3 vols. A cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. XLVI, VIII, VIII, 1866 p. *Acta Linguistica Hungarica*. Vol. 58 (1–2). 2011. P. 157–167. DOI: 10.1556/ALing.58.2011.1–2.9.
- Meyer 1891 — E. H. Meyer. *Germanische Mythologie*. Berlin: Mayer&Müller, 1891.
- Mogk 1907 — E. Mogk. *Germanische Mythologie*. Strassburg: Karl J. Trübner, 1907.
- Mohr, Haug 1977 — W. Mohr, W. Haug. *Zweimal «Muspilli»*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1977. DOI: 10.1515/9783110927771.
- Müllenhoff 1883 — K. Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde*. Bd. 5. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1883.
- Pokorny 1959 — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern; München: Francke Verlag, 1959.
- Zamboni 2006 — A. Zamboni. *Muspilli: un'eco di funeraria romana nell'escatologia cristiano-germanica?* Studi linguistici in onore di Roberto Gusmani, a cura di R. Bombi, G. Cifoletti, F. Fusco, L. Innocente, V. Orioles. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2006. S. 1813–1827.

Глагольные каритивные конструкции норвежского языка

Н. О. Гордеев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); permanentdaylight@mail.ru; ORCID: 0009-0002-3811-1163

Аннотация. В статье описываются глагольные каритивные конструкции норвежского языка, характеризуются их формальные и семантические свойства. Конструкции рассматриваются в порядке от семантически ядерных и формально наиболее простых к периферийным, благодаря чему удастся сформировать общее представление о границах каритивной зоны норвежского языка и входящих в нее семантических подгруппах. В заключении статьи дается указание на некоторые участки каритивной зоны норвежского языка, для которых нет устойчивых и употребительных способов выражения.

Ключевые слова: каритив, каритивная конструкция, грамматика конструкций, норвежский язык.

Благодарности: Статья подготовлена по результатам проекта «Типологический конструкторикон» при поддержке фонда «Гуманитарные исследования» ФГН НИУ «Высшая школа экономики» в 2022–2024 году.

Norwegian verbal caritive constructions

Nikita O. Gordeev

HSE University (Moscow, Russia); permanentdaylight@mail.ru;
ORCID: 0009-0002-3811-1163

Abstract. The article proposes a detailed description of the verbal caritive constructions in Norwegian and an analysis of their formal and semantic features. The description proceeds from the semantic core of caritive constructions to their periphery and up to the very border of the Norwegian caritive zone. For the purposes of this

work, the caritive itself is understood broadly as a semantic category conveying the meaning of loss/absence of either an anticipated participant in a situation or of an item in possession by the situation's main participant.

The caritive markers for this analysis were selected based on both semantic and formal criteria; they are understood here as semantically grouped constructions representing different linguistic levels. The term construction is interpreted here in a sense close to that of the Construction Grammar, i.e. as a partially idiomatic form-meaning pairing.

The paper divides the Norwegian caritive zone into two major subzones — that of loss and that of concession. The latter demonstrates somewhat stronger semantic complexity where the core elements of respective caritive situations, i.e. the loss/absence of an anticipated item, are additionally treated as a successfully negotiated impediment. Though quite different, the components included into each of the two subzones can contain the most basic caritive marker in Norwegian, the preposition *uten* 'without'. Notably, Norwegian constructions expressing concession also can convey the idea of avoidance thus expanding into (and across) the farthest periphery of the caritive zone where the very absence of an unwanted situation is understood as anticipated and achieved. Given that the semantics of avoidance also can be expressed with the help of the abovementioned preposition *uten* 'without', this subsidiary zone is analyzed in the paper as well.

Keywords: caritive, caritive construction, construction grammar, Norwegian.

Acknowledgements: The research was supported by the Faculty of Humanities, HSE University, Project "Typological Constructicon", 2022–2024.

1. Введение

Цель статьи — описать основные глагольные каритивные конструкции норвежского языка (под неглагольными в данном случае понимаются именные сочетания типа 'чай без сахара', 'стол без ножки' и т. п., а также более семантически сложные конструкции типа 'без пяти минут...'). Изначальный «набор» конструкций для описания составлен нами по формальному признаку — все конструкции, в состав которых входит глагол + предлог *uten* 'без' (определение конструкции, используемое в данной работе); далее к ним были

добавлены синонимичные, но формально более простые конструкции (как правило, это были конструкции, ключевым элементом которых являются полнозначные глаголы). В соответствии с их значениями отобранные единицы были сгруппированы в семантические зоны; сами зоны были охарактеризованы нами как ядерные и периферийные: к первым относятся зоны утраты, каузации утраты и отсутствия, ко вторым — уступки и избегания. Отметим при этом, что данная работа не претендует на исчерпывающее перечисление всех конструкций, обслуживающих выделенные нами семантические зоны, мы перечисляем лишь основные, то есть те, для которых значение соответствующей семантической зоны является основным и которые выражают его без каких-либо нетривиальных семантических компонентов (например, в качестве средств выражения семантики утраты мы указываем такие единицы, как *bli uten* ‘остаться без’ и *miste* ‘потерять’, но не *ødsle* и *sløse bort* со значением ‘растрачивать’, то есть терять в результате чрезмерного и/или нерационального использования).

Сам каритив в данной работе понимается весьма широко — в значении, близком тому, что было предложено В. А. Плунгяном [Плунгян 2010: 170], то есть как утрата или отсутствие в ситуации ее ожидаемого участника или объекта обладания главного участника. Предложенное определение в своей формулировке лишь незначительно отличается от формулировки В. А. Плунгяна. Ключевое отличие между ними заключается скорее в контексте — В. А. Плунгян перечисляет каритив в числе возможных падежных граммем имени, в то время как мы рассматриваем его как семантическую категорию; соответственно, в круг нашего рассмотрения попадают различные по своим свойствам языковые единицы.

Отдельно отметим, что определение каритива, предложенное С. А. Оскольской и коллегами [Оскольская и др. 2020], несмотря на свои безусловные достоинства, не может быть применено в рамках данной работы ввиду существенно различных целей нашей статьи и проекта С. А. Оскольской. Последний был направлен на типологическое исследование, в рамках которого рассмотрению подлежали лишь базовые каритивные единицы (то есть наиболее

специализированные, грамматикализованные и частотные), соответственно, определение каритива было достаточно строгим. Мы же, оставаясь в рамках одного языка, заинтересованы в более тщательном рассмотрении каритивных единиц во всем их многообразии, поэтому наше определение оказывается более слабым.

Другое известное определение каритива как отрицания комитатива, предложенное Т. Штольцем и коллегами [Stolz et al. 2007: 66], также не может быть нами использовано. Во-первых, оно представляется весьма узким, а во-вторых, несмотря на интуитивную понятность, оно кажется в некоторой степени поспешным, так как системность противопоставления комитатива и каритива еще только предстоит выяснить, а это возможно только после независимого изучения каритива.

При описании отобранных нами каритивных единиц мы используем подход Грамматики конструкций, предполагающий наличие в конструкции элементов двух типов — якоря и слота, соответственно, неизменяемой и варьируемой части конструкции. В прототипической каритивной конструкции встречается до трех слотов — абсент (лишаемое или отсутствующее), ориентир (участник ситуации, затронутый отсутствием или лишением абсенса) и каузатор лишения (в отличие от предыдущих двух не является обязательным и встречается лишь в конструкциях каузации лишения). В примере (1) в качестве ориентира выступает местоимение *ham* ‘его’, абсенса — существительное *frihet* ‘свобода’, каузатора — местоимение *jeg* ‘я’; перечисленные роли схематически обозначаются буквами *X*, *Y* и *Z* соответственно:

- (1)   *Z*   *X* *Y*
Jeg   *fratok*   *ham*   *frihet*
 1sg   лишать.pst   3sg.m.obj   свобода
 ‘Я лишил его свободы’.

Якорем приведенной выше конструкции *Z frata X Y* является глагол *frata* ‘лишать’.

В рамках данной статьи будет предпринята попытка описать систему базовых глагольных средств выражения каритивной семантики, к каковым мы относим два неравноправных типа единиц: глагольные

конструкции с предлогом *uten* ‘без’, с одной стороны, и синонимичные им глаголы и конструкции, с другой стороны. Предлог *uten* ‘без’ является специализированным средством выражения каритивной семантики в норвежском языке, фактически образует ядро каритивной зоны, поэтому он составляет предмет нашего особого интереса¹. Однако, говоря о глагольных конструкциях с этим предлогом, мы предполагаем, что перечень таковых, вероятно, окажется неоднородным с точки зрения степени их идиоматичности; более того, сочетание с каритивным предлогом может быть свойственно разным глаголам в разной степени. Например, согласно данным используемого нами корпуса (о самом корпусе речь пойдет ниже), наиболее частотными коллокатами *uten* ‘без’ являются глаголы *være* ‘быть’ и *gå* ‘идти’ — данное обстоятельство может объясняться равно как семантическими, так и статистическими закономерностями (перечисленные глаголы являются высокочастотными). С другой стороны, для относительно менее частотного глагола *klare seg* ‘справляться’ предлог *uten* ‘без’ является самым частотным коллокатом (каждое восьмое употребление), что может служить признаком того, что глагол «тяготеет» к каритиву. С точки зрения описания каритивной зоны такие глаголы и конструкции представляют, очевидно, особый интерес. В итоге среди конструкций типа «глагол + *uten*» нас будут в первую очередь интересовать идиоматизированные конструкции (или конструкции «в узком смысле»), а более композиционные конструкции мы будем включать в наше рассмотрение лишь при условии их синонимичности первым². Отдельно отметим при этом, что, поскольку в рамках нашего

---

¹ Отметим, что *uten* ‘без’ не является единственным специализированным средством выражения каритива в норвежском языке, такую же роль можно приписать суффиксу *-løs*, имеющему значение, аналогичное значению русской приставки ‘бес/без-’, однако он менее интересен нам в рамках настоящего исследования ввиду того, что используется в основном для создания именных каритивных конструкций (впрочем, как мы увидим далее, не только их).

² Стоит заметить, что в рамках Грамматики конструкций какого-либо общепринятого определения конструкции или критерия их выделения нет: в основополагающей работе Чарльза Филлмора *The Case of Let Alone* в качестве

подхода мы используем «широкое» понимание конструкции, в качестве синонимов конструкций с *uten* ‘без’ мы также можем (и будем) рассматривать глаголы с каритивной семантикой (норвежские аналоги русских «лишить(ся)», «терять» и т. п.). Подбор синонимичных конструкций будет осуществляться нами «динамически»: глагольные конструкции с *uten* ‘без’ могут обладать значениями, для выражения которых имеются иные, как более универсальные и базовые, так и более специфические и контекстно обусловленные средства — мы будем указывать и описывать и те, и другие.

Перечислив языковые единицы, с которыми мы планируем работать в данной статье, мы можем более конкретно описать механизм поиска и отбора данных единиц. Некоторым подспорьем в обнаружении конструкций с предлогом *uten* ‘без’ для нас послужила магистерская диссертация К. А. Христовой «Формирование семьи конструкций на примере каритивов» [Христовова 2021], в которой, опираясь на данные Национального корпуса русского языка, К. А. Христовова сформировала перечень глагольных и именных конструкций (в узком смысле) с предлогом *без*. Использованный К. А. Христовой метод был применен и в нашей работе, сводится он к следующему: посредством корпуса получается список наиболее частотных

конструкции рассматривались скорее неоднословные идиоматизированные единицы. В то же время встречаются теории, в которых требование идиоматичности конструкции отсутствует (в качестве примера можно привести Радикальную грамматику конструкций Уильяма Крофта. Более того, если мы возьмем определение конструкции, предложенное, например, Аделью Голдберг (которая в своей работе придерживается скорее филлморского подхода), — «формо-смысловая единица, какой-либо аспект формы или значения которой не может быть напрямую предсказан, исходя из ее составных частей или ранее установленных конструкций» [Goldberg 1995: 4] — то мы не сможем не заметить, что оно оставляет существенный простор для интерпретации и не препятствует считать конструкцией фактически любую двустороннюю единицу языка. В рамках данной работы мы скорее придерживаемся именно такого подхода, однако поскольку неоднословные идиоматизированные конструкции нами также рассматриваются, мы будем для краткости называть их конструкциями «в узком смысле».

глагольных коллокатов выбранного предлога (имеются в виду коллокаты «слева»). Далее полученный список сужается — из него удаляются коллокаты, которые в сочетании с предлогом не приобретают переносного значения³, включая также те коллокаты, которые выступают в качестве слотов именных каритивных конструкций «в узком смысле» (например, частотным коллокатом предлога *без* выступает глагол *говорить*, однако К. А. Христосова полагает, что он не столько образует с этим предлогом конструкцию, сколько выступает в качестве слота конструкции *VP без умолку / конца / остановки* наряду с другими глаголами устной речи).

Поиск синонимов отобранных конструкций осуществлялся посредством словарей: двуязычного «Нового большого русско-норвежского словаря» В. П. Беркова [Берков 2006] и одноязычного «Словаря Норвежской академии» [Nilstun et al. (eds.) 2024] (далее *NAOB*)⁴. Если для отобранной конструкции имеется словарная статья в *NAOB*, в ней — фактически в качестве толкования — дается перечень синонимов. Также у норвежской конструкции может быть близкий аналог в русском языке (например, аналогом конструкции *klare seg uten* ‘справляться без’ может служить русское *обходиться без*), в этом случае можно обратиться к словарной статье этого русского аналога и проверить ее на предмет синонимов искомой норвежской конструкции⁵. Заметим, однако, что мы ограничиваем круг интересующих нас

---

³ При использовании понятий, подобных «переносному значению», порою бывает трудно избежать в своей работе некоторой произвольности — это одна из тех причин, которые побуждают нас не использовать невыводимость и идиоматичность в качестве критериев выделения конструкций. Впрочем, формирование у каритивной конструкции «глагол + предлог» переносного значения может служить косвенным признаком упомянутого ранее «тяготения» данного глагола к каритиву. Надежнее, однако, сочетать критерий идиоматичности с более строгими методами — например, с коллокационным анализом (подробнее см. в [Stefanowitsch, Gries 2003; Gries, Stefanowitsch 2004a; Gries, Stefanowitsch 2004b; Stefanowitsch, Gries 2005]).

⁴ Словарь доступен онлайн по ссылке: <https://naob.no/>.

⁵ Хотя описанный метод может показаться громоздким и малопродуктивным, он также послужил для нас источником некоторых интересных наблюдений.

синонимов семантически наиболее элементарными, то есть теми, для которых каритивное значение является единственным или основным и которые являются стилистически нейтральными. В качестве примера возьмем несколько норвежских глаголов, способных выражать каузацию лишения: *ta (noe fra)* ‘брать, отбирать’, *frata* ‘отбирать, лишать’, *berøve* ‘лишать’, *unndra* ‘удерживать’, *forholde* ‘удерживать’, *frakjenne* ‘отсудить’, *fradømme* ‘отсудить’, *nekte* ‘отказывать’. Чтобы оценить степень их семантической сложности, воспользуемся материалами НАОВ. Конструкция *ta (noe fra)* является высококомпозиционной и имеет предельно обобщенное значение ‘брать что-либо у кого-либо’, в НАОВ для нее не существует отдельной словарной статьи или какого-либо пункта внутри другой статьи. Глагол *frata*, в свою очередь, определяется в НАОВ как *ta (noe) fra (noen)* — в итоге данные выражения мы признаем достаточно семантически элементарными и, соответственно, входящими в круг нашего рассмотрения⁶. Глагол *berøve* также признается нами достаточно семантически простым, хотя его определение в НАОВ несколько сложнее, чем у *frata*. В НАОВ он определяется как *ta noe verdifullt (især u håndgripelig, åndelig) fra noen mot vedkommendes vilje; frata* ‘взять что-либо ценное (особенно нематериальное, абстрактное) у кого-либо против их воли; лишить’. Однако фактически уточнения про ценность, нематериальность и насильственность вполне справедливы и для *frata*, и разница между глаголами заключается скорее в относительно низкой частотности *berøve*. Другие перечисленные глаголы мы на разных

В частности, благодаря ему было замечено, что свойственное русскому *обойтись без* значение протекания события — *Путешествие обошлось без происшествий* — не может выражаться норвежским *klare seg* ‘справляться’, хотя в значении уступки — *Я обойдусь без вашей помощи* — конструкции синонимичны.

⁶ В данном случае мы проигнорируем некоторую неадекватность определения, предложенного НАОВ; хотя словарь определяет *frata* как *ta (noe) fra (noen)*, две единицы далеки от полной синонимии, так как *frata* не может употребляться в контексте добровольной передачи чего-либо, а *ta (noe) fra (noen)* может (в этом случае значение выражения фактически не является каритивным).

основаниях отвергаем: *unndra* и *forholde* выражают каритивное значение в стилистически маркированном контексте, а их прямое значение ‘удерживать(ся), воздерживать(ся)’ не относится к каритивной зоне; для *nekte* каритивное значение также не является основным, глагол значит ‘отказывать’; наконец, глаголы *frakjenne* и *fradømme* — семантически более сложные, чем, например, *frata*, так как значат ‘лишить по суду, отсудить’.

Описание семантики каритивных конструкций представлено в форме перечисления их функций. Основной функцией большинства конструкций является обозначение собственно утраты либо отсутствия, при этом, однако, различаются виды утраты в зависимости от роли абсенса:

- утрата актуального обладания — *Павел потерял работу из-за сокращений*;
- утрата сущности (отличается от предыдущего тем, что абсенс не меняет обладателя, а перестает существовать) — *На войне Павел потерял сына*;
- утрата признака — *После стирки кофта потеряла цвет*;
- утрата контроля (предполагает уход абсенса из сферы воздействия ориентира, в частности утрату ориентиром возможности созерцать абсенс) — *Павел потерял ключи, Ребенок отвлекся и потерял мать (из виду)*;
- каузированная утрата — *Органы опеки отняли ребенка у матери*;
- отсутствие — *Павел сидит без работы третий месяц*.

Помимо этого, в каритивной зоне выделяется подзона уступки, в которой ядерная каритивная семантика утраты и отсутствия совмещается с восприятием этого отсутствия в качестве некоего препятствия, требующего преодоления. Примером уступительной конструкции в русском языке является выражение *обходиться без* как в предложении (2).

- (2) *При сдаче экзаменов я обошелся без шпаргалок.*

В работе различаются следующие типы уступки:

- активная уступка (ориентир успешно осуществляет действие в отсутствие необходимого абсенса) — *В этот раз Павел обошелся без помощи друзей (друзья отказались помочь Павлу, но он все равно справился сам);*
- пассивная уступка (ориентир нормально действует / существует в отсутствие необходимого абсенса) — *В доме отключили свет, но у Павла есть свечи, и он обходится без электричества;*
- резистентность (ориентир действует / существует в отсутствие критически необходимого абсенса) — *Прежде чем их спасли, жертвы кораблекрушения семь дней продержались без еды;*
- способность (ориентир демонстрирует способность нормально действовать / существовать в отсутствие критически необходимого абсенса) — *Кашалот может обходиться без доступа к кислороду до полутора часов.*

В целом различия между типами уступки можно описать следующим образом. Активная уступка предполагает, что отсутствие абсенса не оказывает влияние на успешность деятельности ориентира (не столько отсутствие абсенса создает затруднения, сколько его наличие облегчило бы деятельность ориентира). Пассивная уступка предполагает, что отсутствие абсенса порождает трудности для ориентира, но они не непреодолимы и не препятствуют ориентиру продолжать свою деятельность неопределенно долгий срок (либо до достижения ее естественного предела). Резистентность предполагает, что отсутствие абсенса создает затруднения такого рода, что до их устранения ориентир не будет способен нормально существовать или действовать. Наконец, конструкции способности являются семантически достаточно сложными и выражают идею «конфликтующих норм», то есть идею того, что для ориентира является нормальным то, что, с точки зрения другой не выражаемой, но имплицитно подразумеваемой нормы, является экстраординарным, схожая семантика

может выражаться глаголами ‘выживать, выдерживать (продержаться)’⁷.

Смежной (как с семантической точки зрения, так и с точки зрения используемых средств выражения) с зоной уступки является зона избегания, в которой отсутствие чего-либо является желательным и либо сознательно достигается, либо обретается благодаря воздействию каких-либо неконтролируемых сил. Соответственно выделяются:

- активное избегание (ориентир прилагает сознательные усилия с целью избежать нежелательного абсенса) — *Шофер вовремя среагировал и избежал аварии;*
- пассивное избегание (нежелательный абсенс не оказал своего воздействия на ориентира при том, что ориентир не прилагал каких-либо специальных усилий к тому, чтобы избежать этого воздействия) — *Павел и Мария смогли поговорить спокойно и обошлись без скандала;*
- протекание события (нежелательный абсенс не оказывает своего негативного воздействия на успешное завершение / ход некоторого процесса, иными словами, фокус оказывается не на лицах, вовлеченных в событие, а на самом событии) — *Свадьба обошлась без происшествий.*

Итогом описания семантических подзон (собственно утраты и уступки) является их схематическое представление с указанием различных функций и обслуживающих их средств выражения каритива.

---

⁷ См. В высушенном состоянии тихоходки демонстрируют чудеса неуязвимости. Они выдерживали тридцатилетнее пребывание при минус 20 градусах Цельсия, а по выходе из него успешно размножились (<https://nplus1.ru/material/2018/05/28/tardigrades>). В данном примере свойственная глаголу *выдерживать* семантика подкрепляется контекстом: животное демонстрирует способность переносить воздействие холода (для животного эта ситуация, очевидно, не смертельна, даже нормальна), при этом данная способность характеризуется как превосходящая некоторые ожидания, «чудесная» (способность, превосходящая норму).

В статье используется большой объем иллюстративного материала. Весь материал, за исключением нескольких искусственно сконструированных примеров, взят из взвешенного корпуса норвежского языка *Leksikografisk bokmålskorpus* ‘Лексикографический корпус букмола’ (объем корпуса — приблизительно 100 млн слов)⁸. Аутентичные примеры отличаются от сконструированных указанием литературного источника в строке перевода.

Второй и третий разделы статьи представляют собой ее практическую часть: во втором разделе описываются конструкции утраты и отсутствия, в третьем — уступки и избегания. Данное разделение обусловлено тем, что функции конструкций, перечисленных в одном разделе, не совпадают с функциями конструкций, перечисленных в другом. При выборе порядка перечисления конструкций внутри каждого раздела мы исходили из предположения, что главным грамматическим средством выражения каритива в норвежском языке является предлог *uten* ‘без’, поэтому первыми в каждом разделе перечисляются конструкции, включающие этот предлог (во втором разделе это *bli uten* ‘стать без’, *stå uten* ‘стоять без’ и *sitte uten* ‘сидеть без’, в третьем — *klare / greie seg uten* ‘справляться без’); затем следуют конструкции без данного предлога, но способные выполнять те же функции. При перечислении конструкций мы также учитывали их частотность и функции так, что более частотные предшествуют менее частотным, конструкции с совпадающими функциями идут рядом (в некоторых случаях два этих фактора могут противоречить друг другу, и мы прибегаем к *ad hoc* решениям — например, конструкция *bli uten* ‘стать без’ более частотна, чем *sitte uten* ‘сидеть без’, но менее, чем *stå uten* ‘стоять без’, при этом в отличие от этих двух конструкций *bli uten* ‘стать без’ не выполняет функции отсутствия, поэтому мы ставим ее в начало; также конструкции *ha ikke* ‘не иметь’ и *mangle* ‘недоставать’, несмотря на их высокую частотность, мы

---

⁸ Под взвешенностью (*норв.* vektet) в данном случае понимается сбалансированность корпуса с точки зрения стилистической принадлежности текстов, используемых для его составления; подробнее о корпусе можно узнать на официальной странице — <https://www.hf.uio.no/iln/om/organisasjon/tekstlab/prosjekter/lbk/>.

ставим в конец второго раздела, так как они выполняют лишь конструкцию отсутствия и т. п.).

2. Каритивные конструкции утраты и отсутствия

2.1. X *bli uten* Y

Выражение *bli uten* ‘стать без’ (146) по своим форме и значению близко двум описанным выше конструкциям — с той, однако, разницей, что оно не способно передавать значение *отсутствия*. В итоге к функциям *bli uten* ‘стать без’ мы можем отнести:

— *утрату обладания*

- (3) *Hun ble uten jobb kor tid etterat*
 3sg.f стать.pst сар работа короткий время после
evensmo-foreldr-ene var tilbake fra Jugoslavia.
 эвенсмо-родитель-pl.def быть.pst назад от Югославия
 ‘Она осталась без работы вскоре после возвращения родителей Эвенсму из Югославии’. [S. Bromark. *Alene blant de mange* (2009)]

— *утрату сущности*

- (4) *Sønn-en, som bo-r hos gaml-e*
 сын-sg.m.def, который жить-prs у старый-pl
besteforeldr-e, kan snart bli uten familie
 дедушка.и.бабушка-pl, мочь скоро стать сар семья
i Iran, og da vil iransk-e myndighet-er
 в Иран, и тогда fut иранский-pl власть-pl.indf
plassere ham på barnehjem.
 помещать 3sg.m.obj на приют.
 ‘Сын, проживающий у старых бабушки с бабушкой, вскоре может оказаться без семьи в Иране, и тогда иранские власти

- (6) *De ble stå-ende uten*
 3pl статья.pst стоять-prs.ptcp car
arbeid og må-tte søke
 работа и должен-pst подавать
fattigvesen-et om hjelp.
 социальная.служба-sg.n.def о помощь

‘Они остались без работы и были вынуждены обратиться за помощью в социальную службу’. [J. E. Myhre. Hovedstaden Christiania (1990)]

Учитывая вышесказанное, мы можем инвентаризировать функции конструкции *stå uten* ‘стоять без’ следующим образом:

— *утрата обладания*

- (7) *Vi ha-r slitt en*
 1pl иметь-prs изнашивать.prf.ptcp indf.sg.m
del økonomisk i vår, etterat vi
 часть экономический в весна, после 1pl
ble stå-ende uten markedsconsulent.
 статья.pst стоять-prs.ptcp car маркетолог

‘Мы испытывали финансовые затруднения весной, после того как остались без рыночного консультанта’. [M. Taule. Best i Norge om to år // Bergens Tidene (1997)]

— *утрата сущности*

- (8) *Det var ikke enkel-t for henne, der*
 3sg.n быть.pst не легкий-n для 3sg.f.obj, там
hun stod uten hjem og ektemann.
 3sg.f стоять.pst car дом и муж.

‘Ей было нелегко, она осталась без дома и мужа’. [Anonym. Minneoppgaver fra 1996 (1996)]

формой глагола» — *alarmert* ‘взволнованный’, а вторая образуется посредством суффикса *-ende*, и ее употребление практически идентично употреблению прилагательных — *almerende* ‘волнующий’.

— *отсутствие*

- (9) *Men de stats-løs-e serber-ne*
но **dem.pl** государство-car-pl **серб-pl.def**

stå-r **uten stemmerett** <...>

стоять-prs **car** **право.голоса** <...>

‘Но сербы, не имеющие гражданства, остаются без права голоса <...>’ [Hår tent for Krajina-flyktninger // Klassekampen (2000)]

2.3. X *sitte uten* Y

Выражение *sitte uten* ‘сидеть без’ по своим форме и значению может показаться близким русскому *сидеть без*, однако за их поверхностным сходством скрывается несколько существенных различий, первое из которых заключается в том, что в большинстве случаев (54 вхождения из 79) абсенса (Y) при *sitte uten* ‘сидеть без’ выражается инфинитивом (ориентир (X) как и в предыдущих случаях выражается именной группой и предшествует глаголу):

- (10) *Det var kjedelig å sitte uten*
3sg.n быть.pst скучный inf сидеть car

å gjøre noe.

inf делать что-то

‘Было скучно сидеть без дела’. [A. Kurkov. Venn av avdøde (2010)]

Впрочем, употребление именной группы в качестве абсенса также возможно:

- (11) *De ha-r ansvar og få-r krav*
3pl иметь-prs ответственность и получать-prs требование
til hard prioritering i all-e retning-er,
к строгий приоритезация в весь-pl направление-pl,
men sitt-er uten myndighet i forhold
но сидеть-prs car власть в отношении

til budsjett-ene.
к бюджет-pl.def

‘Они несут ответственность и обязаны жестко определять приоритеты по всем направлениям, но сидят без полномочий в отношении бюджетов’. [К. Jørgensen. Tro på vekst for Nesttun // Bergens Tidene (1996)]

Другим важным отличием *sitte uten* ‘сидеть без’ является то, что у этого выражения так же, как и у *stå uten* ‘стоять без’, есть форма условно «совершенного вида», что позволяет ему выполнять функцию не только *отсутствия* (как в приведенных выше примерах), но и *утраты обладания*:

- (12) <...> *Der Antonius ti stig-ende irritasjon*
<...> Там **Антоний** к расти-prs.ptcp раздражение
ble sitt-ende uten å få napp.
стать.pst сидеть-prs.ptcp car inf получать кусок

‘<...> Там Антоний к своему растущему недовольству остался без существенных результатов (*få napp* ‘букв. получить кусок’ — значит *добиться успеха*)’. [Н. Mehren. Kleopatra (2010)]

2.4. X *bli* Y-*løs*

Интересным средством выражения каритива, в котором в качестве каритивного маркера выступает не лексема, а морфема, является конструкция *bli N-løs* ‘стать без-N-ым’ (285), где ориентир **X** предшествует глаголу *bli*, а абсентс (**Y**) выражается корнем в составе прилагательного с каритивным суффиксом *-løs*:

- (13) **X**   **Y**
Han ble arbeids-løs
3sg.m   статья.PST   работа-car
‘Он потерял работу’

К основным функциям данной конструкции можно причислить:

— *утрату обладания*

- (14) *Jeg ha-r en følelse av at*
1sg иметь-prс indf.sg.m чувство из что

han bli-r arbeids-løs snart.

3sg.m стать-prс работа-car скоро

‘Чувствую, он скоро останется без работы’. [Jon Stewart // NRK (2010)]

— *утрату сущности*

- (15) **Coco.Chanel, som ble foreldre-løs**
Коко.Шанель, который стать.pst родитель.pl-car

som barn, bo-dde hos sin tante Gabrielle,
как ребенок, жить-pst у 3poss.sg.m тетя Габриель,

som lær-te henne å sy <...>
который учить-pst 3sg.f.obj inf шить <...>

‘Осиротевшая в детстве, Коко Шанель жила у своей тети Габриэлы, которая научила ее шить <...>’ [E. Gilbert. Ewig din (2010)]

— *утрату свойства*

- (16) **De hjerteformede blad-ene til maiblom-en**
def.pl сердцеобразный-pl лист-pl.def к боярышник-sg.m.def

bli-r farge-løs-e og gjennomsiktig-e <...>

become-prс цвет-car-pl и прозрачный-pl <...>

‘Сердцеобразные листья боярышника теряют цвет и становятся прозрачными <...>’ [L. Vaugstø. Skulle du komme tilbake (2000)]

Выражения типа *bli N-løs* ‘стать без-N-ым’ синонимичны выражениям *miste N* ‘потерять N’, и две эти конструкции не вытесняют друг друга, хотя некоторые абсенсы могут предпочитать одну из них. Так, например, выражение *miste rast* ‘потерять покой’ в используемом нами корпусе не встречается, в то время как для

Глагол *miste* ‘терять’ обладает широким набором функций:

— *утрата сущности*

- (19) a. *Forloved-en min mist-et bein-a*
 жених-sg.m.def 1sg.poss.m терять-pst нога-pl.def

og en hånd i Afghanistan.

и indf.sg.m рука в Афганистане

‘Мой жених потерял ноги и руку в Афганистане’. [Min kjæreste-krigshelten // NRK (2010)]

- b. *Innbydelse til leir for ungdom som*
 приглашение в лагерь для молодежь который

ha-r mist-et far under krig-en.

иметь-prs терять-prf.ptcp отец под война-sg.m.def

‘Приглашение в лагерь для молодых людей, которые потеряли отца на войне’. [V. Sæther. En av oss (2010)]

— *утрата контроля*

- (20) *Jeg var altså ute med*
 1sg быть.pst следовательно снаружи com

deg og mist-et nøkl-ene.

2sg.obj и терять-pst ключи-pl.def

‘Следовательно, я был на улице с тобой и потерял ключи’. [T. Aurstad. Vårt tragiske univers (2011)]

— *включая случаи, когда контроль утрачивается над одушевленной сущностью*¹¹

- (21) *Godt at jeg fant han*
 хорошо что 1sg искать.pst 3sg.m.obj

¹¹ Трудно, впрочем, судить насколько частотны подобного рода вхождения, так как их нередко вполне обоснованно можно интерпретировать как утрату сущности (то есть предположить, что имеет место не просто уход из зоны досягаемости и контроля, а прекращение существования); однозначная трактовка возникает, например, в тех случаях, когда мы имеем эксплицитное указание на то, что

Jeg ha-r lett overalt. Trist
 1sg иметь-prs искать.prf.ptcp везде. Грустно

hvis man mist-er hund-en sin
 если человек терять-prs собака-s.m.def 3poss.sg.m

‘Хорошо, что я нашел его. Я все обыскал. Грустно, если человек теряет свою собаку’. [Mánaíd-tv Beno ja Niga // NRK (2010)]

— *утрата свойства*

(22) a. *Selv klær-ne på nabo-ene-s*
 даже одежда-def на сосед-pl.def-poss

tørkestativ-er mist-et farg-ene.
 сушилка-pl.indf терять-pst цвет-pl.def

‘Даже одежда на соседской сушилке потеряла цвета’. [J. Hval. Perlebyggeriet (2009)]

b. *Hun ha-r mist-et*
 3sg.f иметь-prs терять-prf.ptcp

syn-et på det en-e øy-et
 зрение-sg.n.def на def.sg.n один-def глаз-sg.n.def

og er bli-tt lam
 и быть.prs стать-prf.ptcp парализованный

i den en-e sid-en.
 в def.sg.m один-def сторона-sg.m.def

‘Она потеряла зрение на одном глазу и стала парализована на одной стороне’. [Norges Høyesterett-Dom.: Oppreisning. Utmåling. Overlagt drapsforsøk. Oppfriskning (2012)]

— *утрата обладания*

(23) a. *Han mist-et jobb-en i*
 он терять-pst работа-sg.m.def в

утрачивается именно зрительный контроль: *Jeg mistet ham øyeblikkelig av syne der i den mengden av gutter som alle så helt like ut* — ‘Я сразу потерял его из виду там, в этой толпе мальчиков, которые все выглядели абсолютно одинаково’.

en alder av 47 år-Ø.
 indf.sg.m возраст из 47 год-pl.indf

‘Он потерял работу в возрасте 47 лет’. [R. Moy. Revita gir le-
 dige hjelp til selvhjelp // Aftenposten (1993)]

b. *Dette før-te til at kund-er*
 dem.sg.n вести-pst к что клиент-pl.indf

mist-et peng-ene sine <...>
 терять-pst деньги-def 3poss.pl

‘Это привело к тому, что клиенты потеряли свои деньги <...>’
 [Wikipedia.com (2008)]

2.6. Z frata X Y

К числу лексических средств выражения каритивного значе-
 ния в норвежском языке также относится глагол *frata* ‘лишать’
 (1450). Данный глагол является дитранзитивным и каузатив-
 ным, вследствие чего образуемая им каритивная конструкция
 формально отличается от конструкции *X mistet Y*. В дополнение
 к ориентиру каритивной ситуации (X-у) и абсенсу (Y-у) появля-
 ется каузатор каритивной ситуации (Z), отношения между участ-
 никами ситуации выражены порядком слов (в стандартном случае
 Z предшествует глаголу, а X располагается после глагола и пер-
 ед Y-ом). Более того, если ориентир выражен личным место-
 имением, то оно употребляется в объектной форме (то же отно-
 сится и к абсенсу):

(24) Z X Y
Jeg frata-r ham rett-en
 1sg лишать-prs 3sg.m.obj право-sg.m.def
 ‘Я лишаю его права’.

Также следует упомянуть, что *frata* ‘лишать’ может использо-
 ваться в пассивном залоге, для образования которого в норвежском
 языке имеется два способа — посредством вспомогательного глагола

(в подавляющем большинстве случаев в качестве такового выступают *være* ‘быть’ и *bli* ‘быть, становиться’) в сочетании с причастной формой (13) либо посредством суффикса *-s* (14).

- (25) a. *Proff.agent*   *Rune.Hauge*   *er*
 профессиональный.агент   Руне.Хауге   быть.prs
frata-tt   *sin*   *lisens*   *av*   *det*
 лишать-prf.ptcp   3poss.g.m   лицензия   из   def.sg.n
internasjonal-e
 международный-def
fotball.forbund-et
 футбольный.общество-sg.n.def

‘Профессиональный агент Руне Хауге лишен своей лицензией международной футбольной ассоциацией’. [Hauge *frata-tatt lisensen* // *Bergens Tidene* (1995)]

- b. *Barne.vern-et*   *vedta-r*   *at*   *en*
 служба.опеки-sg.n.def   решает-prs   что   indf.sg.m
mor skal frata-s   *sitt*   *lille*   *barn.*
 мать fut   лишать-pass   3poss.sg.n   маленький   ребенок

‘Служба опеки решает, что мать должна быть лишена своего ребенка’. [H. R. Schaffer. *På barns vegne. Psykologiske spørsmål og svar* (2000)]

При употреблении *frata* ‘лишать’ в пассивном залоге каузатор каритивной ситуации может быть как выражен (в этом случае он переходит в конец клаузы и присоединяется посредством предлога *av* (см. (16a)), так и нет¹².

С точки зрения семантики, основной функцией *frata* ‘лишать’ является *каузация лишения*:

¹² Мы не обсуждали форму пассивного залога ранее рассмотренных глаголов по причине того, что в пассиве у них не меняется перечень обязательных актантов и их роли, соответственно, не меняется перечень функций. В случае с *frata* ‘лишать’, однако, пассивный залог делает необязательным каузатора лишения, что позволяет глаголу выполнять дополнительные функции.

- (26) *En parlaments.lov fratok ham*
 indf.sg.m парламентский.закон лишать.pst 3sg.m.obj

statsborgerskap-et.

гражданство-sg.n.def

‘Парламентский акт лишил его гражданства’. [I. Manji. *Hva er galt med islam?* (2005)]

2.7. Z ta Y fra X

Этимологически и семантически близким к глаголу *frata* ‘лишать’ является выражение *ta fra* ‘брать у’. Данное выражение также носит дитранзитивный характер, однако участники каритивной ситуации маркируются несколько иначе. В стандартном случае каузатор (Z) предшествует глаголу *ta* ‘брать’, непосредственно за которым следует абсент (Y), а ориентир (X) присоединяется посредством предлога *fra* ‘от, из’, то есть в отличие от конструкции *Z fratar X Y* ориентир является косвенным дополнением, а абсент — прямым. Как и в предыдущих случаях, если абсент и/или ориентир обозначены личным местоимением, употребляется объектная форма.

- (27) Z Y X
Jeg tok frihet-en fra ham
 1sg брать.pst свобода-sg.m.def от 3sg.m.obj

‘Я отнял у него свободу’.

Выражение *ta fra* ‘брать у’ также может употребляться в пассивной форме (каузатор лишения в этих случаях, как правило, опускается):

- (28) *Barn-et var ta-tt fra*
 ребенок-sg.n.def быть.pst брать-prf.ptcp от
foreldr-ene av barnevern
 родитель-pl.def by служба.опеки

‘Ребенок был отнят у родителей службой опеки’.

Основной функцией выражения *ta fra* ‘брать у’ является *каузациа лишения*:

- (29) *Når barnevern-et ta-r barn*
 когда служба.опеки-*sg.n.def* братъ-*prg* ребенок
fra sin familie, ta-r de ingen
 от *3poss.sg.m* семья, братъ-*prg* 3pl никакой
hensyn til hva atskillels-en ødelegg-er <...>
 уважение к что разделение-*sg.m.def* разрушать-*prg* <...>

‘Когда служба опеки забирает ребенка из/у его семьи, они не обращают никакого внимания на то, что расставание разрушает <...>’ [M. H. Skånland. *Våkn opp ovenfor barnevernet // Bergens Tidene* (1996)]

Важным отличием *ta fra* ‘брать у’ от *frata* ‘лишать’ является то, что первое не специализируется на выражении каритива и в большинстве случаев употребляется в своем прямом значении, то есть, например, в стандартном случае наиболее вероятной интерпретацией фразы

- (30) *Jeg ha-r ta-tt bil-en*
 1sg иметь-*prg* братъ-*prf.ptcp* машина-*sg.m.def*
fra henne.
 от 3sg.f.obj

‘Я взял у нее машину’.

будет добровольная передача объекта, а каритивное толкование, то есть толкование, предполагающее утрату и лишение, возникает в том случае, если имеется, например, эксплицитное указание на то, что объект взят силой:

- (31) *Jeg ha-r ta-tt bil-en fra*
 1sg иметь-*prg* взять-*prf.ptcp* машина от
henne med makt.
 3sg.f.obj сoм сила

‘Я отнял у нее машину силой’.

Это же толкование возникает в том случае, когда речь идет о чем-то, что, как правило, с точки зрения здравого смысла, не отдается добровольно.

- (32) *Jeg ha-r ta-tt frihet fra ham*
 1sg иметь-prs взять-prf.ptcp свобода от 3sg.m.obj
 ‘Я отнял у него свободу’¹³.

2.8. Некаузативные формы конструкций *Z frata X Y* и *Z ta Y fra X* и их возможные функции

Каузативные конструкции *Z frata X Y* и *Z ta Y fra X* встречаются в контекстах, в которых их каузативность ослабевает или, возможно, даже уходит совсем — это может происходить в случаях их употребления в формах пассивного залога (при невыраженном каузаторе лишения) или в форме рефлексива (актуально только для конструкции с *frata* ‘лишать’):

- (33) а. *Byborger-e ble systematisk*
 горожанин-pl.indf стать.pst систематически
frata-tt sine egne barn-Ø.
 лишать-prf.ptcp 3poss.pl собственный.pl ребенок-pl.indf
 ‘У горожан систематически отбирали их собственных детей’.

- б. *Men vi forstå-r at HSD er*
 но 1pl понимать-prs, что HSD быть.prs
bekymr-et for at ferg-en
 беспокоить-prf.ptcp, для что пароход-sg.m.def

¹³ В целом стоит подчеркнуть, что *ta fra* ‘брать у’ и *frata* ‘отбирать’ являются различными лексическими единицами и неправильно было бы предполагать, например, что здесь имеет место случай так называемых отделяемых приставок, встречающихся, например, в немецком языке. Немецкие отделяемые приставки являются феноменом скорее грамматическим, то есть имеются четкие правила, определяющие, какие приставки в каких случаях и «куда» отделяются, в то время как в норвежском языке такой регулярности не наблюдается. Скорее можно наблюдать, что у некоторых частотных глагольно-предложных выражений имеется синонимичный приставочный аналог.

kan bli ta-tt fra dem.
 мочь стать брать-prf.ptcp от 3pl.obj

‘Но мы понимаем, что HSD обеспокоены тем, что у них могут отнять этот пароход’.

с. *En som tok sitt*
 один, который брать.pst 3poss.sg.n
eget liv fratok seg
 собственный.sg.n жизнь лишать.pst refl
rett-en til et evig liv,
 право-sg.m.def к indf.sg.n вечный жизнь,
ble det hevd-et.
 стать.pst 3sg.n утверждать-prf.ptcp

‘Утверждалось, что тот, кто лишал себя жизни, лишался права на вечную жизнь’.

Описание данных употреблений вызывает некоторые трудности ввиду того, что не ясно, следует ли рассматривать их в качестве разновидностей своих соответствующих конструкций или же в качестве самостоятельных конструкций; и, если придерживаться второй точки зрения, можем ли мы сказать, что данные конструкции обслуживают зону утраты? Очевидно, что одно лишь отсутствие каузатора лишения в предложении не подразумевает, что каузатор отсутствует вообще (см. (33a) и (33b)), рефлексив же можно рассматривать как ситуацию совпадения каузатора лишения и его претерпевателя, то есть ориентира. Возможно предположить, что пассивные и рефлексивные формы выражают утрату в тех случаях, когда каузатор лишения не просто отсутствует в предложении, но не предполагается вообще; постараемся привести несколько примеров:

(34) а. *Man frata-s enkelt-e ting-Ø*
 человек лишать-pass определенный-pl вещь-pl.indf
i en krigssituasjon, begyn-te prest-en.
 в indf.sg.m военная.ситуация, начать-pst священник-sg.m.def
 ‘Человек лишается определенных вещей в ситуации войны, — начал священник’. [Sin egen herre (2009)]

b. *Forestill deg at du bli-r*
 представить.имп 2sg.obj что 2sg стать-прс

frata-tt frihet-en til å
 лишать-прф.птср свобода-сг.м.деф к inf

bevege deg, se og bruke
 двигать 2sg.obj, видеть и использовать

hend-ene <...>
 рука-пл.деф <...>

‘Представь, что ты лишен свободы двигаться, видеть и пользоваться руками <...>’ [Revolusjon 2.0 (2012)]

c. <...> *Arbeid-et mitt er*
 работа-сг.н.деф 1сг.poss.n быть.прс

helt avhengig av en gave
 полностью зависимый от indf.sg.m дар

som kan bli ta-tt fra meg
 который мочь стать брать-прф.птср от 1сг.obj

hver-t øyeblikk.
 каждый-п момент

‘<...> Моя работа зависит от дара, который в любой момент может быть отнят у меня’. [Ludwig Wittgenstein (2000)]

d. *Men kunst-en som spill-er på å*
 но искусство-сг.м.деф который играть-прс на inf

resirkulere seg selv i det uendelige
 перерабатывать refl сам в dem.sg.n бесконечный-пл

ved å frata seg virkelighet-en?
 у inf лишать refl действительность-сг.м.деф

‘Но искусство, которое играет на переработке самого себя в бесконечное, лишается действительности’. [Kunst: en begrepsavvikling (2000)]

Мы склоняемся к тому, чтобы не выделять подобные употребления в качестве самостоятельных конструкций; вместо этого мы ограничиваемся утверждением, что конструкции *Z frata X Y* и *Z ta Y fra*

Несмотря на то, что глагол *mangle* ‘недоставать’ так же, как и *ha ikke* ‘не иметь’, выражает семантику *отсутствия*, между двумя конструкциями, по-видимому, наличествует некоторое семантическое различие. *Mangle* ‘недоставать’ подразумевает не просто отсутствие чего-либо, но отсутствие чего-то, в чем некто или нечто нуждается, недостаток и нехватку; НАОВ, в частности, определяет *mangle* как (*måtte*) *være uten (noe som er nødvendig eller ønskelig)* ‘(вынужденно) находиться без (чего-либо необходимого или желаемого)’.

2.11. Выводы по второй части

Итог нашего описания каритивной зоны утраты и отсутствия схематично представлен на *Рисунке 1*. Нами было выделено три конструкции с предлогом *uten* ‘без’ (*stå uten* ‘стоять без’, *sitte uten* ‘сидеть без’, *bli uten* ‘остаться без’), выражающие три разновидности утраты — утрату актуального обладания, утрату сущности и утрату признака. С точки зрения маркирования этих трех функций перечисленные конструкции оказываются синонимичны каритивным глаголам *miste* ‘потерять’ и *tape* ‘потерять, проиграть’, а также конструкции *bli Y-løs* ‘стать без-Y-ым’. Кроме того, в норвежском языке представлены каузативные каритивные глаголы *frata* ‘лишать’, *ta fra* ‘брать у’ и *berøve* ‘лишать’. В данной работе мы не рассматриваем все каузативные каритивные глаголы, однако можно, вероятно, полагать, что свойственное *frata* ‘лишать’, *ta fra* ‘брать у’ и *berøve* ‘лишать’ «поведение» характерно и для других каузативных глаголов, которые также могут выполнять вышеуказанные функции в форме пассивного залога.

В отличие от конструкций с *uten* ‘без’ глаголы *miste* ‘терять’ и *tape* ‘терять, проигрывать’ могут выполнять одну дополнительную функцию — маркирование утраты контроля. Одним из возможных объяснений данного обстоятельства может служить существенно большая частотность глаголов *miste* ‘терять’ и *tape* ‘терять, проигрывать’. С другой стороны, конструкции *stå uten* ‘стоять без’ и *sitte uten* ‘сидеть без’ (но не *bli uten* ‘остаться без’) также могут выполнять дополнительную функцию — маркирование отсутствия; в этом значении они

оказываются синонимичны глаголу *mangle* ‘недоставать’ и конструкции *ha ikke* ‘не иметь’. Дифференциация между функциями *stå uten* ‘стоять без’ и *sitte uten* ‘сидеть без’ может осуществляться как с опорой на контекст, так и формально. А именно, у конструкций имеется нечто вроде аналитического аналога совершенного вида (глаголы *stå* ‘стоять’ и *sitte* ‘сидеть’ принимают форму причастия, и перед ними ставится вспомогательный глагол *bli* ‘стать’), в этой форме конструкции могут выполнять только функцию маркирования значения утраты. В стандартной форме дифференциация между функциями, повторим, отсутствует.

Обращает на себя внимание, что во всех функциях конструкции с *uten* ‘без’ выполняют в некотором роде второстепенную роль (по крайней мере, с точки зрения частотности употребления) по сравнению с другими, основными средствами выражения тех же значений. С чем это может быть связано? Во-первых, отметим, что в конструкциях *bli / stå / sitte uten* ‘остаться / стоять / сидеть без’ глаголы вполне предсказуемо оказываются десемантизированными, то есть выражают некоторое действие по значению предлога. При этом, если про *bli* ‘стать’ можно сказать, что он является достаточно десемантизированным сам по себе (регулярно выступает в качестве вспомогательного глагола в разных грамматических конструкциях), то про *stå* ‘стоять’ и *sitte* ‘сидеть’ так сказать нельзя, и, даже сочетаясь с *uten* ‘без’, они могут функционировать как полнозначные глаголы:

- (37) a. *Åkr-ene var tomm-e,*
поле-pl.def быть.pst пустой-pl,

trær-ne sto uten blad-er.
дерево-pl.def стоять.pst сар лист-pl.indf

‘Поля были пусты, деревья стояли без листьев’. [P. Englund, A. Leborg. *Ufredsår* (2010)]

- b. *En av de to med kinnskjegg*
один из dem.pl два com бакенбарды
satt uten jakke.
сидеть.pst сар куртка

‘Один из этих двоих с бакенбардами сидел без куртки’. [G. Gulliksen, H. Syvertsen. *In vivo* (2004)]

Разница между такими употреблениями и употреблениями, где *stå / sitte uten* ‘стоять / сидеть без’ функционируют в качестве конструкций, заключается, по-видимому, в том, что, когда *stå / sitte uten* ‘стоять / сидеть без’ употребляются как конструкции, имеет место единая ситуация лишения:

- (38) *Han stod uten jobb-en.*
 3sg.m стоять.pst car работа-sg.m.def
 ‘Он остался без работы’

а когда *stå* ‘стоять’ и *sitte* ‘сидеть’ употребляются как полнозначные глаголы, ситуация, обозначаемая этими глаголами, модифицируется отсутствием абсенса (здесь сразу вспоминается определение С. А. Оскольской и коллег, предполагающее, что выражаемая каритивом «предикация невовлеченности является семантическим модификатором» некоторой ситуации) [Оскольская и др. 2020].

Здесь интересно отметить, что абсенсом при *uten* ‘без’ почти с равной вероятностью могут выступать как существительные (24 тысячи вхождений типа *uten* + *N* в корпусе, к которым можно добавить 5 тысяч вхождений с местоимениями), так и глаголы в форме инфинитива и несколько реже — придаточные предложения. Вторым (после существительных) по частотности коллокатом «справа» от *uten* ‘без’ является частица *å* (20 тысяч вхождений типа *uten å*), используемая для образования формы инфинитива. Следует за ней предлог *at* (11 тысяч вхождений), используемый для присоединения придаточных. Конструкции *stå / sitte uten* ‘стоять / сидеть без’, в свою очередь, практически не сочетаются с предлогом *at* (*stå uten* ‘стоять без’ — 3 вхождения, *sitte uten* ‘сидеть без’ — 0), но весьма часто присоединяются к себе инфинитив (54 вхождения для *stå uten å* ‘стоять без’ и также 54 вхождения для *sitte uten å* ‘сидеть без’, всего, напомним, для *stå uten* ‘стоять без’ и *sitte uten* ‘сидеть без’ — 261 и 79 вхождений соответственно). Обращает на себя внимание, что, употребляясь с инфинитивом (или придаточным) в роли абсенса, глаголы в рассматриваемых конструкциях склонны сохранять свое буквальное значение:

- (39) a. *Magnus som satt uten å*
 Магнус который сидеть.pst car inf
si noe på kontor-et mitt <...>
 говорить что-то на кабинет-sg.n.def 1sg.poss.n <...>
 ‘Магнус, который молча сидел в моем кабинете <...>’ [M. Lindstrøm. Barnejegeren (2009)]
- b. *Midt i bunkers-en kan han stå uten*
 посреди в бункер-sg.m.def мочь 3sg.m стоять car
å bøye rygg-en.
 inf наклонять спина-sg.m.def
 ‘В центре бункера он может встать не сгибаясь’. [I. Arvola. Grisehjerter (2011)]
- c. *Nå skal hund-en lære seg å*
 сейчас fut собака-sg.m.def учить refl inf
stå uten at den se-r
 стоять car что def.sg.m видеть-prs
godbit-en på forhånd.
 угощение-sg.m.def на заранее
 ‘Теперь собака научится вставать до того, как ей покажут угощение (букв. без того, чтобы она увидела угощение, заранее)’. [J. Mazarino, H. Skogedal. Gi labb (2010)]

Возможно, именно эта особенность функционирования *uten* ‘без’ влияет на распространенность и частотность идиоматизированных конструкций с этим предлогом; иными словами, эта особенность препятствует глаголам десемантизироваться в целях образования таких конструкций. Как представляется, проверить данную гипотезу возможно посредством типологических исследований.

Впрочем, эта гипотеза не объясняет редкость употребления конструкции *bli uten* ‘остаться без’. Конструкция редко присоединяет как инфинитивы, так и придаточные (7 и 2 вхождения для, соответственно, *bli uten å* и *bli uten at*). Более того, как было сказано ранее, глагол «охотно» десемантизируется, что подтверждается наличием частотных конструкций с другими предлогами, например: *bli med* ‘пойти

с' — 6071 вхождение, *bli til* 'сформировать(ся), закончиться чем-либо' — 5990 вхождений. Если у этого обстоятельства имеется объяснение, оно не лежит на поверхности, и от каких-либо предположений на этот счет мы в настоящий момент предпочитаем воздержаться.

Последнее, что следует сказать в завершение этой части работы, это то, что, хотя мы рассматриваем *stå uten* 'стоять без', *sitte uten* 'сидеть без' и *ha ikke* 'не иметь' как единицы, выполняющие функцию маркирования отсутствия, мы не уверены в степени синонимичности данных конструкций. Возможно, между *ha ikke* 'не иметь' и остальными конструкциями существуют некоторые различия в оттенках значения, которые, соответственно, требуют формализации; более того, если такие различия существуют, являются ли они актуальными всегда, либо возможны контексты, где конструкции полностью взаимозаменяемы? Прояснить этот вопрос, вероятно, поможет работа с носителями.

Таблица 1. Средства выражения семантики утраты и отсутствия

Table 1. Means of expressing loss and absence

	Утрата актуального обладания	Утрата сущности	Утрата признака	Утрата контроля	Каузация утраты	Отсут- ствие
Miste	+	+	+	+	—	—
Bli uten	+	+	+	—	—	—
Bli N-løs	+	+	+	—	—	—
Frata	? ¹⁵	?	?	—	+	—
Ta fra	?	?	?	—	+	—
Stå uten	+	+	—	—	—	+
Sitte uten	+	—	—	—	—	+
Ha ikke	—	—	—	—	—	+
Mangle	—	—	—	—	—	+

¹⁵ Знак вопроса символизирует утверждения, зафиксированные в Разделе 2.8.

3. Каритивные конструкции уступки и избегания

3.1. X *klare / greie seg uten* Y

Конструкция *klare / greie seg uten* ‘справляться без’ является основным каритивным средством выражения семантики уступки в норвежском языке¹⁶. Говоря о форме данной конструкции, следует сказать, что ее якорь включает глагол в рефлексивной форме (которая в норвежском языке образуется посредством рефлексивного местоимения *seg*), а отношения между участниками обозначаются порядком слов — ориентир (X) предшествует якорю, а абсент (Y) присоединяется предлогом *uten* ‘без’ (если объект уступки выражен личным местоимением, используется его объектная форма):

(40)	X		Y	
	<i>Jeg klar-er</i>		<i>seg uten henne</i>	
	1sg справляться-PRS	refl	car	3sg.f.obj
	‘Я обхожусь без нее’.			

Обратим внимание на то, что обсуждаемая конструкция представлена в двух вариантах — с глаголами *klare* и *greie* ‘справляться’, — различие между которыми, по всей видимости, заключается лишь в их частотности (275 и 86 вхождений соответственно для вариантов с *klare* и *greie* ‘справляться’), а семантически они полностью синонимичны; вероятно, семантические различия между *klare* и *greie* ‘справляться’ проявляются за пределами обсуждаемой конструкции. В целом мы можем сказать, что конструкция *klare / greie seg uten* ‘справляться без’ способна выражать следующие разновидности уступительной семантики:

¹⁶ В этой функции *klare seg uten* ‘справляться без’ синонимична ряду более специализированных средств типа предлогов *selv om* ‘хотя’, *skjønt* ‘хотя’, *til tross for* ‘несмотря на’ и др., которые не будут рассмотрены в рамках данной статьи ввиду их иной роли в синтаксической организации предложения.

— активная уступка

- (41) a. *Ved omlegging av jordbruk-et*
с изменение из сельское.хозяйство-sg.n.def

ble det også mulig for
статья.pst 3sg.n также возможный для

bønd-ene å klare seg uten
крестьянин-pl.def inf справляться refl car

husmann-en-s arbeidskraft.
арендатор-sg.m.def-poss рабочая.сила

‘Перемены в сельском хозяйстве также позволили фермерам обходиться без труда арендаторов’. [Store norske leksikon (2008)]

- b. *Eller kanskje finn-er kund-ene*
или возможно искать-prs клиент-pl.def

ut at de kan greie seg uten
наружу что 3pl мочь справляться refl car

det produkt-et som er
def.sg.n продукт-sg.n.def который быть.prs

bli-tt dyre-re.
статья-prf.ptcp дорогой-сmpg

‘Или, возможно, клиенты обнаруживают, что они могут обойтись без тех продуктов, которые стали дороже’. [N. Caspari. PARETO 1 (2007)]

— пассивная уступка

- (42) a. *Elev-er på 39 kurs i den*
студент-pl.indf на 39 курс в def.sg.m

vidergående skol-er må klare seg
старший школа-pl.indf должен справляться refl

uten bok-er i sine fag-Ø
car книга-pl.indf в 3poss.pl предмет-pl.indf

fram til neste år.
прямо к следующий год

‘Ученики на 39 курсах в высшей школе должны обходиться без книг по своим предметам до следующего года’. [J. Borch-Karlsen. Nyheter notiser // Bergens Tidene (1996)]

b. *Lag-et må-tte greie seg*
 команда-sg.n.def должен-pst справляться refl

uten skad-de Jorge.Cadete <...>
 car травмировать-prf.pter Жорже.Кадете <...>

‘Команда должна была обходиться без травмированного Жорже Кадете <...>’ [V. J. Hagen. Sport notiser // Bergens Tidene (1996)]

— *резистентность*

(43) a. <...> *person-er med diabetes kan*
 человек-pl.indf com диабет мочь

klare seg uten eller med mindre
 справляться refl car или com мало.cmpg

insulin og andre medikament-er
 инсулин и другой лекарство-pl.indf

‘<...> Люди с диабетом могут обходиться без или с меньшим количеством инсулина и других медикаментов’. [S. Høeberg. Frisk med lavkarbo (2010)]

b. *Og det er naiv-t å*
 и 3sg.n быть.prs наивный-n inf

tro at mange av pasient-ene
 верить что много из пациент-pl.def

grei-er seg uten lang tid-s
 справляться-prs refl car долгий время-poss

behandling.
 лечение

‘И это наивно — верить, что многие пациенты обходятся без долговременного ухода’. [J. Berg. Fullt lys og stummende mørke (2010)]

— *способность*

- (44) a. *En kamel klar-er seg uten vann*
 indf.sg.m верблюдо справляться-prs refl car вода
i en måned.
 в один месяц

‘Верблюдо обходится без воды один месяц’. [Mánaid-tv Ná-
 vehis 5 // NRK (2010)]

- b. *For ikke å glemme det*
 для не inf забывать dem.sg.n
vell av livsform-er som
 множество из форма.жизни-pl.indf который
baser-er seg på kjemosyntese,
 основывать-prs refl на хемосинтез,
altså grei-er seg uten sollys.
 следовательно справляться-prs refl car солнечный.свет

‘Чтобы не забывать о том множестве форм жизни, которые
 базируются на хемосинтезе, то есть обходятся без солнеч-
 ного света’. [J. Kjærstad. Jeg er brødrene Walker (2008)]

Важно отметить, что, хотя конструкция *klare / greie seg uten* ‘справляться без’ по своим форме и значению близка русскому *обходиться без*, между двумя выражениями имеется существенная семантическая разница. Она заключается в том, что норвежская конструкция оказывается более агентивной, поэтому субъектом каритивной ситуации при ней в подавляющем большинстве случаев выступает лицо, группа людей или организация, но не, например, процесс, событие или мероприятие¹⁷. Это, в свою очередь, ведет к тому, что

¹⁷ Привести здесь какое-либо точное соотношение несколько затруднительно. Если взять непосредственно предшествующий *klare seg uten* ‘справляться без’ коллокат, то неодушевленными существительными среди них будут четырнадцать, из этих четырнадцати девять являются ориентирами *klare seg uten* ‘справляться без’, например — *Svært få kontormiljøer klarer seg uten nettverksskrivere* ‘Очень мало офисных пространств, которые обходятся без сетевого принтера’;

в отличие от *obходиться без* норвежское *klare / greie seg uten* ‘справляться без’ не способно выражать семантику *избегания*.

3.2. X ModV *unnvære* Y

Глагол *unnvære* ‘обходиться без’ (164) относится к числу переходных, и роли участников описываемой им каритивной ситуации маркируются при нем так же, как и при других ранее обсуждавшихся норвежских переходных глаголах (*miste, tape* и т. д.). При этом, однако, данный глагол обладает одной существенной особенностью, заключающейся в том, что он практически не употребляется без модальных глаголов¹⁸. Это, в свою очередь, оказывает влияние на выполняемую обсуждаемой конструкцией семантическую функцию. Например, нередко *unnvære* ‘обходиться без’ используется не тогда, когда нечто избегается, а когда это нечто было бы *желательно* избежать. Более того, *unnvære* ‘обходиться без’ часто модифицируется модальными глаголами с отрицательной частицей — в таких случаях конструкция выражает семантику *необходимости*:

однако поскольку в половине случаев непосредственно предшествующим коллокатом *klare seg uten* ‘справляться без’ являются модальные глаголы и отрицательная частица, можно ожидать, что неодушевленные ориентиры при *klare seg* ‘справляться’ встречаются чаще.

¹⁸ Назвать точное число вхождений *unnvære* с модальными глаголами также затруднительно, поскольку *unnvære* ‘обходиться без’ и определяющий его модальный глагол могут далеко отстоять друг от друга — *Rent formelt sett kunne en under normale forhold alltid unnvære delegasjon* ‘С чисто формальной точки зрения, в нормальной ситуации можно всегда обходиться без делегации’. Косвенным подтверждением нашего утверждения, однако, может служить то, что *unnvære* ‘обходиться без’ не употребляется в формах настоящего и прошедшего времени, только в инфинитиве и пассиве (17 вхождений); в случае употребления в инфинитиве вместо модального глагола могут использоваться полнозначные — *Jeg kan ikke skjønne hvordan du greier å unnvære det* ‘Я не могу понять, как тебе удается обходиться без этого’.

- (45) *Jeg kan ikke unnvære dem, si-er*
 1sg мочь не обходиться.без 3pl.obj, говорить-prt

han heftig.

3sg.m вспылчиво

‘Я не могу без них обойтись, сказал он вспылчиво’. [К. Vjørnstad. *Historien om Edvard Munch* (2002)]¹⁹

Остальные функции *unnvære* ‘обходиться без’ можно инвентаризовать следующим образом:

— *пассивное избегание*

- (46) *Maman kan unnvære henne, og hun*
 Маман мочь обходиться.без 3sg.f.obj, и 3sg.f

vil mye heller være hos meg, for da
 fut много скорее быть с 1sg.obj, для тогда

få-r hun det mye morsomm-ere.

получать-prt 3sg.f 3sg.n много веселый-сmpг

‘Маман может без нее обойтись, она бы скорее провела время со мной, и тогда ей было бы намного веселей’. [Т. Chevalier. *Damen og enhjørningen* (2004)]

— *пассивная уступка*

- (47) *Begge de to nyoprykked-e klubb-ene*
 оба def.pl два новопродвинутый-pl клуб-pl.def

må-tte unnvære nøkkelspiller-e

должен-pst обходиться.без ключевой.игрок-pl.indf

‘Оба недавно продвинутых клуба должны были обходиться без ключевых игроков’. [J. Overvik. *Vørs og spill // VG* (1996)]

¹⁹ Вхождений типа «ikke + unnvære» и «ikke + verb + unnvære» — 34 и 28 соответственно.

— активное избегание

- (48) *Det er klar-t at man må ha*
 3sg.n быть.prs ясный-п что человек должен иметь
kak-er, selv.om man skal unnvære
 пирожное-pl.indf, хотя человек следует обходиться.без
sukker.
 сахар

‘Очевидно, человек не может обходиться без пирожных даже в том случае, если он должен обходиться без сахара’. [Usenet 1999 (1998)]

— активная уступка

- (49) [*Bonden kikk-et på snø-en som dal-te mellom trekron-ene, spurte om de treng-te et skinn.*]
Han ha-dde et garvet
 3sg.m иметь.pst indf.sg.n дубленный
kuskinn han kunne unnvære.
 корова.кожа 3sg.m мочь.pst обходиться.без

‘[Крестьянин взглянул на снег, падающий между кронами деревьев, и спросил, не нужна ли им кожа.] У него была дубленая коровья кожа, без которой он мог обойтись’. [K. Aust. Kaos og øyeblikkets renhet (2008)]

— способность

- (50) *Kanskje er det lett-ere for jeget å*
 возможно быть.prs 3sg.n легкий-сmpг для я inf
unnvære noen del-er av hjern-en
 обходиться.без некоторый часть-pl.indf из мозг-sg.m.def
enn andre.
 чем другие

‘Возможно, для Я легче обходиться без одних частей мозга, чем без других’. [D. Fredriksen. Sjelen sitter like bak øyet // Illustrert vitenskap (2006)]

3.4. X *unngå* Y

Глагол *unngå* ‘избегать’ (10136) является специализированным и наиболее частотным средством выражения семантики *избегания*. Глагол является переходным, роли участников каритивной ситуации при нем маркируются порядком слов: ориентир (X) предшествует глаголу, абснс (Y) — следует за ним (если абснс выражен личным местоимением, оно принимает объектную форму). Также глагол может употребляться в пассивных формах, в случае чего ориентир часто опускается (также пассивная форма этого глагола, как правило, сопровождается тем или иным модальным глаголом):

(51) a. *Vi ha-r ikke tepp-er på gulv-ene,*
1pl иметь-prс не ковер-pl.indf на пол-pl.def,

og sponplat-er er unngå-tt
и дсп-pl.indf быть-prс избегать-prf.ptcp

‘У нас нет ковров, и избегается ДСП’. [M. R. Michelsen. *Pris-belønnet. Naturhus // Bergens Tidene* (1995)]

b. *Pasientsikkerhet innebær-er å ivareta*
безопасность.пациентов подразумевать-prс inf заботиться
pasienten-s sikkerhet slik at uønsked-e
пациент-poss безопасность так что нежелательный-pl

hendels-er unngå-s.
происшествие-pl.indf избегать-pass

‘Безопасность пациентов подразумевает заботу о пациентах с целью избежания нежелательных происшествий’. [G. M. Akeri. *Hjemmesykepleieres resonnement omkring delirium og barrierer for optimal håndtering av delirium hos eldre* (2011)]

Глагол выполняет функции:

— *активного избегания*

- (52) *Ved intenst arbeid unngikk han at det
с интенсивный работа избегать.pst 3sg.m что 3sg.n
ble nødvendig med en ny fotnote på
статья.pst необходимый com indf.sg.m новый сноска на
nato-s forsvarsministermøte i Skottland (...)
НАТО-poss встреча.министров.обороны в Шотландия (...)*

‘Посредством интенсивной работы он избежал необходимости в новой «сноске» на встрече министров обороны стран НАТО в Шотландии (...)’ [Innnnn: Oslo-avtalens far er død // Aftenposten (1994)]

— *пассивного избегания*

- (53) *Studi-en vis-te at de som
исследование-sg.m.def показать-pst что dem.pl который
utveksl-et informasjon om mål i stør-re
обмениваться-pst информация о цель в большой-smp
grad fant løsning-er og unngikk konflikt.
степень находить.pst решение-pl.indf и избегать.pst конфликт*

‘Исследование показало, что те, кто обменивался информацией о целях, в большей степени находили решения и избегали конфликтов’. [A. G. Solberg. Et kjønnsperspektiv på innovasjonsledelse (2012)]

Обратим внимание на то, что, как и конструкции *unnvære* ‘обходиться без’ и *være foruten* ‘быть кроме’, глагол *unngå* ‘избегать’ является высокоагентивным, то есть подразумевает, что то или иное нежелательное явление избегается кем-то, неким сознательным актором, и часто в результате его намеренных действий, а не просто не происходит случайно само по себе; причем этот высокий уровень агентивности сохраняется даже в тех случаях, когда имеет место безличная конструкция (также см. примеры пассивных конструкций выше):

- (54) *Studi-en* *avdekk-er* *at delirios-e*
 исследование-sg.n.def открывать-prs что бредовый-pl
hjemmeboende bruker-e *ha-r*
 живущий.дома пользователь-pl.indf иметь-prs
behov for kontinuerlig bistand slik at det
 нужда для длящийся уход так что 3sg.n
unngå-s *skad-er* *og plutselig*
 избегать-pass травма-pl.indf и неожиданный
død som følge av delirios-e tilstand-er.
 смерть как следствие из бредовый-pl состояние-pl.indf

‘Исследования показывают, что проживающие дома пациенты с бредом нуждаются в продолжительном уходе для того, чтобы избежать травм и неожиданных смертей, которые следуют из бредовых состояний’. [G. M. Akeri. Hjemmesykepleieres resonnement omkring delirium og barrierer for optimal håndtering av delirium hos eldre (2011)]

3.5. Выводы по третьей части

В данной части было разобрано две подгруппы каритивных конструкций, выполняющих функции уступки (включая способность и резистентность) и избегания. Конструкции с предлогом *uten* ‘без’ встречаются лишь среди уступительной подгруппы — это конструкции *klare / greie seg uten* ‘справляться без’. Частично синонимичен им глагол *unnvære* ‘обходиться без’, который в отличие от них способен также выполнять функцию избегания. Интересно при этом, что *unnvære* ‘обходиться без’ является в некотором роде второстепенным исполнителем обеих своих функций. Более того, было отмечено, что употребление *unnvære* ‘обходиться без’ всегда осложнено той или иной модальностью.

Последнее замечание становится чуть более интересным в сопоставительном контексте — в русском языке, например, обе группы функций, по всей видимости, выражаются одной и той же конструкцией *обходиться без*:

- (55) a. Мы научились обходиться без вилки и ножа еще в следственной тюрьме. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]
- b. Возможно, напуганные вышеизложенным читатели решат вовсе обойтись без развлечений на природе, благо фитнес-аэробику и зимой никто не отменял. [Зимние травмы: скользкая тема // «Семейный доктор», 2002.12.15]

Более того, у русского *обходиться без* имеется, по всей видимости, и другая, близкая к избеганию, функция, которую можно условно обозначить как протекание события:

- (56) Несколько раз их засыпали с людьми внутри, — впрочем, обходилось без жертв: золотодобытчики просто находили другие лазы, чтобы выйти на поверхность. [Не будет золота — начнутся убийства. Как пытаются выжить жители поселка под Читой, незаконно добывая золото в заброшенных шахтах. Репортаж Даниила Туровского (2018.04) // Медуза, 2018].

В данном случае имеет место менее агентивная ситуация избегания — когда тот или иной процесс или событие протекают без возможных негативных обстоятельств или последствий, при этом лицо, намеренно поспособствовавшее такому избеганию, либо не важно, либо вовсе не существует.

Ни конструкции *klare / greie seg uten* ‘справляться без’, ни глаголы *unngå* ‘избегать’ и *unnvære* ‘обходиться без’ не были замечены нами в выражении подобного значения. Однако для данной функции в норвежском языке имеется несколько специализированных средств — конструкции *foregå / forløpe uten* ‘проходить / пробежать без’:

- (57) a. *Det hersk-et indre fred i*
 3sg.n править-pst внутренний мир в
rik-et, og de fleste
 королевство-sg.n.def, и def.pl большинство
keiserskift-er foregikk uten
 королевская.реформа-pl.indf проходить.pst car

blodig-e kamp-er.
 кровавый-pl бой-pl.indf

‘Внутренний мир царил в королевстве, и большинство королевских реформ прошли без кровавых боев’. [Т. Moum. Moum Historie og filosofi (2008)]

b. *Ferd-en forløp-Ø uten dramatik*
 путешествие-sg.m.def пробегать-pst car драма

‘Путешествие прошло без драмы’. [P. Englund. Ufredsår (2010)]

Стоит заметить, что в рамках рассматриваемой конструкции глаголы *foregå* ‘проходить’ и *forløpe* ‘протекать, пробегать’ не являются полностью синонимичными и взаимозаменяемыми, так как для *forløpe* ‘протекать, пробегать’ характерно несвойственное *foregå* ‘проходить’ частое употребление с конвенционально выделяемыми отрезками времени, то есть часами, днями, неделями, месяцами, временами года и т. п. (более того, между двумя глаголами существуют и другие семантические различия, актуализируемые за пределами рассматриваемой нами каритивной конструкции):

(58) a. *Reis-en til Beograd fra Oslo den*
 поездка-sg.m.def к Белград из Осло def.sg.m

4 januar foregikk uten komplikasjon-er.
 4 январь проходить.pst car осложнение-pl.indf

‘Поездка из Осло в Белград 4 января прошла без осложнений’. [S. Bromark, H. F. Tretvoll. Alene blant de mange (2009)]

b. *En uke forløp uten at*
 indf.sg.m неделя пробегать.pst car что

noe videre skje-dde.
 что-то дальнейший происходить-pst

‘Неделя прошла без дальнейших происшествий’. [L. S. Christensen. Sluk (2012)]

В итоге мы можем сказать, что в то время как в русском языке для выражения трех указанных нами значений используется формально одна и та же конструкция, в норвежском для каждой из функций

имеются свои отдельные средства. В будущем было бы небезынтересно узнать, какая из этих моделей типологически более распространена. Также важно удостовериться в жесткости дифференциации между рассмотренными норвежскими конструкциями посредством работы с носителями.

Таблица 2. Средства выражения семантики уступки и избегания

Table 2. Means of expressing concession and avoidance

	klare seg uten	greie seg uten	modV unnvære	unngå
Активная уступка	+	+	+	–
Пассивная уступка	+	+	+	–
Резистентность	+	+	–	–
Способность	+	+	+	–
Активное избегание	–	–	+	+
Пассивное избегание	–	–	+	+

4. Выводы

В статье дано подробное описание каритивной зоны норвежского языка, характеризуются семантические и формальные особенности каритивных маркеров, комментируются различия между ними. Впрочем, несмотря на подробность, предложенное описание не претендует на всеобъемлемость, так как рассматриваются наиболее базовые каритивные показатели. Вполне естественно, однако, ожидать наличия в норвежском языке глаголов и глагольных конструкций, выражающих какую-либо специфическую разновидность каритивной семантики (например, глаголы ‘красть’ и ‘похищать’ и их аналоги в норвежском языке можно было бы рассмотреть в качестве каритивных). Следует отметить, что в работе стороной обходятся именные каритивные конструкции, которые, как было уже сказано ранее,

являются достаточно обширной темой, заслуживающей отдельного рассмотрения. Не менее важно и то, что, поскольку в работе затрагивается достаточно большое количество каритивных показателей, описание каждого из них является относительно поверхностным. Это открывает перспективу дальнейших исследований, в которых следует более детально рассмотреть выделенные конструкции, проанализировать их коллокации, узусные и прагматические характеристики.

В целом же мы можем отметить большое формальное разнообразие средств выражения каритива в норвежском языке: это значение может выражаться самостоятельными глаголами, глагольно-предложными конструкциями, морфемами. Интересный формально-семантический феномен представляют собой конструкции *unnvære* и *være foruten* ‘обходиться без’, которые выражают семантику уступки и необходимости, всегда осложняя ее той или иной модальностью.

Наконец, отметим, что составленное здесь описание каритивной зоны норвежского языка может быть использовано в качестве перспективной модели для описания аналогичных зон других языков, что впоследствии станет хорошей основой для типологических исследований.

Литература

- Оскольская и др. 2020 — С. А. Оскольская, Н. М. Заика, С. Б. Клименко, М. Л. Федотов. Определение каритива как сравнительного понятия // Вопросы языкознания. 2020. № 3. С. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Плунгян 2010 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. Изд. 3-е, исп. и доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.
- Христосова 2021 — К. А. Христосова. Формирование семьи конструкций на примере каритивов. URL: <https://www.hse.ru/ma/foreign/students/diplomas/474833536> (дата обращения: 18.03.2024).
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Gries, Stefanowitsch 2004a — S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. Extending collocation analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’ // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 9. Iss. 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.

- Gries, Stefanowitsch 2004b — S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. Co-varying collexemes in the intocausative // M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford, CA: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions // *International Journal of Corpus Linguistics*. Vol. 8. Iss. 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ij-cl.8.2.03^{ste}.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Covarying collexemes // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/clt.2005.1.1.1.
- Stolz et al. 2007 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives // *WORD: Journal of the International Linguistic Association*. 2007. Vol. 58. Iss. 1–3. P. 63–122. DOI: 10.1080/00437956.2007.11432575.

Источники

- Берков 2006 — В. П. Берков. Новый большой русско-норвежский словарь / Под ред. С. С. Люнден, Т. Матиассена. М.: Живой язык, 2006.
- Det Norske Akademis ordbok. URL: <https://naob.no/> (дата обращения: 29.05.2023).
- Leksikografisk bokmålskorpus. URL: <https://www.hf.uio.no/iln/om/organisasjon/tekstlab/prosjekter/lbk> (дата обращения: 18.03.2024).

References

- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. *Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995.
- Gries, Stefanowitsch 2004a — S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. Extending collostructional analysis: a corpus-based perspective on ‘alternations’. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. Iss. 1. P. 97–129. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Gries, Stefanowitsch 2004b — S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. Co-varying collexemes in the intocausative. M. Achard, S. Kemmer (eds.). *Language, Culture, and Mind*. Stanford, CA: CSLI, 2004. P. 225–236. DOI: 10.1075/ijcl.9.1.06gri.
- Khristosova 2021 — K. A. Khristosova. *Formirovanie semi konstruksiy na primere karitivov* [Establishment of a construction family: the case of caritive]. Available at: <https://www.hse.ru/ma/foreign/students/diplomas/474833536> (accessed on 18.03.2024).

- Oskolskaya et al. 2020 — S. A. Oskolskaya, N. M. Zaika, S. B. Klimenko, M. L. Fedotov. Opredelenie karitiva kak sravnitel'nogo ponyatiya [Defining caritive as a comparative concept]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2020. No. 3. P. 7–25. DOI: 10.31857/S0373658X0009370-6.
- Plungyan 2010 — V. A. Plungyan. *Obshhaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: introduction to the problematique]. Moscow: Publishing House “Librokom”, 2010.
- Stefanowitsch, Gries 2003 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Collostructions: investigating the interaction between words and constructions. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. Vol. 8. Iss. 2. P. 209–243. DOI: 10.1075/ijcl.8.2.03^{se}.
- Stefanowitsch, Gries 2005 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Covarying collexemes. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2005. Vol. 1. Iss. 1. P. 1–43. DOI: 10.1515/cllt.2005.1.1.1.
- Stolz et al. 2007 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. With(out): On the markedness relation between comitatives/instrumentals and abessives. *WORD: Journal of the International Linguistic Association*. 2007. Vol. 58. Iss. 1–3. P. 63–122. DOI: 10.1080/00437956.2007.11432575.

Получено / received 29.05.2023

Принято / accepted 07.09.2023

От первого лица: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи

В. В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);

victory805@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1597-6527

Аннотация. На материале трех лонгитюдных корпусов спонтанной детской речи (1;8–3;0) рассматривается усвоение форм 1-го лица местоимения-подлежащего и глагола-сказуемого, относящихся к грамматическому центру персональности. Впервые развитие механизма координации «субъект — предикат» сопоставляется со становлением пропозиционального отношения (установки) говорящего. Выявляются условия, «запускающие» оба грамматических процесса. Описывается общее и индивидуальное в усвоении детьми первичных местоименно-глагольных высказываний и их коррелятов в различных синтаксических позициях.

Ключевые слова: усвоение языка, детская речь, личные местоимения, глагольные высказывания, 1-е лицо, согласование (координация), пропозициональное отношение, эгоцентрические элементы языка, эпистемические маркеры, ментальные глаголы, модус, модель психического (*theory of mind*), язык ToM.

In the first person: Pronoun-verb utterances in Russian children’s speech

Victoria V. Kazakovskaya

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg;

Russia); victory805@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1597-6527

Abstract. Based on the data of three longitudinal corpora of child speech focusing on typically developing Russian-speaking children (1;8–3;0), the study addresses the acquisition of the 1st person pronoun forms in the Nominative case in combination

with verbs belonging to the grammatical center of personality. Spontaneous speech data were transcribed and morphologically coded according to CHILDES [MacWhinney 2000]. The analysis also accommodates Gvozdev's diary observations on the grammatical structure formation in his son's speech [1949, 1990].

For the first time, the development of the subject-predicate agreement mechanism is juxtaposed with the formation of the propositional relationship, whose means of expression are interpreted as the language of the Theory of Mind (*ToM*), that is mental state language. Its initial representatives in child speech are egocentric elements with epistemic semantics in the natural dialogue, such as *navernoe* 'probably', *mozhet byt'* 'maybe', *konechno* 'of course', *deystvitel'no* 'really' used with respect to the speaker (the 1st person).

The conditions triggering the grammatical processes under study are identified. Thus, the trigger for the pronoun-verb agreement is the verb spurt while the use of epistemic markers seems to be impossible without successful first-person agreement, and it is at this stage that they appear sporadically in children's speech. Later, epistemic markers, being a reduced version of the mental modus, come to be used along with their unreduced/full variants, such as *Ya dumayu / (ne) znayu / boyus, chto (P)* 'I think / (don't) know / am afraid that (P)'. In its turn, the use of the first person verb utterances in the frame position becomes a prerequisite for the subsequent placement of *you-* and *(s)he-*subjects of the propositional evaluation into it. Their use signals the children's ability not only to separate their own point of view from that of the Other, but also to put themselves into their own mental world.

The general and individual aspects of the acquisition of first person verb utterances occupying different syntactic positions are discussed. In particular, despite the similar frequency of the expression of temporal and communicative features of the proposition, the frequency of its modal vs. modus characteristics varies significantly. The obtained results correspond to the cognitive psychology conclusions on the different levels of *ToM*. Also, they are consistent with the analyses of mental state language in children's written argumentative texts which showed a correlation between the frequency of the use of mental state language and the child's academic success.

Keywords: language acquisition, child speech, personal pronouns, verb-based utterances, the 1st person, agreement, propositional attitude, egocentric elements, epistemic markers, modus, mental verbs, theory of mind, mental state language.

1. Вступительные замечания

Исследование посвящено глагольным высказываниям с личными местоимениями 1-го лица (далее *ЛМ1*), функционирующими на начальных стадиях речевого онтогенеза. Нас будут интересовать два сюжета.

Во-первых, мы рассмотрим случаи согласования (координации) субъекта и предиката, представленных ЛМ1 в форме им. п. и глаголом в форме наст./буд. времени. Наблюдения за спонтанной речью детей указывают на период, когда ЛМ1 и глаголы используются независимо друг от друга, не вступая в предикативные отношения, начальная реализация которых происходит без согласования либо с нарушениями [Гвоздев 1949; Доброва 2003; Чиглова 2019; Казаковская 2024]. Задача нашего исследования в данной части — выяснить: а) в каком возрасте (биологическом и языковом) и при каких системно-языковых условиях развивается механизм предикативности «ЛМ1-субъект — личный глагол-предикат», б) каковы семантические и грамматические особенности глаголов, первыми вступающих в координацию с ЛМ1, и в) каковы темпоральные и коммуникативные характеристики ранних местоименно-глагольных *я-* и *мы-* высказываний.

Во-вторых, чрезвычайный интерес представляют и другие языковые средства, в которых, помимо перволичных местоимений и глаголов, обнаруживается *Я* говорящего¹. Речь идет о привлечении к анализу эгоцентрических — указывающих на *ego* (В. Russell) — единиц языка [Падучева 2019], доступных маленьким детям. Такими эгоцентриками оказываются эпистемические маркеры (далее *ЭМ*) типа *наверное, может быть, конечно, кажется*, которые в канонической ситуации общения, включающей диалог «взрослый — ребенок»,

---

¹ В теории функциональной грамматики категория лица глаголов и местоимений отнесена к «грамматическому центру персональности». В содержании персональности «семантически уникальное» *я* (с которым соотносится *ты*) занимает «вершинное положение» [Бондарко 1991: 6–7].

принадлежат 1-му лицу². Грамматика относит их к сфере субъективной модальности, выражающей отношение говорящего к достоверности / недостоверности, его уверенность / неуверенность в сообщаемом [Русская грамматика 1980; ТФГ 1990; Nuyts, Auwera (eds.) 2016]. Задача, возникающая при данном подходе, заключается в соотношении ранних этапов развития двух механизмов — преципирования и пропозиционального отношения (установки), осуществляемых говорящим.

Предпринимаемый анализ ЛМ1 в синтаксическом окружении с учетом единиц других языковых уровней реализует исходно семантический принцип функционально-грамматического описания от «значения к форме» [Бондарко 1984: 11], опирается на исследование категории лица, представленное в классических трудах по русской детской речи [Гвоздев 1949, 1990; Лепская 1997], и учитывает достижения в сфере изучения ЛМ последних лет (см., в частности, [Доброва 2003; Краснощекова 2016; Чиглова 2019; Воейкова 2021; Казаковская 2024; Voeikova, Krasnoshchekova 2020]). Ожидаемые результаты позволят осветить становление системы средств выражения персональности в ее взаимодействии с субъективностью, а вместе с последней — развитие вербальной модели психического состояния человека (*theory of mind*, далее *ToM*) [Сергиенко и др. 2020]. В самом общем виде она интерпретируется как понимание ментального мира *Другого*, которое невозможно без понимания и, соответственно, обозначения говорящим / пишущим своего *Я*.

Обращение к проблематике *ToM* произошло сравнительно недавно³. Способность ребенка понимать чужое мнение, эмоции, юмор, иронию, обман, физическую или психическую причинность (*children's theory of mind*) в когнитивной психологии принято определять с помощью тестов. Ведущими среди них являются задачи

---

² В художественном нарративе их прочтение оказывается иным: они могут принадлежать персонажу, повествователю или «всевидающему», по В. В. Виноградову, автору.

³ См., в частности, [Bartsch, Wellman 1995; Baron-Coen et al. (eds.) 2000; Flavell 2004; Astington, Baird 2005; Wellman 2014; Сергиенко и др. 2009, 2020].

на понимание неверного мнения (*false belief tests*). К анализу языка ТоМ (*mental state language*) привлекаются ментальные (в широком смысле, см. также *cognitive, psychological*) глаголы (*know, think, belief, guess, see, say* и под.), конструкции с сентенциальными актантами (*I think / know that ...* и под.) и нарратив [Charman, Shmueli-Goetz 1998; Astington, Jenkins 1999; Hale, Tager-Flusberg 2003; Lohmann, Tomasello 2003; Pelletier, Astington 2004; Symons et al. 2005; Meins et al. 2006; O'Neill, Shultis 2007; Tompkins et al. 2019; Siu, Cheung 2022; Уланова 2020].

Аналитические обзоры экспериментальных исследований подтверждают взаимообусловленное развитие модели психического и языковой способности, однако указывают на ряд противоречий [Wellman et al. 2001; Milligan et al. 2007]. Главное из них заключается в степени корреляционной связи между ними на разных этапах онтогенеза. Работы, в которых развитие ТоМ соотносится с усвоением местоимений [Wechsler 2010], менее многочисленны. В тех, что выполнены на материале языков, допускающих (как и русский) их опущение (*pro-drop*), например чешском и итальянском, выявлена позитивная корреляция между упомянутыми процессами [Markova, Smolik 2014; Mazzaggio 2016].

На материале русских данных в качестве языковых коррелятов ТоМ предлагалось рассматривать систему средств субъективации, представленных структурно-семантическими вариантами эксплицитного модуса (в понимании, идущем от Ш. Балли), в первую очередь его ментальных сфер как в наибольшей степени «связывающих суждение с говорящим» [Арутюнова 1999: 429]⁴. Их репертуар включает способы выражения субъективной модальности (1), но не ограничивается ими (2–4):

- (1) *Васютка родился, живет, и **возможно** продолжит жить около леса (...),*

⁴ См., в частности, недавние работы [Казаковская 2017, 2022; Казаковская, Онипенко 2020; Казаковская, Гаврилова 2021; Kazakovskaya 2020, 2021a; Kazakovskaya et al. 2018].

- (2) *Я думаю, что таких людей, как Снежная Королева, должно быть меньше <...>*,
- (3) *Для меня эта сказка изображает людские качества <...>*,
- (4) *Я считаю барыню врагом Герасима, потому что она отняла все счастье, которое было у Герасима <...>*⁵.

Тем самым основная идея заключалась в том, чтобы описывать и изучать субъективное начало (выражение точки зрения, мнения, эмоций) в речи ребенка с помощью системно предназначенных для экспликации собственного мнения (*Я*) и мнения Другого (*Ты* и *Он*) языковых средств, а также определять уровень развития вербальной рефлексии с учетом возраста их появления, частоты использования и сложности — когнитивной и системно-языковой (то есть так наз. языковой техники).

С этих позиций анализировалась устная и письменная речь русскоязычных типично развивающихся детей разного возраста, в том числе в сопоставлении с аналогичными данными разноструктурных языков — эстонского и иврита. Лонгитюдные наблюдения за грамматическим развитием самых маленьких информантов выявили довольно раннее использование ЭМ⁶, однако различную эпистемическую плотность их речевой продукции. Кроме того, было установлено, что разнообразие средств субъективации, используемых школьниками в письменных текстах, и их когнитивная сложность коррелируют с академическими успехами. Так, хорошо успевающие дети чаще использовали рамочные и нерамочные средства ментального модуса (см. примеры (1–4)), тогда как слабо успевающие школьники прибегали главным образом к рамочным средствам выражения речевого модуса, а именно к метатекстовым (по А. Вежицкой) операторам *во-первых*, *во-вторых*, *итак*, *таким образом*

---

⁵ Приведены примеры из сочинений-рассуждений детей 11–12 лет с сохранением пунктуации источника [Казаковская 2022: 313].

⁶ На этот факт указывал и А. Н. Гвоздев, опираясь на собственный дневник научных наблюдений за речевым развитием сына Жени [Гвоздев 1949, II: 36].

и под. С их помощью они создавали структуру текста, скрепляли его части, устанавливали между ними логические связи и отношения определенной последовательности. В отличие от средств ментального или эмотивного модусов, метасредства не выражают отношение говорящего / пишущего к сообщаемому, но эксплицируют его речевую деятельность, а значит, представляют ребенка как автора своего текста и в этом смысле не менее существенны для нашего обсуждения, чем ЭМ.

Проведенные исследования показали, что ребенок проходит путь становления субъективного начала дважды: в раннем онтогенезе и в позднем, в устной спонтанной речи и в письменном нарративе. Полученные результаты соотносятся с экспериментально доказанными выводами психологов о становлении имплицитной и эксплицитной модели психического, ее различном (низком, среднем, высоком) уровне развития и о более раннем усвоении структуры текста по сравнению с его содержательными характеристиками, «информативностью» [Сергиенко и др. 2020: 85; Уланова 2020: 787]. В свою очередь, соответствие средств субъективации критериям измеримости, управляемости и предиктивности, предъявляемым к маркерам (в строго терминологическом понимании), позволяет отнести их к таковым и при опоре на них определять уровень развития вербальной рефлексии. Последняя может исчисляться объемом и вариативностью языка ToM.

Между тем соотношение возраста появления ранних средств субъективации и центральных элементов поля личности, а также сопоставительное изучение динамики развития тех и других никогда не проводилось, что не дает оснований считать полученные в каждой из областей результаты исчерпывающими. Проводимый анализ разноуровневых языковых средств с семантикой 1-го лица позволит проверить предположение об их онтогенетической однопорядковости и соотнести процессы развития синтаксического центра предложения (находящего воплощение в координации «лицо-субъект в позиции подлежащего — глагол-сказуемое») со становлением пропозиционального отношения (установки) говорящего.

В последующем изложении после описания языковых данных, их объема и методов исследования (*Раздел 2*) будут представлены его результаты (*Раздел 3*). Они заключаются в обобщении местоименных профилей детей, спонтанная речь которых послужила материалом для анализа (*Раздел 3.1*), описании первого года усвоения персональности (*Раздел 3.2*), характеристике семантических и коммуникативных особенностей глагольных *я*- и *мы*-высказываний (*Разделы 3.3, 3.4, 3.6*), а также сопоставлении онтогенеза ЛМ1 и ЭМ как ранних средств субъективации (*Раздел 3.5*). В *Разделе 4* подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.

2. Языковой материал, объем данных, методы анализа

Материалом для наблюдений послужили три лонгитюдных корпуса, принадлежащих мальчикам — Ване, Кириллу и Филиппу, усваивающим русский язык как родной и растущим в петербургских семьях среднего социально-экономического статуса (*middle SES*)⁷. Притом что все дети являются типично развивающимися, Ваня и Кирилл несколько задерживаются в речевом развитии по сравнению с Филиппом, что сказывается на возрасте появления ЛМ1 в различных синтаксических условиях.

Анализируемые данные представляют собой расшифрованные, затранскрибированные и морфологически закодированные в соответствии с конвенциями CHILDES [MacWhinney 2000] аудио- и видеозаписи диалога «взрослый — ребенок»⁸. Создание выборки осуществлялось с помощью программ *CLAN freq*, *kwal* и *combo*. Применение

---

⁷ Предварительный анализ ЛМ1 в речи Кирилла и Вани представлен в [Казаковская 2024].

⁸ Сердечно благодарю М. И. Аккузину†, К. А. Байду, М. Д. Воейкову, Н. В. Ггарину, Е. К. Лимбах, Т. В. Пранову и С. Н. Цейтлин, участвовавших в сборе и/или обработке спонтанной речи.

двух последних команд позволяет учитывать реплики, предшествующие высказыванию с ЛМ1 и следующие за ним, что повышает корректность интерпретации ранней речевой продукции ребенка. См., например, фрагмент диалога бабушки и Вани, приведенный в формате CHILDES с целью проиллюстрировать морфологическую разметку спонтанной речи (%mor):

- (5) *BAB: и бабушка хорошая, все хорошие, да?
 *VAN: нет=эа
 %mor: PTL|нет_нет=эа
 *VAN: плохой=похой я.
 %mor: ADJ|плохой&-SG:MASC:NOM_плохой=похой
 PRO|я&SG:NOM
 *BAB: ты плохой?
 *VAN: да (В., 2;2)⁹.

Ранние звукокомплексы, сходные с я (и даже соответствующим образом размеченные), однако надежно не интерпретируемые и не поддерживаемые взрослым, не учитываются:

- (6) *MAM: не надо, не надо, это папин магнитофон,
 папа ругаться будет.
 *FIL: я и ляпя атик.
 %mor: PRO|ja&-SG:NOM CONJ|i XXX|ljarja
 XXX|atik
 *MAM: кто это? (Ф., 1;8).

Для настоящего исследования было проанализировано 13978 диалогических реплик, зафиксированных в первый год персонального онтогенеза (Таблица 1). В их числе оказалось 2151 высказывание с местоимениями различных разрядов в форме им. п. (15,4%). Высказывания с местоимениями 1-го, 2-го и 3-го лица в сочетании с личными глаголами составили 21 % последних.

⁹ Здесь и далее указываются данные информанта: имя ребенка (В. — Ваня, К. — Кирилл, Ф. — Филипп) и его возраст (в годах и месяцах).

Таблица 1. Объем анализируемых данных

Table 1. Data analysed

	Период наблюдений	Высказывания в речи ребенка (n)	Высказывания с местоимениями в им. п. (% всех высказываний)	Высказывания с ЛМ и личными глаголами (% высказываний с местоимениями в им. п.)
Ваня	2;2–3;1	4800 ¹⁰	609 (12,7%)	89 (14,6%)
Кирилл	2;1–3;0	2205	386 (17,5%)	181 (46,9%)
Филипп	1;8–2;8	6973	1156 (16,5%)	183 (15,8%)

Статистический анализ сравниваемых долей, полученных от разных величин в трех корпусах данных, проводился с применением критерия *хи-квадрат* (порог значимости $p < 0.05$).

3. Результаты и их обсуждение

3.1. Местоименные портреты информантов

Предваряя анализ функционирования ЛМ1 в первый год усвоения категории лица Ваней, Филиппом и Кириллом, отметим общее и индивидуальное в течении этого процесса¹¹. К важным сходствам следует отнести отсутствие случаев употребления *ты* по отношению к себе (и наоборот), возможных в ранней детской речи¹². Реверсивное

¹⁰ Для сопоставимости данных в корпусе повышенной плотности «Ваня» (см. *high density corpora*) взято по 400 высказываний в каждом месяце наблюдения.

¹¹ О местоименных профилях этих детей см. также [Доброва 2003; Краснощекова 2016; Казаковская 2024].

¹² Более века изучение таких случаев велось применительно к речевой продукции детей с расстройством аутистического спектра. Недавние исследования показали, что разница между ними и типично развивающимися детьми заключается

использование местоимений (*the phenomenon of pronoun reversal*) исследователи объясняют сложностью усвоения их специфических особенностей — взаимообратимости и релятивности, находящихся отражение в эхолалии [Гвоздев 1949, 1990; Лепская 1997]¹³. Наиболее обсуждаемая современная гипотеза, связывающая взаимозамену *я* и *ты* с отсутствием или недостаточным уровнем развития ТоМ [Wechsler 2010], получила экспериментальное подтверждение [Markova, Smolik 2014; Mazzaggio 2016].

Общим для информантов является и то, что ЛМ1 в их речи возникают после местоимений других разрядов — указательных, притяжательных и определительных. Так, Кирилл сначала использует указательное *это* (1;7):

- (7) Ребенок (далее *P.*): *Дать=да это=та.*
 Взрослый (далее *B.*): *Еще шоколада тебе кусок, да?* (К., 2;0).

В речи Вани ЛМ1 отмечены одновременно с указательным *эта*, им предшествуют притяжательное местоимение *моя* и определительные *всё*, *сам* и *сама*:

- (8) В.: *Что ты сочиняешь?*
 P.: *Всё=сё* (В., 2;1),
 (9) В.: *Нашел, молодец!*
 P.: *Сам* (В., 2;1).

В репликах Филиппа ЛМ1 появляются после притяжательного *моя*:

- (10) В.: *Что это, Филипп, а? С чем ты играешь?*
 P.: *Машина моя=моя*¹⁴ оранжевая=олязева* (Ф., 1;5),

указательного *это* и определительных *сам*, *сама* (1;8).

в том, что доля местоименной инверсии у первых остается неизменной, тогда как у вторых она идет на убыль [Mazzaggio 2016].

¹³ На материале других языков реверсивность и эхолалия рассматриваются, в частности, в исследованиях E. V. Clark, S. Charney, R. Chiat, K. Loveland, K. Nelson, P. Dale.

¹⁴ Здесь и далее знаком «*» обозначены слово- или формообразовательные инновации (ошибки) детей.

Для самого частотного (как будет показано ниже) я оппозиции и мини-парадигмы, указывающие на его продуктивное употребление в числе других так наз. размороженных форм (ср. *frozen forms*), в речи Кирилла и Вани развиваются через 2–3 месяца после первой фиксации. У Кирилла падежные формы появляются последовательно: в возрасте 2;5 отмечен дательный (11), в 2;6 — родительный (в том числе с предлогом (12)), в 2;7 — винительный (13):

- (11) *Сок апельсиновый xxx мне не нравится* (К., 2;5),
 (12) *У меня снялись ботинки* (К., 2;6),
 (13) *Меня делают, меня снимают* (на видео. — В. К.) (К., 2;7).

Ваня в течение одной записи (в 2;5) начинает употреблять формы трех падежей — дательного¹⁵ (15), родительного с предлогом (16) и винительного (17):

- (15) *Дай мне бибику голубую* (В., 2;5),
 (16) *Болят нос у меня* (В., 2;5),
 (17) *0.На¹⁶ меня рычит* (В., 2;5).

В речи Филиппа косвенные падежи я возникают раньше (что соотносится с его опережающим речевым развитием), но также первым в их ряду становится дательный (18), за которым следуют винительный (19) и родительный с предлогом (20):

- (18) *Дать мне машину!* (Ф., 1;8),
 (19) *Мама везет меня* (Ф., 2;0),

¹⁵ Единичное употребление дательного адресата отмечено в 2;1:

- (14) Р.: xxx=мее.
 В.: Что такое мее?
 Р.: Мне=мее.
 В.: Ах, тебе дать, мее значит мне?
 Р.: Да.

¹⁶ Знак «0» перед словом указывает на его отсутствие в высказывании.

- (20) Р.: *У меня что?*
В.: *Машинка* (Ф., 2;1).

Основное различие между детьми заключается в том, что Ваня говорит о себе в 3-м синтаксическом лице [Лекант 2002: 136]:

- (21) *Сказал Ваня еще «пхх»* (В., 2;5),

тогда как Кирилл, напротив, употребляет исключительно я:

- (22) *Да, я буду ездить 0.на Ламборгини* (К., 2;6).

Сходным с Ваней образом поступал и Женя Гвоздев, говоривший о себе *Женя* и *мальчик*:

- (23) *Мальчик сидит* (1;10) [Гвоздев 1949, I: 59],

- (24) *Женя гуляла* (1;10) [Там же].

А. Н. Гвоздев усматривал в таких употреблениях влияние родительской речи (инпута) на фоне общей неувоенности категории лица [Гвоздев 1949, I: 57–59]¹⁷. Тактику Филиппа, скорее, можно назвать местоименной, тем не менее отдельные упоминания о себе в 3-м лице в его речи присутствуют:

- (25) *Филюша хороший* (Ф., 1;8),

- (26) В.: *А кого ты сегодня видел?*
Р.: *Филя собаку тивота* (Ф., 1;10).

Изначальное использование ребенком ЛМ1 либо имени для самонаименования является одним из аргументов при определении стратегии усвоения языка — экспрессивной vs референциальной¹⁸. При этом отмечается, что большинство детей находится между этими

¹⁷ Использование мальчиком глагольных форм женского рода (24) он объяснял влиянием «женского окружения».

¹⁸ В другой терминологии, холистической или аналитической (Т. И. Зубкова), морфологической или синтаксической (С. Н. Цейтлин). На материале английского языка этой проблематике посвящены исследования К. Nelson, Е. Bates,

«полюсами» и ранние различия в стратегиях впоследствии сглаживаются. Так, Ваня уже в следующем месяце переходит к я:

(27) *Я не буду плакать.* (В., 2;6), см. также:

(28) *Я никогда 0.не собирал петушка* (В., 2;8),

(29) *Я тролль* (В., 2;6)

и употребляет его в диалоге наряду со своим именем:

(30) Р.: *Ваня говорил Леопольд=Апойт.*

В.: *Да, ты говорил Апойт, а теперь как ты говоришь?*

Р.: *Леопольд=Леопойд* (В., 2;6)¹⁹.

Таким образом, местоименные портреты информантов имеют больше сходств, несмотря на некоторое речевое опережение Филиппа.

3.2. Общая характеристика высказываний с ЛМ1 в первый год персонального онтогенеза

В первый год усвоения ЛМ я-высказывания составляют половину (50,4 %) местоименно-глагольных высказываний детей: 48,6–55,4 % (*Диаграмма 1*). За ними по численности следуют высказывания с кумулятивным 3-м (26,7%) и 2-м лицом ед. ч. Доли я-высказываний сопоставимы, тогда как доли *мы*-высказываний различаются в речи Филиппа и Кирилла ($p < 0.05$).

Вне координации с глаголом я появляется в корпусах Вани и Кирилла в одно и то же время, в 2;2:

(31) *Я сюда* (К., 2;5),

(32) *Я надолго* (В., 2;6)

Е. V. Clark; на материале русского — Г. Р. Добровой, И. Г. Овчинниковой, О. Б. Сизовой.

¹⁹ На сходные результаты указывает Н. И. Лепская, ссылаясь также на экспериментальные данные [Лепская 1997: 66].

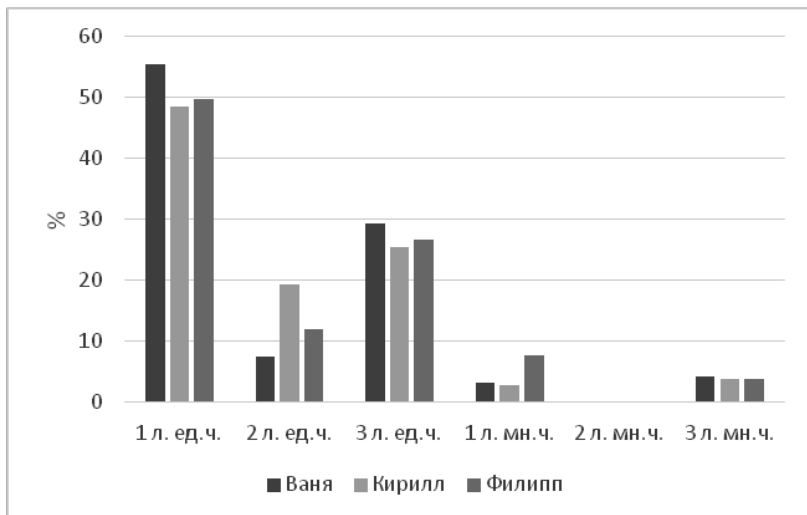

Диаграмма 1. Местоименно-глагольные высказывания 1-го, 2-го и 3-го лица (% местоименно-глагольных высказываний в речи ребенка)

Figure 1. Verb-based utterances with pronouns of all persons (% of all verb-based utterances in child's speech)

и несколько раньше (1;9) в речи Филиппа:

(33) В.: *А здесь что случилось?*

Р.: *Я, я сам паровозы тут* (Ф., 2;3)²⁰.

Важно подчеркнуть и то обстоятельство, что все мальчики начинают употреблять *я* в одном и том же языковом возрасте, то есть находясь на одном и том же уровне речевого развития, определяемого по средней длине высказывания (*mean length of utterance*). В это время она составляет примерно от одного (1,3) до полутора слов (Диаграмма 2), что означает переход от однословных голофраз к двусловным высказываниям.

²⁰ Типы доглагольного и безглагольного употребления ЛМ, которые можно было бы условно назвать голофрастическими, эллиптическими и присвязочными, рассматриваются в [Казаковская 2024].

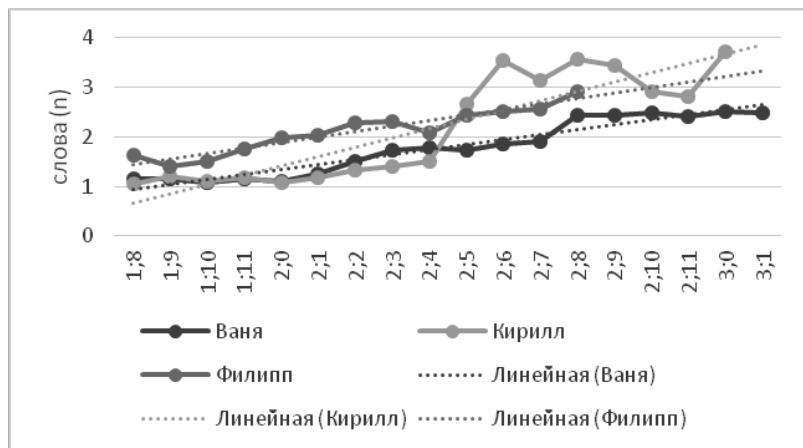

Диаграмма 2. Средняя длина высказывания (в словах)

Figure 2. Mean length of utterance (in words)

На момент координации *я* с глаголом, зафиксированной в возрасте 2;6 у Вани, в 2;4 у Кирилла и в 2;1 у Филиппа, приходится увеличение средней длины высказывания. У Вани и Филиппа она становится равной почти двум словам, у Кирилла — полутора, которые в следующем месяце практически удваиваются.

Полагаем, что триггером к началу координации служит значительное увеличение глагольной продукции в речи детей — глагольный взрыв (*verb spurt*) [Казаковская 2024]. Существенно также, что высказываниям с рассматриваемым типом координации предшествуют реплики, субъектная позиция в которых занята неличным местоимением:

- (34) Р.: *Это кусается.*
 В.: *Да, это пчела* (Ф., 1;11)

или именем:

- (35) *Куса вот ходит.* (Ф., 1;11),
 (36) *Голова болит еще* (В., 2;3),

в том числе собственным (то есть 3-м синтаксическим лицом), как это происходит в речи Филиппа и Вани:

(37) *Филя катается* (Ф., 1;11),

(38) Р.: *Катать Ваня бибики большие.*

В.: *Ты будешь большие катать?* (В., 2;3).

Ответная реплика в последнем диалогическом единстве отчетливо демонстрирует роль инпута в становлении механизма координации. Она проявляется в коммуникативной тактике взрослого. Взрослый «прочитывает» намерения ребенка и в реактивной реплике показывает возможный вариант координации в его языковом воплощении²¹. Так появляются местоимение и аналитическая глагольная форма, требуемые режимом реплицирования и грамматической нормой.

Ошибки в сфере координации «субъект — предикат», вопреки ожиданиям, немногочисленны. Они указывают на несогласованность по числу, лицу или роду и запечатлены в глагольной флексии:

(39) *А я уйдешь** (Ф., 2;6),

(40) Р.: *Я занята**.

В.: *Занят?* (К., 2;4),

см. также для 3-го лица:

(41) *Вот она стоишь** (Ф., 2;2),

(42) *Горит* фары* (В., 2;3).

Ошибочные формы местоимений, в том числе неличных — указательных или притяжательных, отмечены при образовании косвенных падежей, например беспредложного дательного:

(43) Р.: *Мне=меня* сказала «пхх».*

В.: *Машина сказала «пшии»? (В., 2;5)*

²¹ Структурно-семантические типы реформуляций взрослого в диалоге с ребенком и их значение в усвоении русского глагола анализируются в [Kazakovskaya 2021b].

и творительного с предлогом:

(44) *Да он ххх пойдет наверное с нами=кнамий*?* (К., 2;9).

Эти нарушения не связаны с координацией, но также нечастотны²².

3.3. Темпоральные особенности я-высказываний

Анализ темпоральных характеристик местоименно-глагольных я-высказываний в речи информантов показал абсолютную сопоставимость ($p > 0.05$). Так, во всех корпусах преобладают реплики, отнесенные к плану настоящего (59–64 %):

(45) *Я на машине сиду** (Ф., 2;4),

(46) *Я просто иду* (К., 2;6)

и описывающие конкретные действия, происходящие в момент речи. За ними следуют высказывания о будущих действиях и намерениях детей:

(47) *А я не залезу* (Ф., 2;4),

(48) *Потом я 0.к бабушке поеду* (В., 2;10)

и/или о прошедших событиях:

(49) *А я на велосипеде=сипеде падал* (Ф., 2;0),

---

²² На удивительной нечастотности местоименных ошибок — при трудностях в усвоении категории лица — заостряет внимание А. Н. Гвоздев [Гвоздев 1949, I: 78, 1990]. Описывая нарушения в «смысловом употреблении» ЛМ1 и в их формальном согласовании с личными формами глагола, он приходит к выводу, что местоимения усваиваются «твердо и держатся устойчиво» в силу своей частотности и морфологической исключительности. По мнению Гвоздева, являясь «наиболее часто употребляемыми словами», резко отступающими «от типичной морфологической структуры слов в русском языке», они «перенимаются целиком в том виде, как (...) употребляются взрослыми» [Гвоздев 1949, II: 172–173].

(50) *Я перепутал* (К., 2;5),

(51) *Я поел кашку, булку* (В., 2;6).

Доля я-высказываний с глаголами в форме прошедшего времени, более поздних по времени появления с ЛМ1, составляет в анализируемых корпусах от 23 (Ф.) до 43 % (В.)²³. Различия между их частотностью значимы: Ваня говорит о прошлом чаще других мальчиков ($p < 0.01$), чьи данные сопоставимы ($p > 0.05$).

В отношении возраста и порядка появления я-высказываний с темпоральными характеристиками будущего и прошедшего четкая тенденция на нашем материале не прослеживается. Ожидаемым является только их более раннее появление в речи Филиппа. В его корпусе высказывания о будущем появляются после 2;1 (см. (47), (54)), в то время как у Вани и Кирилла — почти на полгода позже, после 2;6 (см. (48), (55)).

В речевой продукции Вани будущее и прошедшее в высказываниях с координацией отмечены одновременно, у Филиппа предшествует будущее, у Кирилла, напротив, — прошедшее. Тем самым особенностью местоименно-глагольных высказываний можно считать одинаково раннее и частотное отражение дейктической ситуации «я — здесь — сейчас» и, следовательно, более позднее и редкое изменение темпорального плана.

3.4. Семантические типы предикатов

Следующей общей особенностью я-высказываний в речи информантов является частотность семантических характеристик личных глаголов, вступающих в координацию. Высказывания, представляющие некоторое положение дел (пропозицию) без модальной и/или модусной оценки, составляют большинство реплик ($p > 0.05$).

²³ Высказывания с глагольными формами прошедшего времени привлекаются только к иллюстрации отдельных положений.

Существенная часть образующих их диктальных глаголов обозначает действие (Диаграмма 3):

(52) *Я строю крышу* (В., 2;7),

(53) *Я танцую в ней и пею** (Ф., 2;7)

или движение:

(54) *Сейчас я поеду только* (Ф., 2;4),

(55) *Я ххх пойду, просто гулять пойду* (К., 2,6).

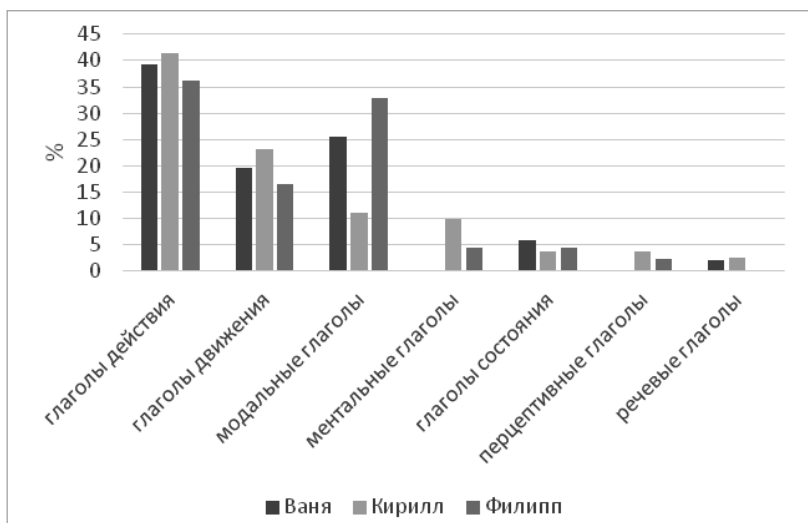

Диаграмма 3. Семантические группы личных глаголов в я-высказываниях детей

Figure 3. Semantic groups of personal verbs in children's I-utterances

Доли глаголов действия и движения в речи детей сопоставимы ($p > 0.05$), равно как и менее частотных глаголов с семантикой состояния:

(56) *Я сижу на солнышке* (В., 2;7),

перцептивной или речевой деятельности:

(57) *А я не вижу* (Ф., 2;6),

(58) *Я говорю* (правильно. — В. К.) *еще «автобус»* (В., 2;6).

Доля предикатов с модальной семантикой не менее значительна (11–33%), чем с семантикой действия или движения, однако в частоте ее выражения, как и в языковой вариативности, имеются различия. Так, менее всего модальных высказываний отмечено в речи Кирилла. По отношению к аналогичной продукции Филиппа эта разница существеннее ($p < 0.01$), чем в сравнении с Ваней ($p < 0.05$). Притом что основной модальной семантикой в речи всех детей оказалось волеизъявление, выраженное ядерным средством *хотеть*:

(59) *Я хочу почитать* (К., 2;9),

(60) *Я хочу посмотреть... что-то вот там* (В., 2;8),

его доли различаются за счет выражения других модальных значений. Ими являются алетическая возможность / невозможность (*мочь, уметь*):

(61) В.: *Ну, рассказывай сказку.*

Р.: *Я не могу* (В., 2;11),

(62) *Я на нем* (о велосипеде. — В. К.) *умею кататься* (В., 3;1)

и долженствование (*должен*):

(63) *Да, xxx надо куда-то поближе прятать, чтобы когда их xxx убирать я должен тебе помогать* (К., 2;9).

Филипп начинает употреблять модальные высказывания в возрасте 2;2, (ожидаемо) опережая Кирилла (2;4) и Ваню (2;7). Однако при выражении желаний он использует наименее разнообразный языковой репертуар, в 93% прибегая к *хотеть*:

(64) *Я спать хочу* (Ф., 2;2),

(65) *Я хочу рисовать* (Ф., 2;5).

Зафиксированные модальные значения и средства их выражения принадлежат сфере предикатной (в другой терминологии, деонтической) модальности. Их появление в речи детей означает экспликацию

модальной оценки и в силу этого может рассматриваться как следующий по отношению к модальности объективной, предполагающей выбор реального / ирреального наклонения, этап становления языковой рефлексии [Казаковская 2022].

Наиболее прототипичными для выражения субъективного начала (пропозиционального отношения) являются глаголы и их дериваты, которые обозначают ментальную (в широком смысле, см. выше) деятельность говорящего: когнитивные процессы и их результаты (в речи информантов это *знать, узнать; думать, подумать, придумать, придумывать; понимать; помнить, вспомнить, запомнить; забыть*), эмоциональные состояния и их проявления (*бояться; испугаться; жалеть, пожалеть; плакать*), результаты перцептивной — зрительной (*видеть, увидеть; смотреть, посмотреть; глядеть*) и слуховой (*слышать*), а также речевой деятельности (*говорить; сказать, рассказать; спросить*). Использование детьми иных способов выражения вербальной рефлексии, например слов категории состояния в сочетании с глагольной связкой для поиска причинности психоэмоционального состояния, расширяет наше представление о доступных им средствах языка ToM:

(66) В.: *Да, а что ты спрашивал?*

Р.: *Почему грустно было.*

В.: *Почему тебе было грустно? (К., 2;7).*

Лонгитюдный анализ показывает, что координация я с перцептивными, когнитивными и эмоциональными предикатами начинается позже, чем с семантически более примитивными глаголами действия, движения или состояния, а кроме того, с модальными глаголами. В речи Филиппа это происходит начиная с 2;4²⁴ (см. также (57)), Кирилла — с 2;5:

(68) *Я боюсь xxx плохая (К., 2;5).*

---

²⁴ Единичное употребление *знать* отмечено в его ранней реплике с отрицанием при опущенном ЛМ1:

(67) В.: *А это кто?*

Р.: *Вот это не знаю.*

В.: *Божья коровка (Ф., 1;10).*

В данных Вани случаи подобной координации остаются за пределами высказываний, взятых для анализа. Причем первые единичные употребления перцептивных (*видеть*), речевых (*говорить*, *сказать*) и ментальных (*думать*, *забыть*, *узнать*) в координации с 3-м синтаксическим лицом отмечены раньше (2;3–2;5), чем с ЛМ1 (2;6):

(69) *Видит бабушка* (В., 2;3),

(70) *Куса думает* (В., 2;5),

(71) В.: *Ты знаешь дорогу домой?*

Р.: *Я знаю* (В., 2;6), см. также (58).

Подчеркнем, что в частоте использования ментальных глаголов (так же как и модальных) имеются различия: Кирилл употребляет их активнее Вани ($p < 0.05$).

3.5. ЛМ1 и экспликация модусной семантики

Особый интерес к ментальным глаголам обусловлен их системно-языковыми свойствами. В первую очередь, это возможность диктумного и модусного прочтения, которая отсутствует у глаголов, не принадлежащих интенциональной / пропозициональной сфере [Арутюнова 1999; Логический анализ языка 2003]. Если анализ первых употреблений ментальных глаголов в *я*-высказываниях указывает на их диктальное функционирование (см. выше), то использование в синтаксической позиции рамки свидетельствует о разграничении пропозиции (диктума) и ее эксплицитной оценки (пропозиционального отношения, модуса²⁵):

(72) *Я не знаю* [_{1 л. ед. ч.}] *что происходит у джипа* (К., 2;11),

(73) *Я тут лежу ... боюсь* [_{1 л. ед. ч.}] *что робот к нам идет* (К., 2;7).

²⁵ Далее модус (модусная рамка) приводится в квадратных скобках.

С точки зрения языковой «техники» модуса, это нередуцированный (полный) вариант его рамочной экспликации. Попадая в позицию модусной рамки, местоименно-глагольные *я*-высказывания становятся главной частью сложноподчиненного предложения нерасчлененной структуры с изъяснительно-объектным придаточным²⁶.

Когнитивным основанием грамматической операции такого рода можно считать выделение ребенком себя в качестве субъекта ментальной (и шире — психической vs физической) деятельности, а ее предвестником — диктальное использование глаголов интеллектуальной деятельности в *я*-высказываниях, более позднее, по сравнению с другими случаями координации, в речи детей. Заметим, что А. Н. Гвоздев характеризует употребление ментальных глаголов Женей не только как позднее, но и как редкое явление:

(74) *Я думал, Лена* (2;8),

(75) *Я думал, холодная* (2;8) [Гвоздев 1949, II: 42].

Соотношение субъектов модуса и диктума в таких репликах показывает, что дети формируют и высказывают собственное мнение (реже знание / незнание и др.) не только по отношению к себе:

(76) *Я думаю* [1 л. ед. ч.], *что засыпал* (о себе) *вместе с ней, засыпал* (К., 2;10),

но и по отношению к партнеру по диалогу:

(77) *Я думаю* [1 л. ед. ч.], *ты меня съешь* (2 л. ед. ч.) (В., 3;1),

третьему лицу (в том числе синтаксическому) или ситуации:

(78) *Я не знаю* [1 л. ед. ч.], *что это* (Ф., 2;4).

Стоит также подчеркнуть, что сначала ребенок оценивает физические действия субъекта пропозиции, позднее — его интеллектуальную деятельность.

---

²⁶ В другой терминологии, сложного предложения асимметричной структуры (Т. А. Колосова, М. И. Черемисина), квазисложного предложения (Т. В. Шмелева).

Между тем это не первые случаи экспликации модусной семантики в детской речи. Как упоминалось, более ранними средствами выражения пропозициональной оценки оказались редуцированные варианты ментального модуса, в которых субъект и предикат представлены синкретично²⁷. Речь идет об ЭМ *наверное, кажется, может быть, похоже, конечно, действительно, на самом деле, правда*, перволичное прочтение которых в реальном диалоге уравнивает их «персональный статус» с одноименным местоимением. При этом репертуар субъектов пропозициональной оценки не является более узким, чем в пропозициях, введенных позднее нередуцированной модусной рамкой (как можно было бы предположить). Так, в эпистемическом фокусе могут находиться действия, реже качества или ощущения любого субъекта пропозиции. Им может быть сам ребенок (в том числе вместе с кем-либо):

(79) *Наверное* [1 л. ед. ч.], *едем на работу* (0.1 л. мн. ч.) (К., 3;0),

партнер по диалогу:

(80) *Наверно* [1 л. ед. ч.], *ты катаешься* (2 л. мн. ч.) (Ф., 2;1),

а также не участвующие в общении лица:

(81) *Ему этот xxx наверно* [1 л. ед. ч.], *ему не больно* (К., 2;6)

или объекты:

(82) *Едет машина, похоже* [1 л. ед. ч.] (К., 2;7),

(83) *А я тебя не пуцу=путь: там машины ездят злые, сердитые, может* [1 л. ед. ч.] (Ф., 2;6).

²⁷ Наблюдения о «свернутых предложениях» (в том числе по смыслу) находим в лингвистической традиции описания вводных слов и предложений: в трудах Н. И. Греча, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, Я. К. Грота, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, В. В. Виноградова. Этапы редукции эксплицитного модуса представлены в [Колосова, Черемисина 1986].

Сравнительный анализ начала использования я-высказываний и эпистемически маркированных высказываний показал их одновременное появление в речи Кирилла и Филиппа:

(84) В.: *А что он, внизу?*

Р.: *Наверное* (К., 2;4),

(85) *Это лошадка, наверно* (Ф., 2;1)

и двухмесячное отставание (последних) в речи Вани:

(86) Р.: *Это такой волк, наверное=ваненя* (говорит с сомнением, медленно. — В. К.).

В.: *Волк, наверное?*

Р.: *Да, я думал, такой волк* (В., 2;8).

Первые ЭМ выражают семантику неуверенности в сообщаемом (недоверительность), что соотносится с результатами, полученными на материале других корпусов русской детской речи²⁸.

Между тем упомянутая задержка в появлении ЭМ в речи Вани не представляется нарушением общей тенденции, поскольку он начинает использование модусных средств с выражения другой — не эпистемической — семантики и с другой целью. Так, одновременно с началом координации в его высказываниях появляются представители перцептивного модуса. Ими являются фатические маркеры *смотри* и (реже) *смотрите*:

(87) *Миша, смотри=мааи* (В., 2;2),

(88) *Смотри=фати, дядя делает поливалку* (В., 2;5),

приобретающие в его речи заметную активность с середины 3-го года жизни:

---

²⁸ На материале лонгитюдных данных было показано, что усвоение эпистемической модальности развивается от имплицитной уверенности к эксплицитной неуверенности и — далее — к эксплицитной уверенности [Казаковская 2017; Kazakovskaya 2021a]. Интонационные средства выражения модальной семантики требуют специального анализа.

(89) *В воду упал, смотри* (В., 2;6),

(90) *Бабушка, смотри, надел маску так* (В., 2;6).

Предназначение таких маркеров заключается не в том, чтобы оценить вводимую пропозицию эпистемически, а в том, чтобы привлечь к ней внимание собеседника и установить с ним речевой контакт. Иными словами, их функция, скорее, прагматическая.

Подчеркнем, что эту же тенденцию мы находим в речи Жени Гвоздева (напомним, как и Ваня, говорившего о себе в 3-м лице). ЭМ появились в его речи позже согласования *я* с личными формами глагола (2;4 vs 2;2) и одновременно с *гляди*, употреблявшимся широко:

(91) *Грибок, гляди* (2;2),

(92) *Гляди-ка, летают высоко* (2;2) [Гвоздев 1949, I: 93],

и более поздним синонимичным *смотри*:

(93) *Смотри, я палку повесил* (2;9) [Там же, II: 42].

Функцию вводных слов, довольно ранних, но нечастотных в речи Жени, А. Н. Гвоздев характеризует как выражение «субъективного отношения к речи (степень уверенности, подчеркивания и противопоставление своего заявления высказываниям других)»²⁹ [Там же: 36]:

(96) *Пожалуй, надо кофейни принести* (2;4),

(97) *Это ты, может быть, поёшь?* (2;6),

(98) *Кран починили, наверное* (2;7).

Последнее замечание представляется ценным, особенно в контексте обсуждаемого становления оппозиции «*Я — Другой*», как и наблюдение Александра Николаевича о том, что некоторые из этих слов «употребляются без достаточного понимания, но ⟨...⟩ вполне уместно»

²⁹ Маркирование уверенности / неуверенности и чужого слова (в прямой и косвенной формах) начинается в речи Жени одновременно:

(94) *Она говорит: дай пальто,*

(95) *Нет, говорит она, нельзя целоваться* (2;8) [Там же: 52].

[Гвоздев 1949, II: 36]. Уместность он считал знаком успешного усвоения того или иного языкового средства. В свою очередь, большинство современных психологов убеждено (в противовес мнению Ж. Пиаже), что даже маленькие дети «не тотально эгоцентричны» и способны понимать ментальные состояния и процессы. Экспериментальные исследования указывают на то, что эта способность развивается задолго до речи, «может осуществляться автоматически на неосознанном уровне» и интенсивно развивается с возрастом [Сергиенко и др. 2020: 9, 33].

Результаты количественного анализа местоименно-глагольных *я*-высказываний и эпистемически маркированных высказываний выявили их определенную взаимосвязь (Таблица 2). По частотности употребления тех и других Кирилл значительно опережает Ваню и Филиппа ($p < 0.01$).

Таблица 2. Высказывания с ЭМ и ЛМ1 (% всех высказываний ребенка)

Table 2. Utterances with epistemic markers and *I*-utterances (% of all child's utterances)

	Эпистемически маркированные высказывания	<i>Я</i> -высказывания	<i>Я</i> - и 0. <i>Я</i> -высказывания
Ваня	27 (0,6 %)	51 (1,1 %)	55 (1,15 %)
Кирилл	40 (1,8 %)	88 (4,0 %)	112 (5,10 %)
Филипп	13 (0,2 %)	91 (1,3 %)	213 (3,05 %)

Более интенсивной выглядит у Кирилла и динамика развития эпистемически маркированных высказываний (Диаграмма 4). В корпусах Вани и Филиппа (особенно) эти показатели невелики и высказывания с эгоцентриками развиваются менее активно.

Важный результат дал дистрибутивный анализ частотности сравниваемых высказываний. В речи Кирилла и Вани заметное увеличение эгоцентриков начинается после «взрыва» в употреблении *я*-высказываний. У Кирилла возраст этих пиков попадает на 2;6 и 2;9 (Диаграмма 5), у Вани — на 2;7 и 2;10 (Диаграмма 6). Показательно, что и период между отмеченными пиками в обоих корпусах одинаковый, 3 месяца.

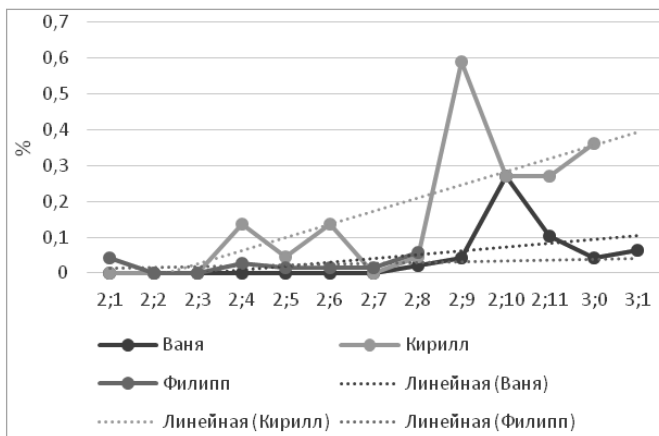

Диаграмма 4. Распределение эпистемически маркированных высказываний (% всех высказываний ребенка)

Figure 4. Distribution of epistemically marked utterances (% of all child utterances)

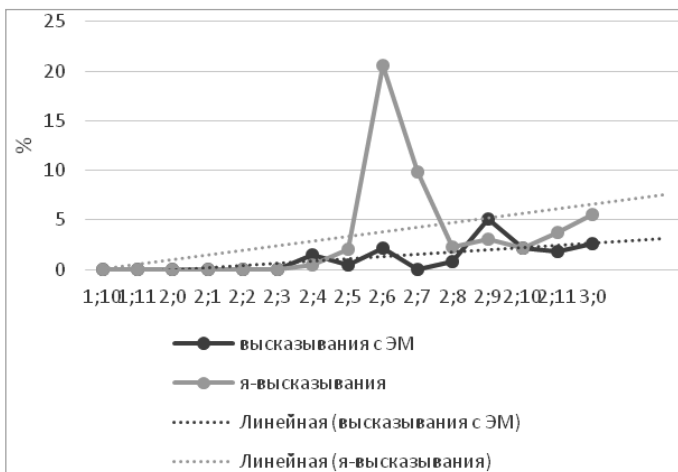

Диаграмма 5. Эпистемически маркированные высказывания и я-высказывания в речи Кирилла (% высказываний в месяц)

Figure 5. Epistemically marked utterances and I-utterances in Kirill's speech (% utterances per month)

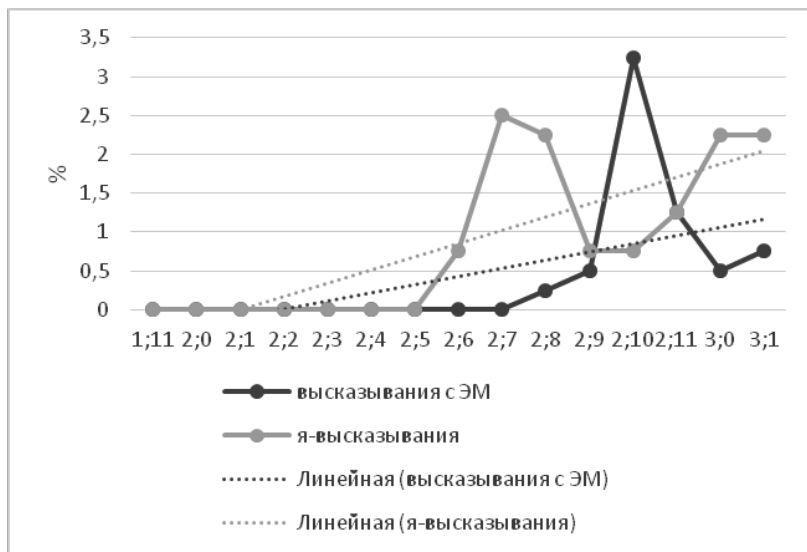

Диаграмма 6. Эпистемически маркированные высказывания и я-высказывания в речи Вани (% высказываний в месяц).

Figure 6. Epistemically marked utterances and I-utterances in Vanya's speech (% utterances per month).

В речи Филиппа данная тенденция как будто тоже намечается (Диаграмма 7). Однако она не может быть с уверенностью подтверждена, поскольку, во-первых, чрезвычайно мала доля эпистемически маркированных высказываний и, во-вторых, ограничен период наблюдений.

3.6. Мы-высказывания

В завершение охарактеризуем местоименно-глагольные *мы*-высказывания. Их доля в анализируемой выборке невелика (4,8%). В координации с личными глаголами это местоимение появляется на 3–4 месяца позже *я*. В речи Кирилла *мы*-высказывания зафиксированы во второй половине 3-го года жизни, в 2;7:

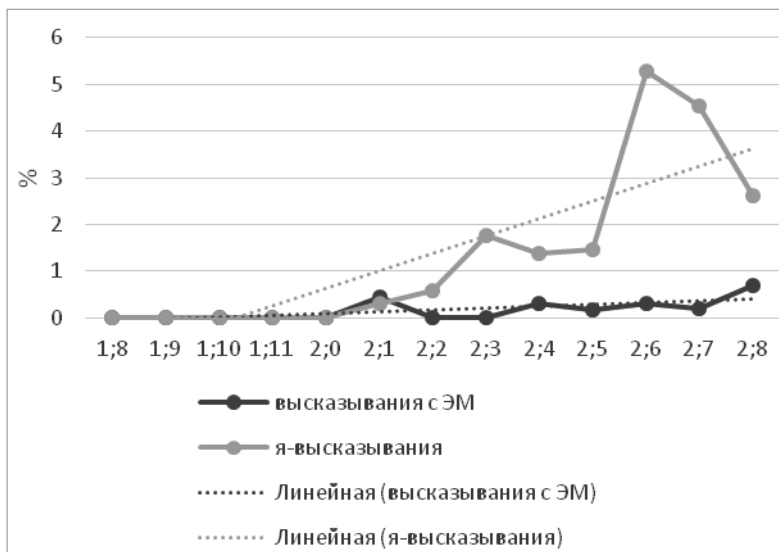

Диаграмма 7. Эпистемически маркированные высказывания и я-высказывания в речи Филиппа (% высказываний в месяц)

Figure 7. Epistemically marked utterances and I-utterances in Philipp's speech (% utterances per month)

(99) *Мы играем xxx гитаре чуть-чуть поменьше* (К., 2;7),

(100) *А мы заезжаем прямо где кровать* (К., 3;0).

В глагольных высказываниях Филиппа это местоимение начинает использоваться раньше, с 2;2:

(101) *Не будем мы собачку варить* (Ф., 2;2),

(102) *Закрой дверь, и сейчас мы поедем* (Ф., 2;4)

и одновременно с 3-м лицом обоих чисел:

(103) *Он, он хлоглы? упадет на машине* (Ф., 2;2),

(104) *Так они делает** (Ф., 2;2).

Ваня начинает координировать *мы* с глаголом ближе к концу наблюдений, с 2;9:

(105) *Посмотрим мы* (В., 2;9),

(106) В.: *Ты сам будешь чинить?*

Р.: *Мы в городе когда будем* (В., 3;1).

В его речи это местоимение появляется одновременно с *ты*:

(107) *Ты любишь косточку?* (В., 2;9).

В отношении темпоральной семантики в большей степени становится заметной отнесенность *мы*-высказываний детей к плану будущего. Высказывания о будущих действиях появляются первыми в речи Вани и Филиппа. Они составляют от 53 до 100 % всех *мы*-высказываний выборки, в то время как доля будущего в *я*-высказываниях не превышает половины (36–41 %, см. *Раздел 3.3*). Однако разница в частотности будущего в *я*- и *мы*-высказываниях не является значимой ($p > 0.05$), как не значима она и между коммуникативными характеристиками последних, несмотря на появление вопросительно окрашенных реплик.

Мы-вопросы отмечены в данных Вани (33 %) и Филиппа (29 %). Вопросы детей касаются будущих действий — их собственных или совместных с взрослыми партнерами по диалогу. По форме такие *мы*-реплики на 80 % представлены специальными *что*-вопросами:

(108) *А что мы читаем?* (Ф., 2;4),

(109) *Что мы сегодня делаем?* (Ф., 2;8).

В кругу сколько-нибудь частотных личных глаголов, вступающих в координацию с *мы*, выделяются три группы. Это глаголы движения и символической деятельности (типа *играть*, *рисовать*) (по 23 %), а также перцептивные глаголы с семантикой зрительного восприятия (9 %). Глаголы всех групп имеют исключительно диктальное употребление:

(110) *Мальчик, садись, мы поедem вместе с мамой до самолета, до маршруты** (К., 3;0).

Модально или модусно маркированные *мы*-высказывания практически отсутствуют. Исключение составляют реплика Кирилла, в которой используется один из периферийных модальных глаголов с семантикой попытки, и высказывание Вани с типичным для его идиостиля фатическим маркером:

(111) *Мы попробуем зарисуеться** (К., 2;11),

(112) *Скажи=гадьзи, мы пойдём 0.в парк?* (В., 2;8).

В редких случаях нередуцированные модусные рамки с ментальной семантикой вводят *мы*-пропозиции, отнесенные к плану прошедшего:

(113) *Я знаю, мы просто xxx сюда приехали, я знаю* (К., 2;11).

4. Заключительные замечания

Исследование показало, что в речи разных детей координация «субъект (ЛМ1 в форме им. п.) — предикат (глагол в личной форме)» происходит в одном и том же языковом возрасте — на этапе перехода к двусловным высказываниям. Механизм предцирования запускается с заметным увеличением объема глагольной продукции, что можно рассматривать как системно-языковое условие процесса. Во всех типах высказываний с ЛМ1, включая безглагольные [Казаковская 2024], первым субъектную позицию начинает занимать *я*, после которого с интервалом в несколько месяцев следует менее частотное *мы*. Рассматриваемому типу координации предшествует ее более раннее языковое воплощение, где в позиции субъекта-подлежащего выступает неличное местоимение или существительное, то есть 3-е синтаксическое лицо. Ошибки в согласовании ЛМ1 с глаголами многочисленны и заключены в глагольной флексии. Они указывают на рассогласование по лицу (2-е лицо вместо 1-го) и числу (мн. ч. вместо ед.) или роду при иной реализации синтаксического центра предложения.

Семантический анализ глаголов, первыми вступающих в координацию с местоимением-субъектом, выявил не только частотность определенных групп, но и неодновременность их участия в развитии предикативных отношений. Изначально позицию предиката занимают диктальные глаголы с семантикой движения, перемещения и состояния. Позже начинают употребляться модальные и ментальные глаголы, доли которых, в отличие от диктальных, в речи детей значительно различаются, как и доли эпистемически маркированных высказываний.

Также было установлено, что *я*-высказывания, в которых зафиксирована корректная координация ЛМ1 и глагола, появляются одновременно с языковыми средствами другого уровня — эгоцентриками, представленными в речи детей эпистемическими и (реже) фатическими маркерами. Будучи редуцированными вариантами модуса, они представляют собой нерасчлененное, или синкретичное, выражение субъектного и предикатного компонентов модусной рамки. Отсутствие расхождений во времени появления в речи рассматриваемых языковых средств, принадлежащих полям персональности и модальности, свидетельствует об их онтогенетической однопорядковости. Вместе с тем меньшая употребительность ЭМ может указывать на их когнитивную сложность и поддерживаться особенностями получаемого ребенком инпута.

После эпистемически маркированных (эгоцентриками) *я*-высказываний следуют реплики, в которых *я*-модусная рамка представлена бинарной субъектно-предикатной структурой. В таких высказываниях уже усвоенные и корректно согласованные местоименно-глагольные клаузы используются на другом синтаксическом уровне — в позиции главной части квазисложного предложения, а ранее употреблявшиеся в диктуме ментальные глаголы получают модусное прочтение. В каждом из случаев экспликации модусной семантики происходит успешная вербализация субъективного начала, выражение определенного аспекта собственной точки зрения. Тем самым речь идет о становлении этапа, который необходим для ее противопоставления другой точке зрения и формирования оппозиции «*Я — Другой*». Полностью вербализованная рамка, с выделенными

я-субъектом и предикатом пропозициональной установки, безусловно, снижает степень неосознанности этой операции.

Более того, помещая в модусную рамку субъект 2-го или 3-го лица:

(114) *Ты что, ты думала* [_{2 л. ед. ч.}], *что я страшный, да?* (К., 2;10),

(115) *Ты не думай* [_{2 л. ед. ч.}], *что я в крапиву полезу* (В., 3;1),

(116) *Она думала* [_{3 л. ед. ч.}], *это дрозд* (В., 2;10)

и делая его тем самым субъектом пропозициональной оценки, ребенок «встает» на точку зрения *Другого* и выражает ее с помощью ядерных языковых коррелятов ТоМ. Анализ таких употреблений принадлежит сфере функционирования ранних *ты-* и *он-*высказываний и соответствующих модусных рамок и, наряду с анализом местоименного инпута в его соотношении с речью ребенка (*input vs output*), составляет перспективу нашего исследования.

Притом что все информанты демонстрируют довольно раннее проявление вербальной рефлексии, они различаются в частотности ее выражения и вариативности используемых средств, тогда как темпоральные и коммуникативные характеристики ранних *я-* и *мы-*высказываний сопоставимы. В речи детей преобладают констатирующие *я-*высказывания, отражающие дейктическую ситуацию «здесь и сейчас».

Таким образом, процесс развития предцирования в раннем онтогенезе сопряжен со становлением субъективного начала. Умение ребенка использовать модусные средства указывает на более высокий уровень владения языковой «техникой», выражающей собственную точку зрения, мнение, оценку и предполагающей более сложный когнитивный механизм, в отличие от начального использования *я* «до» и «вне» координации с личными глаголами.

Список условных сокращений

ЛМ1 — личные местоимения 1-го лица; ЭМ — эпистемические маркеры; ТоМ — theory of mind; В. — взрослый; Р. — ребенок.

Литература

- Арутюнова 1999 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и производные от него значения // Н. Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 403–542.
- Бондарко 1984 — А. В. Бондарко. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984.
- Бондарко 1991 — А. В. Бондарко. Семантика лица // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. Л.: Наука, 1991. С. 5–40.
- Восейкова 2021 — М. Д. Восейкова. Личные местоимения в потоке речи и их вклад в становление языковой системы // М. А. Еливанова, С. В. Краснощекова, В. А. Левченко (ред.). Проблемы онтолингвистики — 2021: Языковая система ребенка в ситуации одно- и многоязычия. СПб.: ВВМ, 2021. С. 23–32.
- Гвоздев 1949 — А. Н. Гвоздев. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. В 2-х ч. М.: Издательство АПН РСФСР, 1949.
- Гвоздев 1990 — А. Н. Гвоздев. Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка. Куйбышев: Издательство Саратовского университета, 1990.
- Доброва 2003 — Г. Р. Доброва. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства). СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
- Казаковская 2017 — В. В. Казаковская. Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // Acta Linguistica Petropolitana. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 542–575.
- Казаковская 2022 — В. В. Казаковская. Средства субъективации в текстах детей 11–12 лет: *Я и Другой* // М. Л. Кисилиер (ред.). Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. С. 312–320.
- Казаковская 2024 — В. В. Казаковская. Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 2024. № 2 (40). С. 133–149.
- Казаковская, Гаврилова 2021 — В. В. Казаковская, М. В. Гаврилова. «Мое мнение, что...»: субъективное начало в письменном дискурсе школьников // Русский язык в школе. 2021. № 82 (6). С. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43.
- Казаковская, Онипенко 2020 — В. В. Казаковская, Н. К. Онипенко. Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей // В. В. Казаковская, М. Д. Восейкова (отв. ред.). Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. М.: Издательский дом ЯСК, 2020. С. 246–288.

- Колосова, Черемисина 1986 — Т. А. Колосова, М. И. Черемисина. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Л. Г. Панин, М. И. Черемисина (ред.). Синтаксическая и лексическая семантика (на материале языков разных систем). Новосибирск: Наука, 1986. С. 10–32.
- Краснощекова 2016 — С. В. Краснощекова. Местоименный дейксис в русской детской речи: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2016.
- Лекант 2002 — П. А. Лекант. Структура синтаксической категории лица // П. А. Лекант. Очерки по грамматике русского языка. М.: Издательство МГОУ, 2002. С. 133–138.
- Лепская 1997 — Н. И. Лепская. Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: Издательство МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.
- Логический анализ языка 2003 — Н. Д. Арутюнова (сост. и отв. ред.). Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003.
- Падучева 2019 — Е. В. Падучева. Эгоцентрические элементы языка. М.: Языки славянских культур, 2019.
- Русская грамматика 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980.
- Сергиенко и др. 2009 — Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. Модель психического как основа понимания себя и другого в онтогенезе человека. М.: Институт психологии РАН, 2009.
- Сергиенко и др. 2020 — Е. А. Сергиенко, А. Ю. Уланова, Е. И. Лебедева. Модель психического: Структура и динамика. М.: Институт психологии РАН, 2020.
- ТФГ 1990 — А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990.
- Уланова 2020 — А. Ю. Уланова. Характеристики нарративов детей с разным уровнем понимания психических состояний // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 779–790. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-779-790.
- Чиглова 2019 — Е. И. Чиглова. Стратегии освоения категории лица в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2019.
- Astington, Baird 2005 — J. W. Astington, J. A. Baird. Why language matters for theory of mind. Oxford: Oxford University Press, 2005. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195159912.001.0001.
- Astington, Jenkins 1999 — J. W. Astington, J. M. Jenkins. A longitudinal study of the relation between language and theory-of-mind development // Developmental Psychology. 1999. Vol. 35. № 5. P. 1311–1320. DOI: 10.1037/0012-1649.35.5.1311.
- Baron-Cohen et al. (eds.) 2000 — S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg (eds.). Understanding other minds. Perspectives from developmental social

- neuroscience. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press, 2000. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199692972.001.0001.
- Bartsch, Wellman 1995 — K. Bartsch, H. K. Wellman. Children talk about the mind. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Charman, Shmueli-Goetz 1998 — T. Charman, Y. Shmueli-Goetz. The relationship between theory of mind, language and narrative discourse: An experimental study // *Current Psychology of Cognition*. 1998. Vol. 17. № 2. P. 245–271.
- Flavell 2004 — J. H. Flavell. Theory-of-mind-development: Retrospect and prospect // *Merrill-Palmer Quarterly*. 2004. Vol. 50. № 3. P. 274–290. URL: <http://www.jstor.org/stable/23096166> (дата обращения 20.01.2024).
- Hale, Tager-Flusberg 2003 — C. M. Hale, H. Tager-Flusberg. The influence of language on theory of mind: A training study // *Developmental science*. 2003. Vol. 6. № 3. P. 346–359. DOI: 10.1111/1467-7687.00289.
- Kazakovskaya 2020 — V. Kazakovskaya. Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents // *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions*. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05.
- Kazakovskaya 2021a — V. Kazakovskaya. Epistemic modality in Russian child language // U. Stephany, A. Aksu-Koç (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective [SOLA [Studies of Language Acquisition] 54]*. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012.
- Kazakovskaya 2021b — V. Kazakovskaya. Feedback in verb acquisition: Evidence from Russian ‘adult — child’ interaction // V. Warditz (ed.). *Russian Grammar: System — Usus — Variation / Русская грамматика: Система — узус — варьирование*. [Linguistica Philologica, 1]. Berlin: Peter Lang Verlag, 2021. P. 245–270. DOI: 10.3726/b19724.
- Kazakovskaya et al. 2018 — V. Kazakovskaya, R. Argus, S. Uziel-Karl. The Early Expression of (Un)certainity in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew // *Philologia Estonica. On Language and Culture*. 2018. Vol. 3. P. 93–130. DOI: 10.22601/PET.2018.03.04.
- Lohmann, Tomasello 2003 — H. Lohmann, M. Tomasello. The role of language in the development of false belief understanding: A training study // *Child Development*. 2003. Vol. 74. № 4. P. 1130–1144. DOI: 10.1111/1467-8624.00597.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. *The CHILDES project: tools for analyzing talk*. 3rd edition. Mahwah-New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
- Markova, Smolik 2014 — G. Markova, F. Smolik. What do *you* think? The relationship between person reference and communication about the mind in toddlers // *Social Development*. 2014. Vol. 23. № 1. P. 61–79. DOI: 10.1111/sode.12044.

- Mazzaggio 2016 — G. Mazzaggio. The Theory of Mind's role in pronoun acquisition: The phenomenon of pronoun reversal in typically developing children // *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. University of Illinois at Urbana-Champaign. 2016. P. 55–69. URL: <https://hdl.handle.net/2142/101447> (дара обращения 20.01.2024).
- Meins et al. 2006 — J. Meins, C. Fernyhough, F. Johnson, J. Lidstone. Mind mindedness in children: Individual difference in internal state talk in middle childhood // *British Journal of Developmental Psychology*. 2006. Vol. 24. № 1. P. 181–196. DOI: 10.1348/026151005X80174.
- Milligan et al. 2007 — K. Milligan, J. W. Astington, L. A. Dack. Language and theory of mind: Meta-analysis of relationship between language ability and false belief understanding // *Child Development*. 2007. Vol. 78. P. 622–646. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2007.01018.x.
- Nuyts, Auwera (eds.) 2016 — J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- O'Neill, Shultis 2007 — D. K. O'Neill, R. M. Shultis. The emergence of the ability to track a character's mental perspective in narrative // *Developmental Psychology*. 2007. Vol. 43. № 4. P. 1032–1037. DOI: 10.1037/0012-1649.43.4.1032.
- Pelletier, Astington 2004 — J. Pelletier, J. W. Astington. Action, consciousness and theory of mind: Children's ability to coordinate story characters' actions and thoughts // *Early Education and Development*. 2004. Vol. 15. P. 5–22. DOI: 10.1207/s15566935eed1501_1.
- Siu, Cheung 2022 — C. T.-S. Siu, H. Cheung. A longitudinal reciprocal relation between theory of mind and language // *Cognitive development*. 2022. Vol. 62. P. 1–15. DOI: 10.1016/j.cogdev.2022.101176.
- Symons et al. 2005 — D. K. Symons, C. C. Peterson, V. Slaughter, J. Roche, E. Doyle. Theory of mind and mental state discourse during book reading and storytelling tasks // *British Journal of Developmental Psychology*. 2005. Vol. 23. № 1. P. 81–102. DOI: 10.1348/026151004X21080.
- Tompkins et al. 2019 — V. Tompkins, M. J. Farrar, D. E. Montgomery. Speaking your mind: language and narrative in young children's theory of mind development // *Advances in Child Development and Behavior*. 2019. Vol. 56. P. 109–140. DOI: 10.1016/bs.acdb.2018.11.003.
- Voeikova, Krasnoshchekova 2020 — M. D. Voeikova, S. V. Krasnoshchekova. The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition // N. Gagarina, R. Musan (eds.). *Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. DOI: 10.1515/9781501510151-008.

- Wechsler 2010 — S. Wechsler. What ‘you’ and ‘I’ mean to each other: Person indexicals, self-ascription, and theory of mind // *Language*. 2010. Vol. 86. № 2. P. 332–365. DOI: 10.1353/lan.0.0220.
- Wellman 2014 — H. Wellman. *Making minds: How theory of mind develops*. Oxford: Oxford University Press, 2014. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199334919.001.0001.
- Wellman et al. 2001 — H. M. Wellman, D. Cross, J. Watson. Meta-analysis of theory-of-mind development: The truth about false belief // *Child Development*. 2001. Vol. 72. № 3. P. 655–684. DOI: 10.1111/1467-8624.00304.

References

- Astington, Baird 2005 — J. W. Astington, J. A. Baird. *Why language matters for the theory of mind*. Oxford: Oxford University Press, 2005. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195159912.001.0001.
- Astington, Jenkins 1999 — J. W. Astington, J. M. Jenkins. A longitudinal study of the relation between language and theory-of-mind development. *Developmental Psychology*. 1999. Vol. 35. № 5. P. 1311–1320. DOI: 10.1037/0012-1649.35.5.1311.
- Arutyunova 1999 — N. D. Arutyunova. Predlozhenie i proizvodnyye ot nego znacheniya [Utterance and its derivative meanings] N. D. Arutyunova. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. P. 403–542.
- Baron-Coen et al. (eds.) 2000 — S. Baron-Cohen, M. Lombardo, H. Tager-Flusberg (eds.). *Understanding other minds. Perspectives from developmental social neuroscience*. 3rd edition. Oxford: Oxford University Press, 2000. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199692972.001.0001.
- Bartsch, Wellman 1995 — K. Bartsch, H. K. Wellman. *Children talk about the mind*. Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Bondarko 1984 — A. V. Bondarko. *Funktsionalnaya grammatika* [Functional grammar]. Leningrad: Nauka, 1984.
- Bondarko 1991 — A. V. Bondarko. Semantika litsa [Semantics of personality]. A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Personalnost. Zalogovost* [Theory of functional grammar: Personality. Voice]. Leningrad: Nauka, 1991. P. 5–40.
- Charman, Shmueli-Goetz 1998 — T. Charman, Y. Shmueli-Goetz. The relationship between theory of mind, language and narrative discourse: An experimental study. *Current Psychology of Cognition*. 1998. Vol. 17. № 2. P. 245–271.

- Chiglova 2019 — E. I. Chiglova. *Strategii osvoeniya kategorii litsa v russkom yazyke* [The strategies of person acquisition in Russian]. Unpublished PhD dissertation. Cherepovets: Cherepovets State University, 2019.
- Dobrova 2003 — G. R. Dobrova. *Ontogenez personalnogo deyksisa (lichnyye mestoimeniya i terminy rodstva)* [The acquisition of personal deixis: personal pronouns and kinship terms]. St. Petersburg: Hertsen State University Press, 2003.
- Flavell 2004 — J. H. Flavell. Theory-of-mind-development: Retrospect and prospect. *Merrill-Palmer Quarterly*. 2004. Vol. 50. № 3. P. 274–290. Available at: <http://www.jstor.org/stable/23096166> (accessed on 20.01.2024)
- Gvozdev 1949 — A. N. Gvozdev. *Formirovaniye u rebenka grammaticheskogo stroya russkogo yazyka* [Formation of the grammatical structure of the Russian language in a child]. In 2 parts. Moscow: Academy of Pedagogical Sciences of Russian Soviet Federative Socialist Republic Press, 1949.
- Gvozdev 1990 — A. N. Gvozdev. *Razvitiye slovnogo zapasa v pervyye gody zhizni rebenka* [Vocabulary development in the first years of a child's life]. Kuybyshev: Saratov University Press, 1990.
- Hale, Tager-Flusberg 2003 — C. M. Hale, H. Tager-Flusberg. The influence of language on theory of mind: A training study. *Developmental science*. 2003. Vol. 6. № 3. P. 346–359. DOI: 10.1111/1467-7687.00289.
- Kazakovskaya 2017 — V. V. Kazakovskaya. Yazykovoye i kognitivnoye v usvoenii epistemicheskoy modalnosti [Language and cognitive aspects in the acquisition of epistemic modality]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. XIII. Pt. 3. P. 542–575.
- Kazakovskaya 2020 — V. Kazakovskaya. Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents. *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions*. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05.
- Kazakovskaya 2021a — V. Kazakovskaya. Epistemic modality in Russian child language. U. Stephany, A. Aksu-Koç (eds.). *Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective*. [SOLA [Studies of Language Acquisition] 54]. Berlin; Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012.
- Kazakovskaya 2021b — V. Kazakovskaya. Feedback in verb acquisition: Evidence from Russian ‘adult — child’ interaction. V. Warditz (ed.). *Russian Grammar: System — Usus — Variation / Russkaya grammatika: Sistema — uzus — varyirovaniye*. [Linguistica Philologica, 1]. Berlin: Peter Lang Verlag, 2021. P. 245–270. DOI: 10.3726/b19724.
- Kazakovskaya 2022 — V. V. Kazakovskaya. Sredstva subyektivatsii v tekstakh detey 11–12 let: *Ya i Drugoy* [Means of subjectivation in texts by 11–12 years old

- children: Myself and the Other]. M. L. Kisilier (ed.). *Verus convictor, verus academicus. K 70-letiyu Nikolaya Nikolaevicha Kazanskogo* [To the 70th anniversary of Nikolay Nikolaevich Kazansky]. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS Press, 2022. P. 312–320.
- Kazakovskaya 2024 — V. V. Kazakovskaya. Lichnyye mestoimeniya i ikh propusk (*pro-drop*) na rannikh etapakh usvoeniya russkogo yazyka [Personal pronouns and pro-drop in the early stages of language acquisition]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2024. № 2 (40). P. 133–149.
- Kazakovskaya, Gavrilova 2021 — V. V. Kazakovskaya, M. V. Gavrilova. «Moye mnenie, chto ...»: subyektivnoye nachalo v pismennom diskurse shkolnikov [“My opinion is that...”: the subjective introduction in school students’ written discourse]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2021. № 82 (6). P. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43.
- Kazakovskaya, Onipenko 2020 — V. V. Kazakovskaya, N. K. Onipenko. Grammatika tochki zreniya: vvodno-modalnyye slova v rechi vzroslykh i detey [Grammar of the speaker’s point of view: parenthetical modal words in the speech of adults and children]. V. V. Kazakovskaya, M. D. Voelikova (eds.). *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticheskikh kategoriy* [Problems of functional grammar: Attitude towards the speaker in the semantics of grammatical categories]. Moscow: YaSK, 2020. P. 246–288.
- Kazakovskaya et al. 2018 — V. Kazakovskaya, R. Argus, S. Uziel-Karl. The Early Expression of (Un)certainly in Typologically Different Languages: Evidence from Russian, Estonian and Hebrew. *Philologia Estonica. On Language and Culture*. 2018. Vol. 3. P. 93–130. DOI: 10.22601/PET.2018.03.04.
- Kolosova, Cheremisina 1986 — T. A. Kolosova, M. I. Cheremisina. O terminakh i ponyatiyakh opisaniya semantiki sintaksicheskikh edinit [On the terms and concepts for describing the semantics of syntactic items]. L. G. Panin, M. I. Cheremisina (eds.). *Sintaksicheskaya i leksicheskaya semantika (na materiale yazykov raznykh sistem)* [Syntax and lexical semantics (based on the languages of different systems)]. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 10–32.
- Krasnoshchekova 2016 — S. V. Krasnoshchekova. *Mestoimennyy deyxsis v russkoy detskoj rechi* [Pronominal deixis in Russian children’s speech]. Unpublished PhD dissertation. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2016.
- Lekant 2002 — P. A. Lekant. Struktura sintaksicheskoy kategorii litsa [The structure of the syntactic category of person]. P. A. Lekant. *Ocherki po grammatike russkogo yazyka* [Essays on Russian grammar]. Moscow: Moscow State Regional University Press, 2002. P. 133–138.

- Lepskaya 1997 — N. I. Lepskaya. *Yazyk rebenka (Ontogenez rechevoy kommunikatsii)* [Child language (The ontogenesis of verbal communication)]. M.: Moscow State University Press, 1997.
- Logicheskiy analiz yazyka 2003 — N. D. Arutyunova (ed.). *Logicheskiy analiz yazyka. Izbrannoye* [Logical analysis of language. Favorites]. 1988–1995. Moscow: Indrik, 2003.
- Lohmann, Tomasello 2003 — H. Lohmann, M. Tomasello. The role of language in the development of false belief understanding: A training study. *Child Development*. 2003. Vol. 74. № 4. P. 1130–1144. DOI: 10.1111/1467-8624.00597.
- MacWhinney 2000 — B. MacWhinney. *The CHILDES project: tools for analyzing talk*. 3rd edition. Mahwah-New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.
- Markova, Smolik 2014 — G. Markova, F. Smolik. What do you think? The relationship between person reference and communication about the mind in toddlers. *Social Development*. 2014. Vol. 23. № 1. P. 61–79. DOI: 10.1111/sode.12044.
- Mazzaggio 2016 — G. Mazzaggio. The Theory of Mind's role in pronoun acquisition: The phenomenon of pronoun reversal in typically developing children. *Studies in the Linguistic Sciences: Illinois Working Papers*. University of Illinois at Urbana-Champaign. 2016. P. 55–69. Available at: <https://hdl.handle.net/2142/101447> (accessed on 20.01.2024).
- Meins et al. 2006 — J. Meins, C. Fernyhough, F. Johnson, J. Lidstone. Mind mindedness in children: Individual difference in internal state talk in middle childhood. *British Journal of Developmental Psychology*. 2006. Vol. 24. № 1. P. 181–196.
- Milligan et al. 2007 — K. Milligan, J. W. Astington, L. A. Dack. Language and theory of mind: Meta-analysis of relationship between language ability and false belief understanding. *Child Development*. 2007. Vol. 78. P. 622–646. DOI: 10.1111/j.1467-8624.2007.01018.x.
- Nuyts, Auwera (eds.) 2016 — J. Nuyts, J. van der Auwera (eds.). *The Oxford handbook of modality and mood*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- O'Neill, Shultis 2007 — D. K. O'Neill, R. M. Shultis. The emergence of the ability to track a character's mental perspective in narrative. *Developmental Psychology*. 2007. Vol. 43. № 4. P. 1032–1037. DOI: 10.1037/0012-1649.43.4.1032.
- Paducheva 2019 — E. V. Paducheva. *Egotsentricheskiye elementy yazyka* [Egocentric elements of language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2019.
- Pelletier, Astington 2004 — J. Pelletier, J. W. Astington. Action, consciousness and theory of mind: Children's ability to coordinate story characters' actions and thoughts. *Early Education and Development*. 2004. Vol. 15. P. 5–22. DOI: 10.1207/s15566935eed1501_1.
- Russkaya grammatika 1980 — N. Y. Shvedova (ed.). *Russkaya grammatika*. T. II [Russian Grammar. Vol. II]. Moscow: Nauka, 1980.

- Sergienko et al. 2009 — E. A. Sergienko, E. I. Lebedeva, O. A. Prusakova. *Model psikhicheskogo kak osnova stanovleniya ponimaniya sebya i drugogo v ontogeneze cheloveka* [Theory of mind as a fundament of understanding self and the other in the course of human development]. Moscow: Institute of Psychology RAS Press, 2009.
- Sergienko et al. 2020 — E. A. Sergienko, A. Yu. Ulanova, E. I. Lebedeva. *Model psikhicheskogo: Struktura i dinamika* [Theory of mind: Structure and dynamics]. Moscow: Institute of Psychology RAS Press, 2020.
- Siu, Cheung 2022 — C. T.-S. Siu, H. Cheung. A longitudinal reciprocal relation between theory of mind and language. *Cognitive development*. 2022. Vol. 62. P. 1–15. DOI: 10.1016/j.cogdev.2022.101176.
- Symons et al. 2005 — D. K. Symons, C. C. Peterson, V. Slaughter, J. Roche, E. Doyle. Theory of mind and mental state discourse during book reading and storytelling tasks. *British Journal of Developmental Psychology*. 2005. Vol. 23. № 1. P. 81–102. DOI: 10.1348/026151004X21080.
- TFG 1990 — A. V. Bondarko (ed.). *Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Temporalnost. Modalnost* [Theory of functional grammar: Temporality. Modality]. Leningrad: Nauka, 1990.
- Tompkins et al. 2019 — V. Tompkins, M. J. Farrar, D. E. Montgomery. Speaking your mind: language and narrative in young children’s theory of mind development. *Advances in Child Development and Behavior*. 2019. Vol. 56. P. 109–140. DOI: 10.1016/bs.acdb.2018.11.003.
- Ulanova 2020 — A. Yu. Ulanova. Kharakteristiki narrativov detey s raznym urovnem ponimaniya psikhicheskikh sostoyaniy [Narratives of children with different levels of understanding of mental states]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*. 2020. Vol. 17. № 4. P. 779–790. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-4-779-790.
- Voeikova 2021 — M. D. Voeikova. Lichnye mestoimeniya v potoke rechi i ikh vklad v stanovleniye yazykovoy sistemy [Personal pronouns in the stream of speech and their role in the development of the language system]. M. A. Elivanova, S. V. Krasnoshchekova, V. A. Levchenko (eds.). *Problemy ontolingvistiki — 2021: yazykovaya sistema rebenka v situatsii odno- i mnogoyazychiya. Materialy ezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Problems of ontolinguistics — 2021: the language system of a child of monolingual and multilingual settings. Proceedings of the annual international scientific conference]. St. Petersburg: VVM, 2021. P. 23–32.
- Voeikova, Krasnoshchekova 2020 — M. D. Voeikova, S. V. Krasnoshchekova. The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition. N. Gagarina, R. Musan (eds.). *Referential and Relational Discourse Coherence*

- in Adults and Children*. Boston; Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. P. 171–206. DOI: 10.1515/9781501510151-008.
- Wechsler 2010 — S. Wechsler. What ‘you’ and ‘I’ mean to each other: Person indexicals, self-ascription, and theory of mind. *Language*. 2010. Vol. 86. № 2. P. 332–365. DOI: 10.1353/lan.0.0220.
- Wellman 2014 — H. Wellman. *Making minds: How theory of mind develops*. Oxford: Oxford University Press, 2014. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199334919.001.0001.
- Wellman et al. 2001 — H. M. Wellman, D. Cross, J. Watson. Meta-analysis of theory-of-mind development: The truth about false belief. *Child Development*. 2001. Vol. 72. № 3. P. 655–684. DOI: 10.1111/1467-8624.00304.

Получено / received 24.01.2024

Принято / accepted 11.03.2024

Экспрессивные этнонимы в русском языке: систематизация и оценка

М. А. Кронгауз

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); mkronhaus@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2956-0565

А. А. Сомин

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
somin@tut.by; ORCID: 0000-0002-5793-8644

Аннотация. Задача исследования — систематизировать, оценить по степени грубости и другим стилистическим характеристикам около тридцати русских этнонимов экспрессивного и негативного характера, а также установить корреляции между социальными характеристиками носителей языка и оценкой слов, включая их владение. Для решения задачи были опрошены 200 респондентов. В результате установлены определенные корреляции между пониманием и оценкой этнонимов и возрастом и гендером респондентов, а также описано явление «негативного сдвига» у некоторых нейтральных этнонимов.

Ключевые слова: экспрессивный этноним, этнофоллизм, пейоратив, опрос, количественные методы, оценка грубости, стилистическая помета, негативный сдвиг.

Благодарности. В работе М. А. Кронгауза (разработка опроса; интерпретация результатов (*Разделы 4.4–4.5*)) использованы результаты проекта «Речевые практики российского общества», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2024 году. Работа А. А. Сомина (проведение опроса и обработка ответов, интерпретация результатов (*Разделы 4.1–4.3*)) выполнена при поддержке гранта РНФ 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и в русской культуре».

Expressive ethnonyms in Russian: Systematization and evaluation

Maxim A. Krongauz

HSE University (Moscow, Russia); mkronhaus@yandex.ru;
ORCID: 0000-0003-2956-0565

Anton A. Somin

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); somin@tut.by;
ORCID: 0000-0002-5793-8644

Abstract. The article aims to systematize and evaluate thirty Russian ethnonyms, mostly of expressive and/or negative nature (ethnic slurs), according to several criteria, the most universal of which is the assessment of the degree of offensiveness (rudeness). Another task was to establish a correlation between the age and gender of the Russian respondents vs. their knowledge of the word and its evaluation. Additional criteria also included stylistic labels like ‘ironic’, ‘inappropriately intimate’, ‘bookish’, or ‘outdated’. Apart from describing and systematizing specific ethnonyms, the study was also to verify the respective procedures proposed and qualify the results obtained as reliable/ interpretable. For this purpose, a survey of 200 respondents was undertaken to obtain qualitative and quantitative data on a range of ethnonyms. The main idea was to evaluate the selected ethnonyms along the ‘rudeness’ scale by obtaining native speakers’ opinion on the proposed lexemes. Our interpretation of the survey results made it possible to clarify the meanings of a number of ethnic group labels (*khachi*, *churki* ‘entrants from the Caucasus and/or Central Asia regions’, *chernyye* ‘blacks’, etc.) and establish that some fluctuations along the rudeness score depend on the specific meaning intended in each individual case. In some cases, the study established a correlation between the assessment along a rudeness scale and the age of the respondent (as, for example, for the word *negry* ‘negro, black ethnicity’). An age-related correlation between respondent’s knowing a word and understanding its actual meaning was found as, for example, for the word *chukhontsy* ‘Finns’. Expressive (inappropriately intimate, etc.) ethnonyms with a low rating of offensiveness were also found, as for example, *dagi*—referring to people from Dagestan. Also found was a significant deviation from the minimum rudeness score for regular ethnonyms normally considered neutral as, for example, for the word *tadzhiki* ‘Tajiks’ that can be described as demonstrating a “negative shift”.

Keywords: ethnophaulism, ethnic slur, survey, ethnonym, pejorative, quantitative methods, assessment of rudeness, stylistic label, negative shift.

Acknowledgments. The results of the project “Discourse Practices across Professional, Cultural, and Social Groups”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2024, are presented in the work of M. A. Krongauz (survey design; interpretation of the results (Sections 4.4–4.5)). The work of A. A. Somin (conducting the survey and processing the responses; interpretation of the results (Sections 4.1–4.3)) was supported by the Russian Science Foundation grant 19-78-10081 “Political correctness in the Russian language and in Russian culture”.

1. Введение

Изучение негативно окрашенных этнонимов — вполне традиционная лингвистическая задача. Существуют несколько терминов для их обозначения. Прежде всего, это *этнофолизм* (*ethnophaulism*), термин, введенный в 1944 году в [Roback 1944]. Он используется и в англоязычных [Palmore 1962], и в последнее время в русскоязычных исследованиях [Мокшин 1991; Довгопольный 2006]. В английском также говорят о *derogatory ethnic label* [Greenberg et al. 1988] и *ethnic slur* [Spears 2001], а в русскоязычной научной литературе упоминаются *прозвищные этнонимы* [Березович, Гулик 2002] или *экспрессивные этнонимы* [Грищенко, Николина 2006; Грищенко 2007]. Понятие экспрессивного этнонима шире, чем этнофолизм. Вот как его определяет А. И. Грищенко:

«Под экспрессивными этнонимами (далее — ЭЭ) мы понимаем номинативные единицы с семой ‘народ’ или ‘представитель народа’, маркированные как эмоционально-оценочные (при наличии нейтральных литературных синонимов) с широким диапазоном оценки: от возвышенно-поэтической (*россы* ‘русские’, *Huns* ‘немцы’) до уничижительной (*чурка* ‘выходец из Средней Азии’¹, *kike* ‘еврей’)» [Грищенко 2007: 40].

---

¹ В настоящей цитате используется топоним *Средняя Азия*. В дальнейшем тексте мы также будем использовать этот топоним и этноним *среднеазиаты*,

Экспрессивные этнонимы включают в себя этнофолизмы, которые также можно называть этническими пейоративами. Проблема, которая практически не рассматривалась в лингвистических работах, состоит в том, каким способом можно квалифицировать этноним как экспрессивный, а тот, в свою очередь, как пейоративный. По-видимому, предполагается, что это очевидно, но в этой статье мы покажем, что это не всегда так.

Обсуждение национальностей и рас, безусловно, относится к тематике, которую в последнее время принято называть чувствительной. Из этого, в частности, вытекает, что исследование в этой области, особенно исследование пейоративов, неизбежно будет иметь не только лингвистическое, но и общественное звучание. Более того, сам выбор этой темы требует оправдания. Зачем изучать язык вражды (а этнические пейоративы относятся к нему)? Не правильнее ли запретить все эти слова и вовсе не касаться этой темы? Такой политкорректный подход кажется несколько наивным, ведь в действительности просто запретить эти слова не удастся, более того, запрет одних слов часто влечет появление других, иногда более оскорбительных, поскольку в них есть коммуникативная потребность. Именно поэтому оценка экспрессивных этнонимов крайне важна и в теоретическом, и в практическом смысле. Очевидно, что бороться надо с пейоративами, а не со всеми экспрессивными этнонимами. Квалификация и оценка этнонимов важна и для решения практических задач: решения судебных споров об оскорблении и разжигании ненависти по национальному и расовому признаку, модерации коммуникативных площадок, вынесения штрафных санкций в интернете (например, банов) и т. д.

Несмотря на очевидную ценность подобных исследований, в силу чувствительности темы их должен предварять дисклеймер, который и мы предлагаем читателю:

поскольку именно эти термины значительно чаще встречаются и в лингвистической литературе, и у респондентов проведенного нами опроса — хотя более современным и корректным следует считать вариант *Центральная Азия* и пока достаточно редкий вариант *центральноазиаты*. Это сделано для того, чтобы не создавать разнобоя в тексте статьи.

В работе будет упоминаться грубая лексика. Обсуждаемые лексемы приводятся исключительно в научных целях; авторы работы категорически против употребления подобных лексем в речи.

Надо сказать, что существует как некоторое количество полулюбительских списков русскоязычных этнических пейоративов (например, статья «Национальные прозвища» в интернет-энциклопедии «Традиция» [Национальные прозвища], а также List of ethnic slurs в английской «Википедии», который существует еще на шести языках [List]), так и огромное множество научных и околонаучных статей, так или иначе затрагивающих их (кроме упомянутых выше это, например, [Данилко 2020: 18–19; Петкова-Калева 2017: 143–148; Романин 2017: 36–42; Радченко, Архипова 2018] и другие). Однако нам неизвестно ни одно исследование, которое бы комплексно описывало большое количество пейоративов, их особенности употребления, этимологию, коннотации, степень грубости и другие характеристики; не существует и полноценных словарей и баз данных. Исходя из того, что квалификация этнонима не всегда очевидна, мы будем использовать термин *этноним* как общевидовой для остальных: экспрессивный этноним, этнофолизм и т. д.

2. Цель и задачи исследования

Цель исследования состоит в том, чтобы провести систематизацию ряда этнонимов по нескольким критериям, наиболее универсальным из которых является оценка оскорбительности (грубости)², а также установить корреляции между социальными характеристиками, с одной стороны, — в первую очередь, конечно, возрастом — и владением словом, пониманием и оценкой, с другой. Поскольку восприятие этнонима не сводится исключительно к оценке

---

² Хотя в принципе можно было бы и различать эти характеристики, в настоящей статье они используются как синонимы.

оскорбительности, были предложены дополнительные критерии: ироничное, фамильярное, книжное и устаревшее. Важно также отметить, что задача заключалась не только в описании и систематизации конкретных этнонимов, но и в проверке предложенных для этого процедур и квалификации полученных с их помощью результатов как достоверных и интерпретируемых.

Для обеспечения этих целей были сформулированы конкретные задачи:

- уточнить значения ряда слов, соотносимых с разными этническими группами, и возможные колебания оценки грубости в зависимости от значения;
- установить для отдельных этнонимов корреляцию оценки с возрастом респондентов;
- установить для отдельных этнонимов корреляцию владения и понимания слова с возрастом респондентов;
- установить наличие экспрессивных (фамильярных и т. п.) этнонимов с низкой оценкой оскорбительности;
- установить наличие значимого отклонения от минимальной оценки (1) для считающихся нейтральными этнонимов³.

3. Содержание опроса и методика его проведения

Для решения поставленных задач был проведен опрос, направленный на получение качественных и количественных данных о ряде этнонимов⁴. Основной его целью была оценка предложенных этнонимов по шкале грубости и получение рефлексии носителей языка о тех или

---

³ Тут мы фактически расходимся с определением А. И. Грищенко, поскольку считаем, что и нейтральный литературный этноним может оцениваться как экспрессивный.

⁴ В нескольких случаях, отмеченных в работе, для получения дополнительной и более подробной информации об употреблении ряда этнонимов также

инных лексемах. Для создания более сбалансированной выборки респондентов ссылка на опрос распространялась не только в социальных сетях авторов опроса, но также через развлекательный портал *rikabu.ru*, которым пользуются люди разных возрастов и социальных кругов.

Здесь следует оговориться, что мы понимаем ограничения выборочного метода исследования. При проведении онлайн-опроса неизбежна некоторая случайность выборки: мы не можем контролировать возраст и пол участников; среди наших респондентов, с большой вероятностью, нет носителей ультраправой идеологии, для которых более вероятно употребление интересующих нас лексем. Кроме того, люди не всегда могут адекватно оценить собственное словоупотребление (в частности, в вопросе о том, используют ли они ту или иную лексему). Нельзя исключать и сознательный обман, в том числе и в анкетных данных. Однако нам кажется разумным принять презумпцию об искренности респондентов и говорить о реальности, исходя из предоставленных данных⁵.

Одной из сложностей при проведении опроса стало объяснение его сути и задач респондентам, а также стремление избежать обвинений в разжигании национальной и расовой ненависти: чувствительность темы исследования вызвала ряд вопросов и дискуссий в комментариях, а также некоторое количество негативных реакций, о которых будет сказано ниже.

В опросной форме опрашиваемым сообщалось следующее:

«Огромное количество конфликтов (в интернете и не только) связаны с этнической тематикой и так называемым „языком вражды“. Нам — лингвистам — важно понять, как носители русского языка оценивают степень грубости тех или иных слов, называющих представителей различных этнических

применялся корпусной анализ (на материале социальных сетей) и глубинные интервью.

⁵ Несколько заведомо шуточных ответов было исключено, например, ответ респондента, который сообщает, что слово *чурки* употребляется по отношению к чуркам, *жиды* — «к обладающим соответствующей жилкой, и образом жизни», *азиаты* — «да ко всем» и т. п.

групп. Это нужно не только для теоретического исследования, но и для решения различных практических проблем.

В опросе, который мы просим вас пройти, будет представлено 30 достаточно грубых слов. Пожалуйста, не проходите его, если для вас неприемлемы бранные слова. Но мы будем очень признательны за ваше участие!

В зависимости от подробности ваших ответов, заполнение опроса займет от 15 до 30 минут».

После ознакомления с вышеприведенным фрагментом респондент должен был подтвердить, что ему/ей больше 18 лет и что он/она готов(а) оценивать достаточно грубые слова.

В самом опросе участником предлагалось последовательно оценить 30 слов, ознакомившись вначале с их полным списком. Для анализа были предложены следующие лексемы:

итальянцы, итальяшки, черножопые, джамшуты, негритосы, бульбашки, лягушатники, узкоглазые, америкосы, чурки, китаезы, белые, хачики, негры, макаронники, чухонцы, янки, таджики, даги, англосаксы, черные, евреи, хачи, армяшки, нигеры, пиндосы, жида, азиаты, фрицы, азеры.

Для каждой из лексем требовалось ответить на следующие вопросы:

«1. Знакомы ли вы со словом X? [варианты ответов: а) знаком(а), употребляю; б) знаком(а), но не употребляю; в) кажется, попадалось; г) впервые вижу]

2. По отношению к кому используется это слово? Если вы его видите в первый раз, поставьте прочерк или попробуйте предположить.

3. Оцените это слово по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно нейтральное, 5 — максимально оскорбительное. Если вы его видите в первый раз, можете указать любое число⁶.

---

⁶ При количественных исследованиях для каждого этнонима учитывались оценки только тех респондентов, кто выбрал вариант «знаю» или «кажется, встречалось».

4. Если в списке ниже есть характеристики, которые, на ваш взгляд, описывают употребление этого слова, отметьте их (одну или несколько): а) ироничное, б) фамильярное (разговорное, но не оскорбительное); в) книжное (не используется в разговорной речи); г) устаревшее.

5. Если вы можете сказать что-то дополнительное об употреблении этого слова, напишите это здесь».

Следует сказать несколько слов о принципах составления списка, входящих в него лексемах и лексических группах и о порядке лексем, предлагаемых для оценки.

Количество лексем было обусловлено представлением о том, для какого количества стимулов респонденты смогут дать характеристики, и желанием протестировать как можно больше единиц. Итоговый тридцатиэлементный список был получен после сокращения исходного, включавшего в себя на несколько десятков слов больше.

Среди принципов отметим следующие. Опираясь на собственную интуицию, исследователи предложили разнообразные по оценке и стилистике слова, в идеале охватывающие все пять оценок и все четыре характеристики (пометы). В основном (за очень небольшим исключением) слова списка относятся к общеизвестным и понятным. Более того, мы включили в список слова, находящиеся в центре общественных дискуссий, в частности, активно обсуждаемые в социальных сетях⁷. В списке присутствуют не только пейоративы и экспрессивные этнонимы, но и нейтральные: во-первых, для установления нейтральной точки отсчета (оценка 1), во-вторых, для уточнения самого понятия нейтральности.

Таким образом, получились следующие группы слов:

— первые три слова — *итальянцы, итальяшки, черножопые* предлагались для «калибровки» и сведения к общему

---

⁷ Исключение было сделано для украинских и русских этнонимов, обсуждать которые мы сознательно отказались по этическим соображениям, а также потому, что социополитическая обстановка 2022 года могла бы привести к искажению оценки их грубости.

- знаменательно оценок респондентов: по нашему предположению, *итальянцы* и *черножопые* должны были занять противоположные концы шкалы грубости, а *итальяшки* выполняло сразу три функции: должно было оказаться примерно в середине шкалы грубости, заставить задуматься о дополнительных пометах, а также продемонстрировать, что для одного и того же народа может быть предложено несколько наименований. Авторский замысел оправдался, хотя этноним *итальянцы* несколько озадачил часть респондентов, которые пытались найти в нем неочевидную пейоративность. Этноним *итальяшки* действительно получил наибольшее количество помет «фамильярное» среди всех слов в опросе — 56 %, и оказался на третьем месте по количеству помет «ироничное» — 60 %, уступив только *макаронникам* и *лягушатникам*. Отметим, что в качестве нейтральной можно было бы выбрать и другую лексему — например, *американцы*;
- для ряда народов были предложены сразу несколько этнонимов (два и более), которые, согласно исходной гипотезе, могли быть оценены по-разному, несмотря на одинаковый денотат (как, например, *хачи* и *хачики*). При этом соответствующие слова были специально расположены на некотором расстоянии друг от друга для того, чтобы снизить их взаимовлияние. Получились следующие группы:
    - *америкосы, пиндосы, янки*;
    - *негры, негритосы, ниггеры, черные*;
    - *черножопые, черные, хачи, хачики, чурки, таджики, джамшуты*;
    - *евреи, жидаы*;
    - *азиаты, китаезы, узкоглазые*;
    - *итальянцы, итальяшки, макаронники*.

Отметим, что слово *черные* неоднозначно, поэтому его можно отнести сразу к двум группам. Одной из наиболее интересных для нас была третья группа, так как в нее вошли, пожалуй, наиболее известные и распространенные в современной русскоязычной

коммуникации — за исключением *джамшуттов* — этнические пейоративы;

- некоторые слова были нужны для проверки гипотезы о том, что в зависимости от возраста может меняться оценка их приемлемости в коммуникации: это *евреи* и *негры*, а также *белые* — для параллельности с *неграми*;
- к предыдущей группе близки лексемы, формально являющиеся нейтральными, но, по наблюдениям, использующиеся в пейоративном значении или близком к нему: это слова *таджики*, которое нередко употребляется в уничижительном обобщающем значении; *англосаксы*, которое, особенно в последнее время, регулярно употребляется в высказываниях людей, критически настроенных по отношению к американцам и британцам; и *негритосы*, которое в словарях описывается как ‘название нескольких низкорослых негроидных этнических групп Юго-Восточной Азии’ [Кузнецов 2000]), но в современном дискурсе является стилистически маркированным (пейоративным или фамильярным) вариантом для *негров*;
- ряд слов был включен для проверки гипотезы об иной, не слабо пейоративной, маркированности: это *даги*, *азеры* и, как уже было сказано, *негритосы*;
- для ряда слов была интересна их распространенность и корреляция известности с возрастом носителей: таковы слова *бульбаши* ‘белорусы’ (больше известно среди старших?), *фрицы* ‘немцы’ (больше известно среди старших?), *джамшуты* ‘жители Средней Азии’ (больше известно среди младших?), *чухонцы* ‘финно-угры’ (больше известно среди старших?);
- для ряда слов была интересна их стилистическая оценка: верно ли, что *лягушатники* и *макаронники* ощущаются скорее как книжные лексемы, не употребляемые в современном дискурсе; верно ли, что *фрицы* и *янки* ощущаются как устаревшие; верно ли, что *чухонцы* и *бульбаши* будут известны малому числу носителей и, соответственно, их можно считать уходящими словами (с поправкой на то, что *чухонцы* употреблялись

еще в XIX веке, а *бульбаши* появились около 40 лет назад и едва ли были широко известны и тогда).

Из прочих интересовавших нас пейоративов в список не попало слово *узбеки*, хотя его было бы интересно сравнить с *таджиками*: было принято решение, что пейоративное значение *таджиков* более распространено, чем у *узбеков*. Не вошло в итоговый список и слово *хачьё*: вероятнее всего, суффикс собирательности *-j-* наряду с корнем вносит свой собственный отдельный вклад в общую негативную прагматику лексемы, что делает не вполне корректным сравнение этого слова с обычными формами множественного числа (ср. тенденцию к употреблению этого суффикса либо с негативными корнями — *хамье*, *дурачье*, либо с нейтральными корнями, но с итоговым закреплением негативных коннотаций у лексемы: *старики*, но *старичье*, *мужики*, но *мужицье*). Предметом для спора среди составителей опроса стали лексемы *узкоглазые* и *косоглазые*, из которых была оставлена первая как более частотная в социальных медиа. Наконец, в список не попали пейоративы *понаехи* (не обозначают конкретный этнос), *немчура* (непонятно, это обозначение одного немца или собирательное), *черти* ('кавказцы'; без контекста не воспринимается как этнофолизм), *мамбеты* ('казахи из сельской местности; шире — необразованные представители коренных народов'; чересчур малоизвестное) и около двух десятков других, исключенных на этап ранее как менее интересующие исследователей.

За исключением первых трех слов, необходимых для «калибровки», остальные 27 были отсортированы случайным образом, после чего их порядок был незначительно изменен вручную для исключения ситуаций, когда рядом оказывались названия одного и того же этноса, слова одинаковой стилистической окраски и прочие схожие по какому-либо параметру лексемы.

Информация о респонденте включала пол, возраст, национальную принадлежность, город или регион, в котором он(а) прожил(а) большую часть жизни, город или регион актуального проживания, а также отметку о желании принять участие в продолжении исследования и, при желании, способ связи. В отдельной графе желающие могли расказать что-либо еще или поделиться своим мнением насчет опроса.

4. Результаты опроса

Количество респондентов, прошедших опрос, составило 200 человек (из них несколько ответов явно шуточные и были исключены из дальнейшего рассмотрения). Средний возраст опрошенных — 30,6 лет; медиана — 29,5; младшему — 15 лет (несмотря на требование проходить опрос только совершеннолетним), старшему — 61 год. Гендерное распределение — 64 % женщин и 35 % мужчин. Свою национальную принадлежность указали 90 % опрошенных, из них почти три четверти определили себя как *русского (-ую)* или определили свою этничность как смешанную русско-иную (например, *русский / еврей / поляк; русский, по матери немец* и т. п.). Незначительное количество представителей иных национальностей, к тому же существующих в русскоязычном информационном пространстве, как нам кажется, позволяет — для единообразия подсчетов — учитывать их ответы наряду с ответами людей, идентифицирующих себя как русские. Так, например, хотя очевидно, что лексему *бульбаши* случайно взятый белорус будет знать с гораздо большей вероятностью, чем случайно взятый россиянин, незначительное количество белорусов, принявших участие в опросе, существенно повлияли на процент известности этой лексики: 64 % без учета белорусов и 68 % с учетом. Другой показательный пример: средняя оценка грубости лексики *жиды* у семи респондентов, определивших себя как евреи, оказалась 4,27, тогда как общая — 4,28.

Ответы принимались с 24 по 28 июня 2022 года.

4.1. Отношение к опросу

Отдельный интерес представляет отношение респондентов к опросу, которое нашло выражение в комментариях. Так, несколько человек не сочли такое исследование научным, а лексику — заслуживающей внимания лингвистов:

- (1) *Знаете, я и сам своего рода лингвист⁸*
 (2) *Вопрос: ЗАЧЕМ?! Для коллекции? Тогда, сударь, Вам нужно лечиться!*

Конечно, в любой стране существуют оскорбительные эпитеты для людей других национальностей. И не только национальностей, но и расовой, религиозной и т. д. принадлежности. И используют их люди, в основном, не обремененные нравственностью и интеллектом.

Один из комментариев:

- (3) *С расконсервацией*

подразумевает, что его автор заподозрил нас в том, что пост с просьбой пройти опрос создан ботом — так называемой «консервой» (заранее созданным аккаунтом, который в силу того, что не является новозарегистрированным, производит впечатление аккаунта настоящего пользователя, а в нужный момент начинает публиковать политически ангажированные посты). Сюда же можно отнести и следующий шуточный комментарий:

- (4) *ЦИПСО⁹ собирает «боеприпасы» для информационной войны в чатиках?))*

Значительная часть комментариев, однако, была связана не с самой тематикой исследования, а с большим объемом и продолжительностью опроса, а также отсутствием тех или иных лексем в нем (в первую очередь, слова *хохлы*). Ср. также общую критику:

- (5) *Большая часть лексикона устарела и осталась в нулевых, начале десятых. Так уже не говорят и употребление подобного рода лексикона в обществе считается моветоном. Интересное исследование!*

---

⁸ В комментариях и ответах респондентов сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁹ ЦИПСО — Центр информационно-психологических операций, подразделения украинских сил специальных операций, специализирующееся на информационной войне и психологическом давлении на противника.

Вместе с тем непосредственно в опросе в зоне для свободных комментариев некоторые участники оставляли и поддерживающие записи, в которых упоминалась значимость исследования:

- (6) *Считаю ваше исследование важным и интересным, так как в языке не хватает политкорректности именно в этой области, которая задевает самые уязвимые чувства людей — национальное самосознание и уважение к собственной нации.*
- (7) *Интересный опрос. Заставил задуматься, какие слова употребляю, какие нет и какие в них оттенки смысла. Удачи в исследованиях! :)*

4.2. Знание и употребление этнонимов

Знание и употребление лексем определялось ответами на первый вопрос: *Знакомы ли вы со словом X?* Два ответа «впервые вижу» и «скорее попалось», по существу, маркируют незнание, хотя и различные его степени.

Таблица 1. «Впервые вижу» (первые 10 результатов)

Table 1. “I see it for the first time” (first 10 results)

№	Кол-во	Лексема
1	47	<i>чухонцы</i>
2	38	<i>бульбаши</i>
3	36	<i>даги</i>
4	24	<i>джамишуты</i>
5	18	<i>азеры</i>
6	17	<i>армяшки</i>
7	12	<i>макаронники</i>
8	8	<i>лягушатники</i>
9	7	<i>белые</i>
10	7	<i>хачики</i>

Таблица 2. «Кажется, попадалось» (первые 10 результатов)

Table 2. “I think I’ve come across it” (first 10 results)

№	Кол-во	Лексема
1	52	<i>чухонцы</i>
2	31	<i>джамшуты</i>
3	26	<i>бульбаши</i>
4	20	<i>армяшки</i>
5	14	<i>даги</i>
6	14	<i>янки</i>
7	12	<i>макаронники</i>
8	12	<i>фрицы</i>
9	11	<i>англосаксы</i>
10	10	<i>лягушатники</i>

Как изначально и предполагалось, наименее известными оказались лексемы *чухонцы* (47 ответивших «впервые вижу» и 52 «кажется, попадалось»), *бульбаши* (38 и 26) и *джамшуты* (24 и 31), менее ожидаемо к ним близки *даги* (36 и 14).

Можно отметить и существование корреляции знания / незнания с возрастом. Так, для *чухонцев* картина выглядит ожидаемо: средний возраст тех, кто впервые видит это слово, равен 24,9, тех, кому оно «кажется, попадалось» — 28,8, а возраст тех, кому это слово известно, — 34,3.

Интересна статистика для этнонима *джамшуты*, появившегося в связи с выходом на экраны с 2006 по 2011 телепроекта «Наша Russia», среди героев которого были гастарбайтеры из Средней Азии Равшан и Джамшут. *Джамшут*¹⁰ довольно быстро прошел путь до имени нарицательного:

¹⁰ Как для имени собственного, так и для нарицательного существуют варианты: *Джумшут*, *Джамшуд* и *Джумшуд*.

- (8) *А еще ниже находятся спецподвалы, в которых специально обученные **Джамшуты** под тщательным присмотром разводят данных, гуппей и дисков.* [Аквамагазины Воронежа (2008)]¹¹
- (9) *Но компании грузоперевозчики обзавелись множеством **джамшутов** на раздолбанных газелях, и по понятным всем причинам не дают ему достаточно заказов чтобы зарабатывать на жизнь, в без того не простой ситуации.* [vk (25.11.2015)]

Распределение у этнонима *джамшуты* оказалось схожим с *чухонцами*: 26,6 («впервые вижу») и 28,5 («кажется, попадалось») против 31,8 («знаком(а)»), но объясняется, по-видимому, другим образом: оно входит в язык молодых людей после 2006 года, но уже во второй половине 2010-х устаревает.

Полные результаты для шести наименее известных лексем выглядят следующим образом:

Таблица 3. Соотношение возраста и знания лексем

Table 3. The correlations between age and knowledge of words

	впервые вижу	кажется, попадалось	<i>среднее для первых двух</i>	знаком(а)
<i>чухонцы</i>	24,9	28,8	26,9	34,3
<i>бульбаши</i>	29,2	29,9	29,6	31,2
<i>джамшуты</i>	26,6	28,5	27,6	31,8
<i>даги</i>	28,0	30,4	29,2	31,3
<i>армяшки</i>	26,5	25,9	26,2	31,7
<i>азеры</i>	23,3	21,9	22,6	31,9

В целом значимое отличие мы видим только для слова *чухонцы*, где разница между видящими впервые и знающими составляет около

¹¹ В примерах без указания источника приводятся цитаты из проведенного опроса. В примерах из социальных сетей указываются название социальной сети и дата публикации. Все остальные примеры получены в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

10 лет, в остальных же случаях мы наблюдаем, что средний возраст знакомых с лексемой примерно одинаков, тогда как не знают ее более молодые люди.

Что же касается употребляемости лексем, то, за исключением нейтральных слов¹², наиболее частотными оказались *черные*, *америкосы* и *пиндосы*.

Таблица 4. Лексемы с ответом «Знаком(а), употребляю»

Table 4. Words with the answer “I know them, I use them”

№	Кол-во	Лексема	№	Кол-во	Лексема
1	197	<i>евреи</i>	16	34	<i>китаезы</i>
2	191	<i>итальянцы</i>	17	32	<i>ниггеры</i>
3	186	<i>таджики</i>	18	30	<i>янки</i>
4	184	<i>азиаты</i>	19	27	<i>хачики</i>
5	149	<i>негры</i>	20	26	<i>жиды</i>
6	133	<i>белые</i>	21	23	<i>негритосы</i>
7	88	<i>англосаксы</i>	22	23	<i>узкоглазые</i>
8	80	<i>черные</i>	23	21	<i>бульбаши</i>
9	68	<i>америкосы</i>	24	20	<i>фрицы</i>
10	49	<i>пиндосы</i>	25	19	<i>лягушатники</i>
11	47	<i>азеры</i>	26	18	<i>макаронники</i>
12	39	<i>чурки</i>	27	17	<i>черножопые</i>
13	37	<i>даги</i>	28	15	<i>чухонцы</i>
14	37	<i>хачи</i>	29	15	<i>армяшки</i>
15	36	<i>итальяшки</i>	30	13	<i>джамишуты</i>

Слово *черные*, однако, неоднозначно, и выбор значения коррелирует с употребляемостью и оценкой грубости. Так, для 80 человек, указавших, что они используют это слово, средней оценкой грубости

¹² Нейтральность определялась по толкованиям и наличию специальных помет в толковых словарях.

стало 2,11 (из 5), а в значениях 69 раз были указаны негры и 21 раз кавказцы / среднеазиаты (некоторые респонденты указывали оба значения), тогда как для 118 ответивших, что это слово знают, но не используют, оценка грубости составила 3,25, а соотношение между неграми и кавказцами / среднеазиатами — 77 и 46. Несколько удивительной стала значительная доля людей, использующих этноним *англосаксы*: как и в предыдущем случае, уровень грубости для использующих оказался ниже, чем для не использующих — хотя и там, и там невысокий (1,91 и 1,15), что связано в том числе и с тем, что у использующих в толковании нередко упоминались древние племена, а не современные жители Великобритании и США.

В целом можно говорить о корреляции между степенью грубости (о которой подробнее пойдет речь в следующем разделе) и неупотребляемостью слов. Слова, оказавшиеся в верхней части списка «знаком(а), но не употребляю» (Таблица 5), оказались либо наиболее грубыми, либо же устаревшими / книжными. Исключением стало только

Таблица 5. Лексемы «знаком(а), но не употребляю» и их степень грубости

Table 5. Words «I know them, but I don't use them» and their degree of rudeness

№	Кол-во	Лексема	Грубость
1	182	<i>черножопые</i>	4,77
2	176	<i>узкоглазые</i>	3,92
3	175	<i>негритосы</i>	3,47
4	170	<i>жиды</i>	4,28
5	166	<i>ниггеры</i>	3,99
6	165	<i>фрицы</i>	3,14
7	163	<i>лягушатники</i>	3,13
8	161	<i>хачики</i>	3,89
9	160	<i>китаезы</i>	3,39
10	158	<i>хачи</i>	4,25
11	158	<i>макаронники</i>	2,91
12	156	<i>чурки</i>	4,44

слово *пиндосы*, оказавшееся одновременно и одним из самых грубых (3,78; 8 место), и одним из самых употребляемых (49 человек).

Наконец, посмотрим на корреляции между гендером и знанием и употреблением этнонимов из нашего списка.

Таблица 6. Знание и употребление пейоративов мужчинами и женщинами

Table 6. Knowledge and use of ethnic slurs by men and women

	мужчины		женщины	
	абс.	отн.	абс.	отн.
Впервые вижу	56	2,7 %	186	4,9 %
Кажется, подалось	70	3,4 %	182	4,8 %
Знаком(а), не употребляю	1261	60,9 %	2326	61,1 %
Знаком(а), употребляю	683	33,0 %	1116	29,3 %

Женщины используют их несколько реже, чем мужчины (29,3 % против 33 %), и чаще отвечают, что видят ту или иную лексему впервые (4,9 % против 2,7 %), но разница эта не слишком велика. Кроме этого, в абсолютном большинстве случаев женщины оценивают этноним как более грубый, чем мужчины (в 25 случаях из 30), разница составляет от 0,15 % (*белые*: 1,36 для мужчин и 1,37 для женщин) до 14,2 % (*пиндосы*: 3,30 для мужчин и 4,02 для женщин). В среднем для тех этнонимов, которые женщины оценивают как более грубые, разница составила 5,31 %; если же убрать из рассмотрения нейтральные (согласно словарю) лексемы — *итальянцы*, *белые*, *евреи*, *таджики* и *негры*, которые оцениваются практически одинаково, то средняя разница будет уже 6,32 %. Наибольшая разница в оценках оказалась у следующих слов (см. Таблицу 7, с. 163).

4.3. Значения этнонимов

Значение этнонимов и возможные его вариации определялись ответами на второй вопрос: *По отношению к кому используется это*

Таблица 7. Этнонимы с наибольшей разницей в оценке грубости мужчинами и женщинами

Table 7. Ethnic slurs with the greatest difference in the assessment of rudeness by men and women

	мужчины	женщины	разница
<i>пиндосы</i>	3,30	4,02	14,24 %
<i>китаезы</i>	3,01	3,59	11,46 %
<i>негритосы</i>	3,13	3,67	10,83 %
<i>янки</i>	1,78	2,30	10,45 %
<i>фрицы</i>	2,81	3,31	10,06 %
<i>америкосы</i>	2,42	2,92	10,02 %
<i>хачики</i>	3,62	4,05	8,64 %
<i>даги</i>	2,34	2,73	7,91 %
<i>хачи</i>	4,00	4,39	7,78 %
<i>жиды</i>	4,04	4,41	7,48 %

слово? Если вы его видите в первый раз, поставьте прочерк или попробуйте предположить. Для большинства предложенных этнонимов у опрашиваемых не было проблем с определением значения (то есть с указанием конкретной этнической группы или групп, обозначаемых этим словом). Исключениями стали лексемы *хачи*, *хачики*, *чурки*, *черные* и *черножопые*.

Важно отметить, что в отсутствие кодификации пейоративов едва ли можно говорить о неправильных употреблениях, а в качестве значений должны выделяться сгустки, или скопления, сходных употреблений, несмотря на то что они могут значительно отличаться от исходного, более узкого значения.

Так, например, слово *хачик*, от которого, вероятно, уже на русской почве возник пейоратив *хач*, восходит к распространенному армянскому имени *Хачик*, уменьшительному от *Хачатур*. Часть носителей еще чувствует связь этих лексем с армянским языком и указывает, что соответствующие слова применяются по отношению к армянам

(нередко с уточнением о возможности и более широкого употребления — по отношению к любым кавказцам):

- (10) *выходцы из Армении, но могут так называть любого кавказца и даже среднеазиата;*
- (11) *К армянам, к тем, кто плохо говорит по-русски и приехал из страны ближнего зарубежья;*
- (12) [о степени грубости] *Наверное, здесь есть зависимость по отношению к кому это слово употребили. Если для армянина это должно звучать примерно как «Ваңја», то азербайджанец, думаю, будет изрядно фрустрирован.*

Некоторые опрашиваемые указывают на возможность использования слов *хачик* и *хач* по отношению к жителям или приезжим из Средней Азии, но для абсолютного большинства это наименование только кавказцев. Кроме того, в ряде ответов упоминалась возможность употребления этих слов по отношению и к тем, и к другим.

Стоит оговорить, что, описывая семантику предложенных лексем, респонденты использовали самые разные определения. Встречались как достаточно широкие обозначения (например, «граждане среднеазиатских стран», «народы Кавказа» или «мигранты из Средней Азии и лица кавказской национальности»), так и более узкие (например, «выходцы из Таджикистана», «жители Дагестана и Ингушетии, Кабардино-Балкарцы», «эээ, чеченцы???)» или «по отношению к азербайджанцам, иногда армянам»). Анализируя результаты, для удобства подсчетов мы свели все разнообразие ответов к двум категориям: *Средняя Азия / жители Средней Азии и Кавказ / кавказцы*. При этом при подсчетах отдельно учитывались слишком широкие ответы, которые не указывают точно на регион, например: «так называемые „нерусские“» или «приезжие в Россию на заработки из ближнего зарубежья, плохо говорящие на русском языке».

Что же касается слова *чурки* (которое в опросе иногда интерпретировалось как синоним слова *хачи*), то для него на самом деле характерно другое распределение: соотношение со Средней Азией и Кавказом примерно одинаково (хотя со Средней Азией несколько

чаще), а соотнесение исключительно с Арменией вообще не встречается. Помимо этого, для лексемы *чурки* чаще, чем для слов *хачи / хачики*, предлагались общие ответы типа «к людям не славянской / европеоидной внешности» вместо указания конкретного региона; частотно было и совмещение в одном ответе указания на Среднюю Азию и Кавказ.

Таким образом, по-видимому, прототипом лексем *хач / хачик* является житель Кавказа, тогда как прототип этнонима *чурка* не столь ярко выражен, но склоняется к Средней Азии. Важно также отметить, что в ответах респондентов нередко встречалось уточнение, что *хачом* или *чуркой* называют не просто человека соответствующего происхождения или внешности, но обязательно нарушающего нормы поведения¹³ (причем для *чурок* такие ответы были более частотны):

- (13) *выходцы с Кавказа, ведущие себя вызывающе;*
- (14) *кавказцам, которые недостойно себя ведут;*
- (15) *к приезжим в Россию на заработки из ближнего зарубежья, плохо говорящим на русском языке;*
- (16) *к слабоассимилированным в России выходцам из Кавказа, занимающимся промыслом на грани закона.*

Ср. также комментарий к слову *хачики*:

- (17) *Отличать от нормальных представителей народов Кавказа*

Как уже упоминалось выше, принципиальной разницы в семантике слов *хач* и *хачик* не наблюдается (стилистические различия будут описаны ниже). Тем не менее в 17 ответах респонденты некоторым образом противопоставляли эти лексемы — однако нельзя быть уверенным, что это сознательное противопоставление, а не случайная

---

¹³ Такой перенос вообще характерен для пейоративов, то есть плохое слово для группы людей (в частности, этноса) переосмысливается как обычное слово для плохих представителей данной группы, ср. «ПАМЯТКА (чем жида отличают от евреев)» (LiveJournal, 05.03.2015).

небрежность описания (ведь в опросе эти лексемы предлагались на значительном расстоянии друг от друга), например:

- (18) *хачики*: по отношению к кавказцам;
хачи: к жителям Кавказа и Средней Азии
- (19) *хачи*: армяне (комментарий: *хач* с армянского «крест»; грубость: 2)
хачики: люди с Кавказа (грубость: 4; стилистическая помета: ироничное)
- (20) *хачи*: к людям из Таджикистана, Азербайджана и прочее
хачики: к так называемым «нерусским»
- (21) *хачи*: к уроженцам Кавказа
хачики: к дагестанцам

Ср. описание различий в этих лексемах в работе [Zolyan 2021: 172–173]: «*Хачи* и *хачики* относятся к одному классу отверженных, но различаются степенью. Согласно распространенным представлениям, *хачики* достойны презрения, но к ним относятся терпимо и даже пользуются их услугами; они принадлежат к низшим слоям общества и предоставляют самые дешевые услуги, как правило, нелегальные (*хач-авто* ‘самое дешевое такси’, *хач-мойка*¹⁴ ‘примитивная автомойка’ и т. п.) *Хачи* — другое дело. Они якобы приезжают убивать и уничтожать русских, поэтому их следует истребить или, по крайней мере, изгнать».

Также интересен этноним *черные*, который соотносится с двумя не пересекающимися этническими группами: с чернокожими (возможно, под влиянием английского языка) и с выходцами с Кавказа и из Средней Азии. В опросе 118 раз это слово связали только с чернокожими¹⁵, 19 раз — только с выходцами с Кавказа и Средней Азии

¹⁴ Здесь возникает вопрос, почему в доказательство при описании образа хачика приводятся композиты с первым элементом *хач*-.

¹⁵ Проблемным моментом оказалось отнесение слова *темнокожий* и словосочетания *с темной кожей* к той или иной группе. Мы провели небольшой

(из них только Кавказ — 12 раз), к ним также примыкает 21 указание на просто смуглую / более темную кожу (включая несколько комбинаций с кавказцами / среднеазиатами) и, наконец, еще 38 раз были даны ответы, где перечислялись и чернокожие, и кавказцы / среднеазиаты / люди со смуглой кожей (часто с уточнением, что зависит от ситуации или говорящего). При этом этноним *черные* в интерпретации ‘кавказцы / среднеазиаты / люди со смуглой кожей’ получает значительно более высокую оценку по шкале грубости, чем этноним *черные*, соотносимый с чернокожими. Оценка же по грубости тех респондентов, которые упоминали оба значения слова *черные*, оказывается промежуточной между ними¹⁶. Обращает на себя внимание и корреляция между возрастом респондентов и выбором значения: средний возраст тех, кто интерпретировал *черные* как ‘чернокожие’ — 27,9 лет, как ‘выходцы с Кавказа или из Средней Азии’ или ‘люди со смуглой / более темной кожей’ — 36,2 лет, а и так, и так — 32,3 года. Это позволяет предположить, что значение ‘чернокожие’ распространилось сравнительно недавно под влиянием английского языка, однако примеры из Национального корпуса русского языка показывают, что оно присутствовало в языке с давних пор, ср.:

(22) *Виноделие, процветающее на морских берегах, дает только средства к безбедному существованию небольшому числу фермеров и скудное пропитание нескольким тысячам черных.*
[И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» (1855)]

Наконец, на первый взгляд близкий к *черным* пейоратив *черножопые* показывает несколько иное распределение значений. Он значительно больше тяготеет к «российскому контексту» — обозначению кавказцев или, шире, людей со смуглой кожей, чем к обозначению чернокожих. Помимо этого, лексема *черножопые* значительно отличается от лексемы *черные* по степени грубости.

отдельный опрос, который показал, что *темнокожий* скорее воспринимается как *чернокожий*, а словосочетание *с темной кожей* — как *со смуглой кожей*.

¹⁶ Возможность по-разному оценивать разные значения одного слова в опросе не была предусмотрена.

Подведем итог этим рассуждениям с помощью таблицы:

Таблица 8. Значения квазисинонимичных этнонимов *хачи / хачики, чурки, черные и черножопые*¹⁷

Table 8. The meanings of quasi-synonymous ethnic slurs *khachi / khachiki, churki, chernyye and chernozhopye*

	<i>хачи / хачики</i>	<i>чурки</i>	<i>черные</i>	<i>черно-жопые</i>
армяне (вкл. комбинации с другими)	35/33	1	0	2
Кавказ и Средняя Азия в сумме	—	—	40	75
<i>из них</i>				
<i>только кавказцы</i>	128/127	33	12	21
<i>только среднеазиаты</i>	16/13	49	1	7
<i>только смуглые</i>	0/1	1	18	24
<i>кавк. + среднеаз. + со смуглой кожей (в разных комбинациях)</i>	20/22	58	9	23
Чернокожие в сумме			156	118
<i>только чернокожие</i>	0	0	118	66
<i>чернокож. + кавк. / среднеаз. / со смугл. кожей (в разных комбинациях)</i>	—	—	38	52

4.4. Степень оскорбительности и стилистические пометы

Оценка этнонимов по степени оскорбительности опирается на ответы на третий вопрос: *Оцените это слово по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно нейтральное, 5 — максимально оскорбительное. Если вы его видите в первый раз, можете указать любое число.* Оценка несколько

¹⁷ Прочерками обозначены нерелевантные для исследования ячейки.

инного типа формируется исходя из ответов на четвертый вопрос: *Если в списке ниже есть характеристики, которые, на ваш взгляд, описывают употребление этого слова, отметьте их (одну или несколько): а) ироничное, б) фамильярное (разговорное, но не оскорбительное); в) книжное (не используется в разговорной речи); г) устаревшее.*

Мы изначально исходили из того, что одной из основных, а возможно, и основной характеристикой пейоративов является степень оскорбительности, или грубости. Очевидно, что слова в парах *джамшуты* и *чурки*, *пиндосы* и *америкосы* являются пейоративами и называют одних и тех же людей, но при этом обладают разной степенью оскорбительности. На определение степени этой оскорбительности и был в первую очередь нацелен наш опрос.

Характеристики лексем с точки зрения степени их оскорбительности приведены в *Таблице 9*:

Таблица 9. Степень грубости лексем (от 1 до 5)

Table 9. The degree of ethnic slurs' rudeness (from 1 to 5)

№	Грубость	Лексема	№	Грубость	Лексема
1	4,77	<i>черножопые</i>	16	2,99	<i>бульбаши</i>
2	4,44	<i>чурки</i>	17	2,91	<i>макаронники</i>
3	4,28	<i>жиды</i>	18	2,86	<i>итальянки</i>
4	4,25	<i>хачи</i>	19	2,80	<i>черные</i>
5	3,99	<i>ниггеры</i>	20	2,78	<i>чухонцы</i>
6	3,92	<i>уздоглазые</i>	21	2,75	<i>америкосы</i>
7	3,89	<i>хачики</i>	22	2,58	<i>даги</i>
8	3,78	<i>пиндосы</i>	23	2,10	<i>янки</i>
9	3,61	<i>джамшуты</i>	24	1,97	<i>негры</i>
10	3,47	<i>негритосы</i>	25	1,56	<i>англосаксы</i>
11	3,39	<i>китаезы</i>	26	1,36	<i>белые</i>
12	3,14	<i>фрицы</i>	27	1,33	<i>таджики</i>
13	3,13	<i>лягушатники</i>	28	1,23	<i>азиаты</i>
14	3,12	<i>армяшки</i>	29	1,08	<i>евреи</i>
15	3,04	<i>азеры</i>	30	1,04	<i>итальянцы</i>

Наиболее оскорбительным, причем с оценкой намного большей, чем у следующего за ним слова, оказался этноним *черножолые*. Можно предположить, что ключевым фактором стала негативная оценка второго корня.

В пятерку наиболее грубых слов также попали *чурки*, *жиды*, *хачи* и *ниггеры*. При этом если полюс максимальной грубости дает довольно четкую характеристику оказавшихся там лексем, то попадание слов на противоположный полюс или тем более в середину шкалы интерпретировать не так просто, ведь шкала оскорбительности — не единственная экспрессивная характеристика пейоративов.

Рассмотрим оказавшиеся в середине списка и очень близкие друг к другу по параметру оскорбительности лексемы *фрицы* (3,14), *армяшки* (3,12) и *азеры* (3,04), а также *итальяшки* (2,86) и *черные* (2,80). Основываясь на интроспекции, рискуем утверждать, что пейоративы *армяшки* и *итальяшки* обладают некоторым дополнительным оттенком снисходительности и пренебрежительности (свойственным соответствующему суффиксу), которым не обладают остальные лексемы. При этом у лексемы *азеры*, вероятно, есть оттенок фамильярности, панибратства, этноним *фрицы* кажется устаревшим, книжным и несколько ироничным словом, а средняя величина грубости слова *черные*, как говорилось выше, обусловлена разными сосуществующими значениями. Таким образом, строго говоря, почти идентичный средний уровень по шкале оскорбительности у этих лексем не сообщает практически никакой информации о них — в отличие от лексем, попавших в верхнюю часть списка.

Попробуем проверить нашу интроспекцию данными опроса. Наиболее близкой к ощущаемой в пейоративе *итальяшки* снисходительности из предложенных в нашем опросе помет можно считать помету *ироничное*, и действительно, этнонимы *итальяшки* и *армяшки* оказываются одними из наиболее часто характеризующихся подобным образом лексем.

Так, этноним *итальяшки* оказывается на третьем месте по этому параметру, незначительно уступая лишь пейоративам *макаронники* и *лягушатники* (где шуточный регистр во многом определяется

Таблица 10. Количество респондентов из числа знакомых с пейоративом, отметивших лексему как ироничную¹⁸

Table 10. The number of respondents familiar with the ethnic slur who marked the word as ironic

№	Ироничн.	Фамиль.	Устар.	Книжн.	Лексема
1	123	63	24	11	<i>макаронники</i>
2	122	54	32	12	<i>лягушатники</i>
3	117	109	6	4	<i>итальянки</i>
4	90	55	9	0	<i>бульбаши</i>
5	87	62	5	0	<i>армяшки</i>
6	76	81	7	0	<i>америкосы</i>
7	69	32	7	0	<i>джамшуты</i>
8	64	54	69	54	<i>янки</i>
9	63	25	9	0	<i>пиндосы</i>
10	53	47	18	10	<i>негритосы</i>
11	48	51	20	3	<i>китаезы</i>
12	47	25	14	0	<i>хачики</i>
13	38	36	94	37	<i>фрицы</i>

корнем, подчеркивающим кулинарные пристрастия): ироничными эти этнонимы назвали немногим меньше 2/3 участников опроса (и примерно 2/3 от тех, кто видит эти слова не впервые). Обращает на себя внимание тот факт, что на шкале оскорбительности эти лексемы находятся в самой середине, что подтверждает нашу гипотезу о том, что в этой зоне будут располагаться лексемы, имеющие особые характеристики, т. е. маркированные иначе, чем полноценные пейоративы. Можно также предположить, что ироничность в целом не увеличивает, а, скорее, снижает грубость, хотя, безусловно, реакции на иронию сильно различаются, и некоторые люди иронию над ними могут воспринимать как оскорбление.

¹⁸ Остальные параметры приводятся для сравнения.

Однако проверка по корпусу текстов (в данном случае с этой целью мы использовали социальную сеть «Твиттер»¹⁹) показала, что иногда пользователи используют лексемы *лягушатники* и *макаронники* как полноценные пейоративы — видимо, за неимением более подходящих:

- (23) *Снято во Франции состав везет на Украину технику. Вот уроды французские лягушатники* [twitter (15.11.2022)]
- (24) *Даже макаронники продались, а мы их от фашизма спасли и от Ковида спасали... твари неблагодарные* [twitter (17.03.2022)]

Для лексемы *итальяшки* подобные исключительно негативные употребления встречаются реже, однако также возможны:

- (25) *В Италия, по запросу амеров, арестован сын Красноярского губернатора Усса... Арестовать нах, всех итальяшек и амеров в России!!!* 😏😏😏😏😏 [twitter (19.10.2022)]

Впрочем, одно из частых употреблений слов *лягушатники* и *макаронники* — и, судя по контекстам, лишённое негатива — это референция к спортивным командам соответствующих стран:

- (26) *удачки моим фавочкам но я ни на что не надеюсь конечно. впервые буду болеть за японию* 😊 *ну и лягушатники вперед* 🖊️ [о футболе] [twitter (20.11.2022)]
- (27) *Что характерно: о превышении бюджета Red Bull ноют лишь легендарно обсравшиеся в этом году макаронники* (15 раз

---

¹⁹ Мы считаем возможным для качественного анализа использовать в качестве корпуса социальные сети, несмотря на то что, как известно, определенное число комментариев там оставляют боты (как программы, так и специально нанятые люди). Кто бы ни был автором комментария, он(а) использует современный русский язык и, соответственно, считает возможным употребить искомые лексемы с целью оскорбления.

стартовать первыми в 20 гонках и досрочно просрать титул, лол), провалившие новый регламент Мерсы (ноль побед впервые с 2011 года) и засравшие годы Маки. Совпадение [о Формуле-1] [twitter (30.10.2022)]

Здесь на первый план, по-видимому, выходит фамильярность. Оценка этнонима как фамильярного часто, но не всегда сопутствует иронической оценке.

Таблица 11. Количество респондентов из числа знакомых с пейоративом, отметивших лексему как фамильярную

Table 11. The number of respondents familiar with the ethnic slur who marked the word as inappropriately intimate

№	Ироничн.	Фамиль.	Устар.	Книжн.	Лексема
1	117	109	6	4	<i>итальянки</i>
2	76	81	7	0	<i>америкосы</i>
3	17	65	1	0	<i>даги</i>
4	123	63	24	11	<i>макаронники</i>
5	87	62	5	0	<i>армяшки</i>
6	12	58	1	0	<i>азеры</i>
7	90	55	9	0	<i>бульбаши</i>
8–9	122	54	32	12	<i>лягушатники</i>
8–9	64	54	69	54	<i>янки</i>
10	48	51	20	3	<i>китаезы</i>
11	53	47	18	10	<i>негритосы</i>
12	7	38	2	2	<i>черные</i>
13	38	36	94	37	<i>фрицы</i>

Первое место с большим отрывом занимает уже обсуждавшаяся выше лексема *итальянки*: вероятно, упомянутую снисходительность

можно в каком-то смысле рассматривать как комбинацию параметров ироничности и фамильярности. Однако схожая с ней в словообразовательном отношении лексема *армяшки* была охарактеризована такой пометой в 1,75 раз реже, хотя и заняла по этому параметру пятое место.

Особый интерес представляют этнонимы *даги* и *азеры*, для которых фамильярность оказалась основной характеристикой. Ироничными их сочло незначительное число респондентов.

Согласно информации, полученной в ходе изучения записей «Твиттера» и нескольких глубинных интервью, носители языка действительно, как правило, используют лексемы *даги* и *азеры* как фамильярные наименования, при этом, как правило, без грубости или какого-либо негатива, ср. пример из «Твиттера» и примеры из личной переписки (29) и (30), написанные дагестанцами и предоставленные нам участниками интервью — что говорит о том, что эта лексема используется и внутри этноса:

- (28) *Смгимо в свое время я был сильно подвязан, и могу сказать что чеченцев и дагов гораздо больше армян* [twitter (16.11.2022)]
- (29) *Приходи обязательно, но участвовать Дагам нельзя* 😊 😊
- (30) *я думала девочек пропускают / даг не даг им вообще не надо было говорить*²⁰

С лексемой *азеры* ситуация несколько иная. Среди азербайджанцев — по крайней мере, живущих в России — иногда встречается негативное отношение к этому этнониму, тогда как для других это абсолютно приемлемое слово, которое они и сами употребляют. Кажется вполне вероятным, что оценка приемлемости слова *азер* у азербайджанцев может коррелировать с возрастом носителей (впрочем, одна из опрошенных азербайджанок подросткового возраста также отметила, что ей это слово не нравится и она поправляет людей, использующих его), ср. ответы из интервью азербайджанцев:

²⁰ В примере (30) обсуждается пересечение российской границы.

- (31) *Для некоторых это почему-то очень неприятно, они исправляют людей «Не азеры, а азербайджанцы». Некоторым это кажется абсолютно нормальным, и они сами так говорят. Я считаю, что это просто сокращение и в этом ничего такого нет. Но из-за некоторых умников не советую другим людям так говорить. Рядом с друзьями спокойно говорю, азеры или азер. Рядом с незнакомыми азерами, если нужно упомянуть национальность, то говорю полностью «азербайджанец(ка)», чтобы не выслушивать тупые комментарии и т. д.*
- (32) *Лично для меня это обращение нейтральное, я его сама использую в речи. Ещё спросила у семьи, мой брат, который родился и вырос тут, как и я, согласен с моим мнением, родители сказали, что, если бы к ним так обратились, они бы поправили и сказали, что они азербайджанцы. Но не считают это слово обидным или оскорбительным, они считают его ошибочным. Сами это слово не используют.*

Это подтверждается и использованием слова *азеры* в переписке азербайджанцев, предоставленной нам участниками интервью:

- (33) *концерт же / прикольно будет / **азеры**²¹ соберутся*

Ср. также один из комментариев к лексеме в опросе:

- (34) *в принципе мало кто из моих хороших знакомых-азербайджанцев обижается, Азер — это одно из имен самых частых, но вообще использовала бы при каком-то вопиюще неприличном поведении или говоря об излишнем патриотизме*

Впрочем, нельзя исключать, что нейтральное отношение к слову *азер* может распространяться на использование его только внутри этнической группы, а не чужаками.

---

²¹ Т. е. свои.

* * *

Несколько особняком стоят пометы «устаревшее» (см. Таблицу 12) и «книжное» (см. Таблицу 13, с. 177):

Таблица 12. Количество респондентов из числа знакомых с пейоративом, отметивших лексему как устаревшую

Table 12. The number of respondents familiar with the ethnic slur who marked the word as dated

№	Ироничн.	Фамиль.	Устар.	Книжн.	Лексема
1	38	36	94	37	<i>фрицы</i>
2	64	54	69	54	<i>янки</i>
3	27	14	63	38	<i>чухонцы</i>
4	25	16	48	17	<i>жиды</i>
5–6	122	54	32	12	<i>лягушатники</i>
5–6	22	20	32	54	<i>англосаксы</i>
7	123	63	24	11	<i>макаронники</i>
8	48	51	20	3	<i>китаезы</i>
9	53	47	18	10	<i>негритосы</i>
10	6	32	16	6	<i>негры</i>
11	47	25	14	0	<i>хачики</i>
12–14	90	55	9	0	<i>бульбаши</i>
12–14	63	25	9	0	<i>пиндосы</i>
12–14	14	7	9	2	<i>чурки</i>

Можно заметить некоторое сходство между этими оценками. Так, в первой пятёрке лексем, получивших высшие оценки по этим критериям, четыре совпадения: *янки*, *чухонцы*, *фрицы* и *жиды*.

Наиболее устаревшим пейоративом оказался этноним *фрицы*, он назван почти в половине анкет. Это объяснимо, поскольку его появление и максимальное распространение в качестве имени

Таблица 13. Количество респондентов из числа знакомых с пейоративом, отметивших лексему как книжную

Table 13. The number of respondents familiar with the ethnic slur who marked the word as book vocabulary

№	Ироничн.	Фамиль.	Устар.	Книжн.	Лексема
1–2	22	20	32	54	<i>англосаксы</i>
1–2	64	54	69	54	<i>янки</i>
3	27	14	63	38	<i>чухонцы</i>
4	38	36	94	37	<i>фрицы</i>
5–6	25	16	48	17	<i>жиды</i>
5–6	4	23	0	17	<i>итальянцы</i>
7	10	28	5	14	<i>белые</i>
8	122	54	32	12	<i>лягушатники</i>
9	123	63	24	11	<i>макаронники</i>
10	53	47	18	10	<i>негритосы</i>
11	0	22	2	9	<i>азиаты</i>
12–13	27	23	7	7	<i>ниггеры</i>
12–13	7	18	2	7	<i>евреи</i>
14	6	32	16	6	<i>негры</i>

нарицательного, а именно этнонима, связано со временем Второй мировой войны. Тем не менее он вполне используется в социальных медиа и сейчас — по отношению к современным немцам:

- (35) *Надо было побольше написать о мерзнующих англосаксах и **фрицах**, истерично скупающих теплую одежду (...)* [twitter (2.09.2022)]
- (36) *В Бали Путину делать нечего. Он решил, своим отсутствием на саммите, огорчить деда Байдена, фигаго Макрона, **фрица** Шольца.* [twitter (15.11.2022)]

Несмотря на сходство в оценках лексем, описанных нашими респондентами как «устаревшие» и «книжные», частотность их употребления в современных социальных медиа различается довольно сильно. В нашем опросе на втором и третьем местах с практически одинаковым количеством ответов расположились *янки* и *чухонцы*, но в социальной сети «Твиттер» у *чухонцев* частотность практически такая же, как у оказавшихся в опросе с достаточно большим отрывом на первом месте *фрицев*; тогда как у *янки* частотность примерно в три раза выше²². Наиболее книжными лексемами стали *англосаксы* и *янки* — таковыми их признал каждый четвертый.

Любопытно, что некоторые респонденты, не пометившие лексему *англосаксы* как книжную, либо описывали ее историческое значение (например, «переселявшиеся на север Британии древние германцы»), либо писали в поле для комментариев о том, что она стала в последнее время активно использоваться современными СМИ и политическими активистами, прежде всего, для выражения негативного отношения к англоязычному и шире западному миру:

- (37) *У специалистов — население средневековой Англии, у пропагандистов — злодеи с коллективного Запада*
- (38) *К англичанам, французам и всем, кто с ними за одно*

Вероятно, под этим подразумеваются подобные высказывания в СМИ:

- (39) *Не вижу я разницы с кем там сотрудничает предатель. С немцами, англосаксами, или с китайцами. Деникин себе хозяев выбрал в Лондоне, Краснов в Берлине. [У нас и у них (2019–2021)]*
- (40) *Англосаксы на протяжении всей своей истории строили свою экономику на грабеже [Не наш космос (2018–2021)]*

²² По данным на 19 ноября 2023 года.

4.5. О нейтральных этнонимах

Отдельную интересную проблему составляют слова, которые считаются наиболее нейтральными названиями этноса, и в соответствии со словарными описаниями являются нейтральными (экспрессивно не маркированными) этнонимами. Однако речевая практика часто показывает, что в реальности они маркированы, что может приводить к их тяготению к негативным контекстам или вообще к избеганию этих слов. В некоторых языках в русле политкорректности такие слова могут быть заменены, например, немецкое слово *Zigeuner* не рекомендуется к употреблению как дискриминационное, о чем написано в немецкой «Википедии»: «Это оспариваемое выражение в немецкоязычном мире для обозначения таких этнических групп, как рома и синти». Далее сказано, что рома и синти рассматривают его как дискриминационное. Это связано не только с тем, что это внешнее название народа (экзоэтноним), но и с тем, что народ под этим названием подвергался многовековым преследованиям [*Zigeuner*]. В русском языке можно отметить конструкцию *лицо ... национальности*, заменявшую избегаемое «нейтральное» название, например, *еврей* в эпоху государственного антисемитизма в СССР:

- (41) Слово «**еврей**» было изъято из официального употребления наравне с нецензурными выражениями. В периоды кампаний по разжиганию у населения антисемитских страстей в устный и письменный обиход вводились термины-синонимы: «**сионисты**» и «**космополиты всех мастей**». «**Лицам еврейской национальности**» оставалось благодарить партию и правительство за деликатность: два эти определения вполне можно было заменить коротким, ясным и звучащим недвусмысленно словом «**жид**». [Евгений Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)]

Однако в нашем опросе для лексемы *евреи* абсолютное большинство опрошенных определило степень грубости как минимальную

(1 — 187 и 2 — 10), причем возраст тех десяти человек, которые оказались не готовы признать эту единицу максимально нейтральной, варьируется от 21 до 61 лет.

Для лексемы *негры*, нейтральность которой поставлена под сомнение политкорректностью, результаты интереснее: она получила все пять оценок с тяготением к максимально нейтральной (1 — 92, 2 — 59, 3 — 21, 4 — 20, 5 — 8; 24-е место по шкале грубости). Средний возраст для каждой оценки выглядит так: 1 — 30,5, 2 — 31,1, 3 — 32,7, 4 — 30,0, 5 — 25,4. Мы видим здесь самый низкий возраст у наиболее высокой оценки, и возраст выбравших оценку 4 также ниже предыдущих, что может интерпретироваться как влияние политкорректности, однако на более низких оценках закономерность ломается. Возможно, исследование лексемы *негры* стоит провести на значительно большей выборке.

Наконец, отдельный интерес представляет этноним *таджики*, который в современном употреблении часто используется как пренебрежительное обозначение мигрантов из Средней Азии без реального уточнения их этнической принадлежности. Именно методом опроса можно оценить рефлексии носителей.

Так, например, в комментариях о слове *таджики* некоторые информанты высказывали следующие соображения:

- (42) *в зависимости от контекста может менять значение; чаще используется как оскорбительное в адрес трудовых мигрантов (мне кажется, в основном в строительстве) вне зависимости от их национальности и гражданства*
- (43) *Стараюсь не употреблять. Вроде и просто название национальности, но это чаще всего употребляется по отношению к дворникам, причем не важно, из какой они страны*
- (44) *Поскольку таджики часто оказываются гастарбайтерами, это вполне нормальное обозначение национальности начинает использоваться в уничижительном смысле.*
- (45) *В значении «выходец из средней Азии» пренебрежительно*

Хотя для некоторых носителей это слово лишено негативных коннотаций:

(46) *Как и в случае с итальянцами, ничего оскорбительного здесь нет. Обычный этноним.*

Что же касается оценки оскорбительности этнонима *таджики*, то она (1,33) выше, чем у максимально нейтральных в этом опросе *итальянцев* (1,04) и у *евреев* (1,08).

Процесс, о котором мы говорим, может быть назван **негативным сдвигом**, в результате которого нейтральное слово получает разной степени негативную оценку.

Существует и обратный процесс, получивший название **реклеиминга** (ср., например, [Brontsema 2004; Popa-Wyatt 2020]). Любой пейоратив, используемый как внешнее по отношению к группе название, может быть «переприсвоен» членами этой группы и иногда ироническим образом начинает использоваться по отношению к самим себе. В дальнейшем это может стать нейтральным обозначением группы. Типичный пример реклейминга — слово *хиппи*, которое изначально употреблялось с негативной оценкой, пренебрежительно [Фуфаева 2019]. Такое происходит и с этнонимами. Одним из самых ярких примеров в пространстве сегодняшнего русского языка стал «Дневник хача» — видеоблог на YouTube, созданный в 2015 году Амираном Сардаровым. Создатель блога пишет о нем так: «„Дневник хача“ — лучшее, что случилось со мной в жизни. Благодаря ему слово „хач“ перестало быть обидным и сейчас звучит весьма иронично» [Дневник хача 2015]. Впрочем, следует признать, что это лишь попытка реклейминга, не доведенная до конца: это слово так и не стало по-настоящему нейтральным. Сходное явление можно увидеть, изучив хэштеги в социальной сети «Инстаграм». В этой сети крайне редко выкладывают фотографии с негативным содержанием, и потому наличие 2993 публикаций с хэштегом #чурка и 18960 — с хэштегом #хач ярко свидетельствует о возможности иронического употребления данных пейоративов по отношению к себе; ср., например, фотографию молодого человека азиатской внешности на фоне Красной площади, которую он выложил с хэштегами #ганстебайтер#халтуриШБ#чурка#пАнаехали#.

Изучение нейтральных этнонимов и негативных сдвигов должно стать предметом отдельных исследований.

5. Выводы

Мы постарались показать, что опрос об экспрессивных этнонимах дал как ожидаемые, так и неожиданные результаты, но все они должны использоваться и в лексикографических описаниях, и в анализе дискурса, насыщенного языком вражды.

Анализ ответов помог решить конкретные задачи, в том числе:

- уточнить значения ряда слов, соотносимых с разными этническими группами (*хачи*, *черные* и др.), и возможные колебания оценки грубости в зависимости от значения;
- установить в ряде случаев корреляцию оценки с возрастом респондентов (например, для слова *негры*);
- установить в ряде случаев корреляцию владения и понимания слова с возрастом респондентов (например, для слова *чухонцы*);
- установить наличие экспрессивных (фамильярных и т. п.) этнонимов с низкой оценкой оскорбительности (например, *даги*);
- установить наличие значимого отклонения от минимальной оценки (1) для считающихся нейтральными этнонимов (например, для слова *таджики*).

Можно также отметить корреляцию гендера респондентов и отношения к этнонимам, а также зависимость восприятия экспрессивного этнонима по шкале грубости от его стилистической оценки.

Очень важной следует считать динамичность восприятия, которая зависит как от ограниченных во времени конкретных событий разного масштаба (выхода сериала или передачи, войны и др.), так и от длительных тенденций взаимодействия с этносом (антисемитизм и другие виды этнической ксенофобии).

Многие из групп этнонимов или даже отдельные этнонимы требуют дополнительного исследования комплексными методами:

наряду с опросами должны использоваться методы корпусного и лексикографического анализа.

Литература

- Березович, Гулик 2002 — Е. Л. Березович, Д. П. Гулик. Ономаσιологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации // Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингво-культурологическом аспекте. М.: Наука, 2002.
- Грищенко 2007 — А. И. Грищенко. Источники возникновения экспрессивных этнонимов (этнофолизмов) в современном русском и английском языках: этимологический, мотивационный и деривационный аспекты // Н. А. Николина (гл. ред.). Активные процессы в современной лексике и фразеологии: Материалы международной конференции 8–9 июня 2007 г. памяти Л. В. Нищенко и Ю. П. Солодуба (МПГУ). М.; Ярославль: Ремдер, 2007. С. 40–52.
- Грищенко, Николина 2006 — А. И. Грищенко, Н. А. Николина. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова (отв. ред.). Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография. (Труды Уральского МИОНа. Вып. 20). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. С. 175–187.
- Данилко 2020 — Е. С. Данилко. Конфликты, связанные с мигрантами, на Youtube.com // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 10–23. DOI: 10.31857/S086954150010045-9.
- Довгопольный 2006 — Я. Довгопольный. Этнофолизмы как прозвища с эмоционально-экспрессивной оценкой // Acta Neophilologica: Rocznik naukowy Instytutu Neofilologii Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego. 2006. VIII. S. 49–57.
- Мокшин 1991 — Н. Ф. Мокшин. Мордва — этноним или этнофолизм? // Советская этнография. 1991. № 4. С. 84–93.
- Петкова-Калева 2017 — С. Петкова-Калева. Языковая агрессия в интернет-форумах онлайн-изданий // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2017. № 11. С. 133–164.
- Радченко, Архипова 2018 — Д. Радченко, А. Архипова. Укроп и ватник: «язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // Ab Imperio. 2018. № 1. С. 191–220. DOI: 10.1353/imp.2018.0007.
- Романин 2017 — Е. Романин. Лексические способы пейоративной номинации «чужого» в русском, английском и испанском языках. Выпускная квалификационная работа. СПб.: СПбГУ, 2017.

- Фуфаева 2019 — И. Фуфаева. Как отобразить у обидчиков слово-оскорбление и превратить презрение в гордость. 2019 (электронный ресурс). URL: <https://knife.media/hate-speech-reappropriation> (дата обращения: 15.01.2024).
- Brontsema 2004 — R. Brontsema. A Queer Revolution: Reconceptualizing the Debate Over Linguistic Reclamation // *Colorado Research in Linguistics*. 2004. Vol. 17. Iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.25810/DKY3-ZQ57.
- Greenberg et al. 1988 — J. Greenberg, Sh. L. Kirkland, T. Pyszczyński. Some Theoretical Notions and Preliminary Research Concerning Derogatory Ethnic Labels // G. Smitherland-Donaldson, T. A. van Dijk (eds.). *Discourse and Communication*. Detroit: Wayne State University Press, 1988. P. 74–92.
- Palmore 1962 — E. B. Palmore. Ethnophaulisms and Ethnocentrism // *American Journal of Sociology*. 1962. Vol. 67. № 4. P. 442–445. DOI: 10.1086/223168.
- Popa-Wyatt 2020 — M. Popa-Wyatt. Reclamation: Taking Back Control of Words // *Grazer Philosophische Studien*. 2020. Vol. 97. P. 159–176. DOI: 10.1163/18756735-09701009.
- Roback 1944 — A. A. Roback: *A Dictionary of International Slurs (Ethnophaulisms): With a Supplementary Essay on Aspects of Ethnic Prejudice*. Cambridge MA: Sci-Art Publishers, 1944.
- Spears 2001 — R. A. Spears. *Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo, and Related Matters* (3rd revised & abridged ed.). New York: Signet, 2001.
- Zolyan 2020 — S. Zolyan: On the Soviet Post-Soviet “Otherness”: Caucasians, “Khachs”, and “Khachics” in Russian Nationalistic Internet Memes // *Journal of Postcolonial Linguistics*. 2020. № 4. P. 161–190.

Источники

- Дневник хача 2015 — Дневник Хача. 2015 (электронный ресурс). URL: <https://vk.com/dnevnikxacha> (дата обращения: 15.01.2024).
- Кузнецов 2000 — С. А. Кузнецов (общ. ред.). *Большой толковый словарь русского языка*, 1998 (электронный ресурс). URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 15.01.2024).
- Национальные прозвища — Национальные прозвища // *Русская энциклопедия «Традиция»* (электронный ресурс). URL: https://traditio.wiki/Национальные_прозвища (дата обращения: 15.01.2024).
- List — List of ethnic slurs // *Wikipedia, the free encyclopedia* (электронный ресурс). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_ethnic_slurs (дата обращения: 15.01.2024).

Zigeuner — Zigeuner // Wikipedia, die freie Enzyklopädie (электронный ресурс).
URL: <https://de.wikipedia.org/wiki/Zigeuner> (дата обращения: 15.01.2024).

References

- Berezovich, Gulik 2002 — E. L. Berezovich, D. P. Gulik. Onomasiologicheskiy portret «cheloveka etnicheskogo»: printsipy postroyeniya i interpretatsii [Onomasiological portrait of “Homo Ethnicus”: principles of construction and interpretation]. *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka v sopostavitel'nom lingvokulturologicheskom aspekte* [Encounters of ethnic cultures in the mirror of language in a comparative linguistic and cultural aspect]. Moscow: Nauka, 2002.
- Brontsema 2004 — R. Brontsema. A Queer Revolution: Reconceptualizing the Debate Over Linguistic Reclamation. *Colorado Research in Linguistics*. 2004. Vol. 17. Iss. 1. P. 1–17. DOI: 10.25810/DKY3-ZQ57.
- Danilko 2020 — E. S. Danilko. Konflikty, svyazannyye s migrantami, na Youtube.com [Conflicts related to migrants on the Youtube.com]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2020. No. 3. P. 10–23. DOI: 10.31857/S086954150010045-9.
- Dovgopolyy 2006 — Ya. Dovgopolyy. Etnofolizmy kak prozvizhcha s emotsional'no-ekspressivnoy otsenkoy [Ethnopholisms as nicknames with emotional and expressive markedness]. *Acta Neophilologica: Rocznik naukowy Instytutu Neofilologii Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiyego*. 2006. Vol. VIII. P. 49–57.
- Fufayeva 2019 — I. Fufayeva. Kak otobrat u obidchikov slovo-oskorbleniye i prevratit prezreniye v gordost [How to take away the offending word-insult and turn contempt into pride]. 2019. Available at: <https://knife.media/hate-speech-reappropriation> (accessed on: 15.01.2024).
- Greenberg et al. 1988 — J. Greenberg, Sh. L. Kirkland, T. Pyszczynski. Some Theoretical Notions and Preliminary Research Concerning Derogatory Ethnic Labels. G. Smitherland-Donaldson, T. A. van Dijk (eds.). *Discourse and Communication*. Detroit: Wayne State University Press, 1988. P. 74–92.
- Grishchenko 2007 — A. I. Grishchenko. Istochniki vozniknoveniya ekspressivnykh etnonimov (etnofolizmov) v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh: etimologicheskiy, motivatsionnyy i derivatsionnyy aspekty [Sources of the emergence of expressive ethnonyms (ethnopholisms) in modern Russian and English: etymological, motivational and derivational aspects]. N. A. Nikolina (eds.). *Aktivnyye protsessy v sovremennoy leksike i frazeologii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii 8–9 iyunya 2007 g. pamyati L. V. Nikolenko i Yu. P. Soloduba (MPGU)*. [Active processes in modern vocabulary and phraseology: Proceedings of the international conference on June 8–9, 2007 in memory of L. V. Nikolenko

- and Yu. P. Solodub (Moscow Pedagogical State University)]. Moscow, Yaroslavl: Remder, 2007. P. 40–52.
- Grishchenko, Nikolina 2006 — A. I. Grishchenko, N. A. Nikolina. Ekspressivnyye etnonimy kak primety yazyka vrazhdy [Expressive ethnonyms as signs of hate speech]. I. T. Vepreva, N. A. Kupina, O. A. Mikhaylova (eds.). *Yazyk vrazhdy i yazyk soglasiya v sotsiokulturnom kontekste sovremennosti: Kollektivnaya monografiya*. (Trudy Uralskogo MIONa). [Hate speech and consent speech in the socio-cultural context of modernity: A collective monograph. (Proceedings of the Ural MION. Iss. 20)]. Yekaterinburg: Ural University Press, 2006. P. 175–187.
- Mokshin 1991 — N. F. Mokshin. Mordva — etnonim ili etnofolizm? [*Mordva: ethnonym or ethnopholism?*]. *Sovetskaya etnografiya*. 1991. No. 4. P. 84–93.
- Palmore 1962 — E. B. Palmore: Ethnophaulisms and Ethnocentrism. *American Journal of Sociology*. 1962. Vol. 67. No. 4. P. 442–445. DOI: 10.1086/223168.
- Petkova-Kaleva 2017 — S. Petkova-Kaleva. Yazykovaya agressiya v internet-forumakh onlayn-izdaniy [Linguistic aggression in Internet forums of online periodicals]. *Problemy kognitivnogo i funktsionalnogo opisaniya russkogo i bolgarskogo yazykov*. 2017. No. 11. P. 133–164.
- Popa-Wyatt 2020 — M. Popa-Wyatt. Reclamation: Taking Back Control of Words. *Grazer Philosophische Studien*. 2020. Vol. 97. P. 159–176. DOI: 10.1163/18756735-09701009.
- Radchenko, Arkhipova 2018 — D. Radchenko, A. Arkhipova. Ukrop i vatnik: «yazyk vrazhdy» rossiysko-ukrainskogo konflikta kak napadeniye i zashchita [*Ukrop and Vatnik: The “hate speech” of the Russian-Ukrainian conflict as offense and defense*]. *Ab Imperio*. 2018. No. 1. P. 191–220. DOI: 10.1353/imp.2018.0007.
- Roback 1944 — A. A. Roback: A Dictionary of International Slurs (Ethnophaulisms): With a Supplementary Essay on Aspects of Ethnic Prejudice. Cambridge MA: Sci-Art Publishers, 1944.
- Romanin 2017 — E. Romanin. Leksicheskiye sposoby peyorativnoy nominatsii «chuzhogo» v russkom, angliyskom i ispanskom yazykakh [Lexical ways of pejorative nomination of “stranger” in Russian, English and Spanish languages]. Graduation paper. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 2017.
- Spears 2001 — R. A. Spears. Slang and Euphemism: A Dictionary of Oaths, Curses, Insults, Ethnic Slurs, Sexual Slang and Metaphor, Drug Talk, College Lingo, and Related Matters (3rd revised & abridged ed.). New York: Signet, 2001.
- Zolyan 2020 — S. Zolyan: On the Soviet Post-Soviet “Otherness”: Caucasians, “Khachs”, and “Khachics” in Russian Nationalistic Internet Memes. *Journal of Postcolonial Linguistics*. 2020. No. 4. P. 161–190.

О связи между грамматикализацией союза и интеграцией клаузы (на примере русских союзов следования)

О. Е. Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия); opekelis@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8924-4287

Аннотация. В статье исследуются клаузы со значением временного следования, вводимые союзами *прежде чем, раньше чем, перед тем как и до того как*, с точки зрения степени их интеграции с главной клаузой. На материале Национального корпуса русского языка обосновывается гипотеза, согласно которой степень интеграции адвербиальной клаузы взаимосвязана со степенью грамматикализации союза: чем слабее грамматикализован союз, тем выше степень интеграции вводимой союзом клаузы. Предварительный анализ демонстрирует ту же закономерность в поведении ряда других адвербиальных коннекторов — условных, причинных и уступительных союзов, а также дискурсивных маркеров, производных от союзов. Тем самым обратная связь между грамматикализацией союза и интеграцией клаузы имеет характер общей тенденции.

Ключевые слова: адвербиальные клаузы, временные клаузы, русский язык, грамматикализация, подчинение, дискурсивные маркеры, корпусные исследования.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00120. Автор признателен анонимному рецензенту журнала «Acta Linguistica Petropolitana» за советы и замечания.

On the relationship between grammaticalization of a subordinator and integration of a clause: A case study of Russian clauses of temporal subsequence

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia); HSE University (Moscow, Russia); opekelis@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8924-4287

Abstract. This paper investigates Russian clauses of temporal subsequence, introduced by the subordinators *prežde čem*, *ran ŷe čem*, *pered tem kak*, and *do togo kak*, in terms of their syntactic integration with the host clause. Based on Russian National Corpus data, the paper verifies the hypothesis that there exists a correlation between the degree of integration and the degree of grammaticalization: the less an adverbial subordinator is grammaticalized, the stronger is its integration with the host clause. To test this hypothesis, the above subordinators were compared by the degree of their grammaticalization. The three criteria of grammaticalization selected were the frequency of the so-called split usage of the subordinators, the frequency of their uses with non-predicative constituents, and their ability to take modifiers. The degree of integration was tested based on the well-known distinction between central, peripheral, and non-integrated adverbial clauses, as well as on the formal traits associated with each type. The resulting two grammaticalization and integration scales show that the subordinators are arranged in them in the reverse order with respect to each other. Even a cursory glance at the three other semantic classes of adverbial (conditional, causal, and concessive) clauses, as well as at the discourse markers deriving from the adverbial subordinators, suggests the existence of an inverse relationship between the degree of grammaticalization and the degree of integration. This relationship appears thus to represent a more general tendency characterizing the movement of a linguistic item along the scale *vocabulary* > *grammar* > *discourse*. Along the way, the study demonstrates that Russian clauses of temporal subsequence may show both the minimum and the maximum degree of integration. This runs contrary to the generally accepted view that temporal clauses are associated with a high degree of integration.

Keywords: adverbial clause, temporal clause, Russian, grammaticalization, subordination, discourse marker, corpus studies.

Acknowledgements. The work was supported by the Russian Science Foundation (grant № 22-18-00120). I am grateful to the anonymous *Acta Linguistica Petropolitana* reviewer, who provided helpful comments and corrections.

1. Введение

В генеративной литературе принято различать три типа адвербиальных клауз, противопоставленных по степени интеграции с главной клаузой: наиболее тесно интегрированные **центральные** клаузы (*central adverbial clauses*), промежуточные **периферийные** клаузы (*peripheral adverbial clauses*) и **неинтегрированные** клаузы (*non-integrated adverbial clauses*), обладающие наименьшей степенью интеграции [Frey 2012, 2016; Endo 2012; Badan, Haegeman 2022 и др.]. В основе этой классификации лежит представление о том, что интеграция клаузы определяется позицией, занимаемой ею в синтаксической структуре: клауза интегрирована тем теснее, чем ниже расположена позиция ее присоединения в составе главной клаузы (подробнее о центральных, периферийных и неинтегрированных клаузах в этих терминах см. *Раздел 3*).

В центре исследований, посвященных разграничению адвербиальных клауз по степени интеграции, до сих пор оказывались преимущественно два вопроса: о свойствах клауз каждого типа и об их синтаксической структуре. Но важным представляется и другой вопрос: о факторах, предопределяющих принадлежность клаузы к тому или иному типу. В поисках ответа в настоящей работе выдвигается следующая **гипотеза**: степень интеграции адвербиальной клаузы обратно взаимосвязана со степенью грамматикализации союза — низкая степень грамматикализации ассоциируется с тесно интегрированными клаузами.

Эта гипотеза проверяется на материале клауз, вводимых русскими временными союзами со значением следования: *прежде чем*, *раньше чем*, *перед тем как* и *до того как*. Анализ, основанный на данных Национального корпуса русского языка (НКРЯ), показывает, что по степени грамматикализации союзы выстраиваются в последовательность (1) (где *прежде чем* — наиболее грамматикализованный союз), а по степени интеграции — в последовательность (2) (где *прежде чем* вводит наименее тесно интегрированные клаузы), что отвечает выдвинутой гипотезе.

(1) *раньше чем* < *до того как*, *перед тем как* < *прежде чем*

(2) *прежде чем* < *до того как, перед тем как* < *раньше чем*.

С выбором временных союзов в качестве предмета исследования связаны два дополнительных вопроса. С одной стороны, временные клаузы ассоциируются с высокой степенью интеграции — более высокой, чем, например, причинные или сопоставительные [Haegeman 2003; Badan, Haegeman 2022]. Поэтому заслуживает внимания вопрос о том, возможны ли контрасты по степени интеграции внутри класса временных клауз. Наш материал показывает, что среди русских клауз со значением следования встречаются и центральные, и неинтегрированные клаузы, т. е. допускается и минимальная, и максимальная степень интеграции.

С другой стороны, ответа требует вопрос о том, ограничивается ли предполагаемая связь между степенью интеграции и степенью грамматикализации временными клаузами. Привлечение более широкого материала показывает, что эта связь имеет более общий характер: ее проявления обнаруживаются в русском языке у некоторых других адвербиальных клауз — причинных, уступительных и условных, а также у дискурсивных маркеров, производных от адвербиальных союзов. Дискурсивные маркеры могут считаться еще более грамматикализованными, чем союзы, при подходе к процессу образования дискурсивных маркеров, известном как *кооптация* [Narrog, Heine 2021: 315].

Вместе с тем за пределами адвербиальных (и производных от них) коннекторов обсуждаемая закономерность, по-видимому, не действует. Не углубляясь в это предположение, проиллюстрируем его на материале сентенциальных актантов. Известно, что в некоторых европейских языках, включая английский и немецкий, базовый комплементаризер, вводящий сентенциальные актанты (англ. *that*, нем. *dass*), грамматикализовался из указательного местоимения в составе конструкции с соположением клауз, ср. [*I believe that*], [*they like this*] > [*I believe [that they like this]*] [Harris, Campbell 1995: 287]. Очевидно, что степень интеграции клауз, вводимых *that* и *dass*, по мере их грамматикализации в качестве комплементаризеров росла, а не снижалась. Обратное соотношение между

степенью грамматикализации и степенью интеграции, предполагаемое нами для адвербиальных клауз, обусловлено, как кажется, распространенным в европейских языках сценарием происхождения адвербиальных союзов из грамматически связанных сочетаний слов, ср. все русские составные союзы, а также франц. *parce que* (из *par ce que* [Harris, Campbell 1995: 288]), англ. *as long as* и под. Подробнее об этом см. *Раздел 4*.

Статья имеет следующую структуру. В *Разделе 2* исследуется степень грамматикализации рассматриваемых союзов. В *Разделе 3* союзы сопоставляются по степени интеграции. В *Разделе 4* уточняется содержание связи между степенью интеграции и степенью грамматикализации. В *Разделе 5* к рассмотрению привлекаются союзы других семантических классов и дискурсивные маркеры.

2. О грамматикализации (лексикализации) союзов

Процесс образования временных союзов в русском языке находится на стыке двух явлений — лексикализации и грамматикализации. С одной стороны, переход цепочки слов в разряд цельного союза, т. е. отдельной лексической единицы, отвечает представлению о лексикализации [Brinton, Traugott 2005: 18]. С другой стороны, союз традиционно относят к грамматическим (служебным) частям речи, и в этом смысле образование союза из последовательности слов естественно считать грамматикализацией. Не только составные союзы, но и составные предлоги в разных языках иллюстрируют пересечение явлений лексикализации и грамматикализации [Brinton, Traugott 2005: 65].

В настоящем разделе союзы *прежде чем*, *до того как*, *перед тем как* и *раньше чем* рассмотрены с точки зрения трех параметров: частотность расчленения союза (*Раздел 2.1*), частотность его употребления в составе поли- и монопредикативных конструкций (*Раздел 2.2*) и сохранение валентностей источника грамматикализации (*Раздел 2.3*). Первый параметр тестирует цельность союза как

лексической единицы и поэтому скорее соотносится с лексикализацией. Второй и третий параметры более непосредственно связаны с грамматикализацией, а именно с таким ее проявлением, как декатегоризация, т. е. потеря грамматикализующейся единицей ее исходных морфосинтаксических свойств [Heine, Kuteva 2021: 72 ff.]. В качестве итога союзы ранжированы по степени грамматикализации / лексикализации (*Раздел 2.4*).

2.1. Расчлененность союза

Все четыре союза встречаются в т. н. расчлененном и нерасчлененном виде. Расчленение маркируется запятой на письме (ср. *прежде, чем*), паузой — в речи и может выражаться синтаксически — линейным разрывом между частями союза, как в (3)¹:

- (3) *Это до того было, как большой пожар случился.* [«Волга», 2015]²

Считается, что частотность расчленения взаимосвязана со степенью грамматикализации: чем частотнее расчленение, тем ниже степень грамматикализации [Kholodilova 2021]. Эта связь не безусловная, поскольку, например, наличие запятой может определяться громоздкостью союза, а наличие линейного разрыва — эмфатическим порядком слов (ср. (3)). Тем не менее последовательное поведение союза с точки зрения разных признаков расчленения дает основания судить о степени грамматикализации.

---

¹ Расчлененный и нерасчлененный варианты союзов различаются по целому ряду других признаков, синтаксических, семантических и коммуникативных. Одно из таких различий — презумптивный статус главной клаузы при расчлененном союзе и ассертивный при нерасчлененном — коротко упоминается в *Разделе 3* в связи со сферой действия модальных операторов. О некоторых других отличиях см., например, [Пекелис 2017].

² Здесь и далее примеры с указанием источника заимствованы в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru).

В *Таблице 1* представлены данные о частотности изучаемых союзов в подкорпусе текстов 1980–2017 гг. в составе Основного корпуса НКРЯ в зависимости от наличия разрыва между частями союза или, если разрыва нет, от наличия запятой. Можно видеть, что союз с наименьшей частотностью разрыва (*прежде чем*) реже других встречается с запятой, а союз с наибольшей частотностью разрыва (*раньше чем*) одновременно чаще других содержит запятую. Таким образом, два признака согласованы между собой, и по частотности расчленения союзы выстраиваются в последовательность (4) — от наименее склонного к расчленению *прежде чем* к наиболее склонному — *раньше чем*. Учитывая упомянутую обратную связь между частотностью расчленения и грамматикализацией, шкала (4) согласуется с предполагаемой шкалой грамматикализации (1).

(4) *прежде чем* < *перед тем как* < *до того как* < *раньше чем*.

Таблица 1. Частотность расчленения союзов (Подкорпус текстов 1980–2017 гг. Основного корпуса НКРЯ)³

Table 1. Frequency of split and non-split variants of the subordinators in 1980–2017 according to the Main corpus of the RNC

Союз	с разрывом	без разрыва		Всего	доля с разрывом	доля с запятой
		с запятой	б/запятой			
<i>прежде чем</i>	5	687	4894	5586	0,0009	0,12
<i>перед тем как</i>	1	882	1046	1929	0,0005	0,46
<i>до того как</i>	5	2111	283	2399	0,002	0,88
<i>раньше чем</i>	42	1245	97	1384	0,03	0,90

³ Образцы запроса: до на расстоянии 1 от «того» на расстоянии 1 от -как&-день & -время & -момент& -«что» на расстоянии от 1 до 5 от как; до на расстоянии 1 от «того» на расстоянии 1 от «как» асонта. В выборку с союзом *раньше чем* не вошли монопредикативные конструкции типа *приду не раньше чем через час* (см. о них подробнее *Раздел 2.2*). Примеры с разрывом отфильтрованы вручную. В выдаче без разрыва при отсутствии шума в первых 50 случайных примерах дальнейшей фильтрации не проводилось; в противном случае результаты фильтровались вручную.

2.2. Поли- и монопредикативность

Сочетание *раньше чем* встречается в конструкциях трех типов, различающихся степенью предикативности. Во-первых, *раньше чем* может вводить полноценную — развернутую — предикацию, как в (5):

- (5) *Я просто сделаю некоторые вещи раньше, чем планировалось.* [Переписка в ICQ между agd-ardin и Герда (17.03.2008)]

Во-вторых, *раньше чем* может вводить свернутую предикацию — именную группу (6), предложную группу (7) или группу наречия (8), которые могут быть «развернуты» в предикацию на уровне семантики⁴.

- (6) *Даже поисковые работы мы начали вести раньше, чем отряды поисковиков.* [«Новгородские ведомости», 2013] — ‘чем начали вести поисковые работы отряды поисковиков’
- (7) *Туда немцы пришли еще раньше, чем под Ленинград.* [Александр Городницкий. Я был как два разных человека — крамольный поэт и благонаправленный советский инженер (2015)] — ‘чем пришли под Ленинград’
- (8) *Антон сообразил, что (...) выскочил из дома раньше, чем обычно.* [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)] — ‘чем выскакивал обычно’

В-третьих, *раньше чем* может вводить непредикативную составляющую, которая не может быть развернута в предикацию даже на семантическом уровне. Такая конструкция возникает в том случае, когда *раньше чем* вводит обстоятельство времени, например, с предлогом *через* (9).

⁴ Вопрос о синтаксической структуре таких предложений, т. е., например, о том, правомерно ли усматривать в них эллипсис предиката, мы оставляем в стороне, поскольку ответ на него не имеет прямого отношения к нашим выводам.

- (9) *Проект окупит себя не раньше чем через пару лет.* [«Эксперт», 2014] — *не раньше чем окупит себя через пару лет

Этимологическим источником союза *раньше чем* выступает сравнительная форма наречия *рано*. Ни одна из трех перечисленных конструкций не является особенностью собственно союза — все три доступны и для сравнительной формы наречия. Ср. развернутую предикацию (10), свернутую предикацию (11) и непредикативную конструкцию (12) с наречием *быстро*, которое не имеет союзных употреблений:

- (10) *Мы можем задохнуться быстрее, чем помрем с голоду.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (11) *Объемы потребления растут гораздо быстрее, чем плановое увеличение финансирования.* [«Воздушно-космическая оборона», 2002]
- (12) *Быстрее, чем за два с половиной года подобный объем работы им не поднять.* [«Мебельный бизнес», 15.08.2003]

Вместе с тем можно предположить, что у слабо грамматикализованного союза частотность употреблений с развернутой предикацией, с одной стороны, выше, чем у формы сравнительной степени, не имеющей союзных употреблений (ср. *быстрее, чем*), а с другой стороны, ниже, чем у союзов, заметно продвинувшихся по пути грамматикализации. Как раз такую картину демонстрирует материал НКРЯ; особенно показательно сравнение *раньше чем* с *прежде чем*, поскольку *прежде чем* также восходит к форме сравнительной степени [Фасмер 1987а: 357] и, значит, должен быть предрасположен к тем же или похожим синтаксическим паттернам. Данные о частотности союзов в зависимости от объема вводимой составляющей представлены в Таблице 2 (с. 196); различие между *раньше чем* и *прежде чем*, *раньше чем* и *быстрее чем* статистически значимо (критерий χ^2 , $P < 0,01$).

Таким образом, с точки зрения предикативного статуса вводимой составляющей *раньше чем* оказывается достаточно грамматикализованным, чтобы считаться союзом, а не только формой сравнительной степени, но из четырех союзов — наименее грамматикализованным.

Таблица 2. Сопоставительная частотность *prezhde chem*, *ranshe chem*, *pered tem kak*, *do togo kak* по объему вводимой составляющей (Подкорпус 1980–2017 гг. Основного корпуса НКРЯ)⁵

Table 2. Comparative frequency of *prezhde chem*, *ranshe chem*, *pered tem kak* and *do togo kak* with predicative and non-predicative constituents in 1980–2017 according to the Main corpus of the RNC

	Развернутая предикация	свернутая предикация			не-предикация (через/за X)	не-развернутая предикация — ВСЕГО	доля развернутой предикации
		ИГ	ПрГ	ГНар			
<i>раньше чем</i>	581	29	40	7	209	285	0,7
<i>прежде чем</i>	1844	1	0	0	0	1	0,999
<i>перед тем как</i>	327	0	0	0	0	0	1
<i>до того как</i>	1678	0	0	0	0	0	1
<i>быстрее чем</i>	124	26	21	14	16	77	0,6

⁵ В качестве непредикативных рассматривались сочетания с предлогом *через* (характерным для *раньше чем*) и *за* (характерным для сравнительной формы *быстрее*), ср. *не раньше чем через два часа*, *быстрее чем за час*. При отсутствии шума в первых 50 случайных примерах дальнейшей фильтрации не проводилось; в противном случае результаты фильтровались вручную. Образцы запросов: *прежде чем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 2 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 3 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 4 v & indic, -amark, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 5; *перед тем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 как, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 3 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 4 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 5 v & indic, -amark, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 6; *до того*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 как, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 s, -amark & bdot, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 3; *раньше чем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 -через, pr, -amark, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 s, -amark & bdot, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 3; *раньше чем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 adv, -amark & bdot, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2; *раньше чем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 через|за, pr, -amark, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2.

2.3. Сохранение валентностей

В качестве еще одного симптома грамматикализации рассмотрим наличие у союза активных или пассивных синтаксических валентностей, имевшихся у «источника» грамматикализации: сохранение такой валентности может указывать на незавершившуюся грамматикализацию. Источником грамматикализации в нашем случае являются формы сравнительной степени *раньше* и *прежде* и предлоги *перед* и *до*. По этому признаку союз *прежде чем* снова ведет себя как наиболее грамматикализированный: в современном языке он не присоединяет модификаторов, ср. неуместность замены *раньше чем* на *прежде чем* в (13) и (14) (хотя без модификаторов замена была бы возможна).

- (13) <...> *Он молниеносно выпрыгивал из воды и вцеплялся в ограду значительно раньше, чем я успевал отдернуть руку.* [«Юный натуралист», 1975]
- (14) *Голосование началось несколько раньше, чем положено регламентом.* [Lenta.ru, 2016.05]

Заметим, что, в отличие от сочетания *раньше чем*, которое в современном языке функционирует и как союз, и как форма сравнительной степени, *прежде* в качестве формы сравнительной степени устарело. Сегодня слово *прежде* может выступать как часть союза и как наречие [НОСС 2004: 943]; присоединение модификаторов для него нехарактерно в обоих случаях (за исключением таких модификаторов, как наречие *еще*, которым в целом свойственно сочетаться с наречиями и союзами). Однако еще в XVIII–XIX вв., на более раннем этапе грамматикализации, *прежде* употреблялось как форма сравнительной степени и присоединяло модификаторы. Ср.:

- (15) *И будет это скоро, гораздо прежде, чем вы до моих лет доживете.* [Н. С. Лесков. Некуда (1864)]
- (16) <...> *Варяги особливое пристанище и житительство избрали в Киеве и сокровища прятали в тамошних пещерах еще задолго*

прежде создания монастыря Печерского. [М. В. Ломоносов. Древняя российская история. Фрагменты (1754–1758)]

В отличие от *прежде чем*, союзы *раньше чем*, *перед тем как* и *до того как* частично сохранили валентности источника, т. е. по этому признаку грамматикализованы слабее, ср. (13)–(14) и (17)–(18).

- (17) *Датчики зафиксировали задымление непосредственно перед тем, как самолет упал в море.* [«Парламентская газета», 2016.05]
- (18) *Я зашел за ней незадолго до того, как окончательно стемнело.* [Олег Гладов. Любовь стратегического назначения (2000–2003)]

2.4. Союзы на шкале грамматикализации / лексикализации

Рассмотренные признаки грамматикализации указывают на то, что из четырех союзов наименее грамматикализован *раньше чем* и наиболее — *прежде чем*, что соответствует шкале (1), повторенной ниже:

- (19) *раньше чем* < *до того как*, *перед тем как* < *прежде чем*

3. О степени интеграции клауз

Степень интеграции клауз, вводимых *раньше чем*, *прежде чем*, *перед тем как* и *до того как*, мы проверяем с помощью двух признаков:

1. Способность союза быть вне сферы действия операторов модальности и отрицания, входящих в состав главной клаузы (см. Раздел 3.2);

2. Способность союза употребляться иллокутивно (см. *Раздел 3.3*).

Оба признака связаны со структурными различиями между центральными, периферийными и неинтегрированными клаузами. Скажем об этих различиях подробнее.

Считается, что центральные клаузы присоединяются (*attach*) к главной клаузе на уровне проекции T(ense) P(hrase), периферийные клаузы — выше, на уровне проекции иллокутивной силы (*Force*), тогда как неинтегрированные клаузы не образуют с главной клаузой единой синтаксической составляющей, а соединяются с ней только семантически [Frey 2012, 2016]. Обобщая гипотезы, высказывавшиеся о структуре предложения в рамках картографического синтаксиса (см. в особенности [Rizzi 1997: 297; Cinque 1999: 106, 124; Krifka 2013: 5]), расширенную проекцию глагола можно представить в виде схемы (20):

(20) Force > Modality_{epistemic} > (Negation) > TP > (Negation) > VP

Опираясь на эту структуру и изложенные представления о синтаксических различиях между клаузами разных типов, мы проанализируем взаимодействие изучаемых союзов с операторами эпистемической модальности, деонтической модальности и отрицания (признак 1). Заметим, что деонтическую модальность (не отраженную в (20)) принято соотносить с более низким уровнем структуры, чем эпистемическую [Cinque 1999: 198]. Мы будем исходить из того, что, если выражаемое союзом семантическое отношение с необходимостью оказывается внутри сферы действия модальных и/или отрицательных операторов, это указывает на то, что союз вводит центральную клаузу, т. е. интегрирован тесно [Haegeman 2003; Frey 2023 и др.]. Напротив, если выражаемое союзом отношение может быть вне сферы действия таких операторов, союз вводит периферийную или неинтегрированную клаузу, т. е. интегрирован слабо.

Признак 2 — способность союза употребляться иллокутивно, т. е. соединять зависимую пропозицию с иллокутивной модальностью главной — позволяет отличить неинтегрированные клаузы

от остальных: считается, что только союзы, вводящие неинтегрированные клаузы, способны употребляться иллокутивно [Frey 2016; Vadan, Naegeman 2022]. Это также принято связывать с особенностями синтаксической структуры: неинтегрированная клауза соединена с главной клаузой только семантически, а значит, расположена в структуре предложения выше проекции иллокутивной силы главной клаузы.

Но начнем мы с вопроса, не имеющего непосредственного отношения к перечисленным признакам интеграции: это вопрос о статусе клауз, вводимых исследуемыми союзами, в терминах сочинения и подчинения (см. *Раздел 3.1*). До сих пор мы обсуждали такие клаузы, как адвербиальные и, следовательно, подчинительные, следуя русской грамматической традиции. Но эта трактовка требует обоснования — особенно в контексте выделения среди адвербиальных клауз класса неинтегрированных клауз. Последние, как отмечено выше, считаются синтаксически свободными, что сближает их с сочиненными клаузами.

3.1. Признаки подчинения

Вопрос о разграничении неинтегрированных и сочиненных клауз, насколько нам известно, не имеет общепринятого решения. В настоящей работе мы придерживаемся подхода, намеченного в [Pekelis 2022], согласно которому сочиненная клауза устроена так же, как неинтегрированная, на уровне синтаксиса — она синтаксически свободна — но интегрирована слабее, чем неинтегрированная клауза, на уровне дискурса. К формальным проявлениям этого различия мы относим способность союзов, вводящих неинтегрированные клаузы, занимать начальную позицию в предложении и отсутствие такой способности у сочинительных союзов [Ibid.]. В литературе этот признак известен как общий критерий сочинения и подчинения [Тестелец 2001: 262; Belyaev 2015: 41].

Союзы *раньше чем, прежде чем, перед тем как и до того как* допускают начальную позицию, т. е. ведут себя как подчинительные по этому критерию:

- (21) *Раньше, чем Вы прочтете это письмо, я не решусь ехать к Вам.* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)]
- (22) *Прежде чем пригубить из бокала, слегка облизни губы.* [«Даша», 2004]
- (23) *Перед тем как лечь, я заглянул в «коробочку».* [«Трамвай», 1990]
- (24) *До того как стать директором Саратовского цирка, Иосиф Вениаминович Дубинский был крупным руководителем.* [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995–1999)]

Существенно, что начальная позиция совместима с иллюкутивным употреблением: последнее, напомним, доступно среди адвербиальных клауз только неинтегрированным, т. е. тем, отличие которых от сочинительных клауз наиболее зыбко. Среди рассматриваемых союзов употребляться иллюкутивно может только *прежде чем* (см. подробнее *Раздел 3.3*), и в этом случае он может занимать начальную позицию (25). Таким образом, даже в контексте, демонстрирующем слабую интеграцию клаузы с *прежде чем*, этот союз ведет себя как подчинительный.

- (25) *Так всё-таки / прежде чем говорить о методах замедления старения / что ж такое старение все-таки?* [Анатомия старения. Программа «Гордон» (НТВ) (2001)]

Аналогичный результат дает применение и некоторых других критериев сочинения и подчинения. Так, клаузы со всеми четырьмя союзами допускают гнездование, т. е. вложение внутрь главной клаузы [Тестелец 2001: 259; Belyaev 2015: 41]:

- (26) *Но здесь, раньше чем пойти дальше, придется остановиться на минуту.* [Борис Ефимов. Десять десятилетий (2000)]
- (27) *Он, прежде чем открыть дверь, брал в руки скрипку, приготовленную заранее в прихожей.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

- (28) *⟨...⟩ Некоторые рекомендуют, перед тем как вливать масло, добавить в смесь немного готового майонеза.* [«Кот Шрёдингера», 2016]
- (29) *Дом, до того как его продали, казался мне мрачным корнем несчастий всей нашей семьи.* [Марина Палей. Поминование (1987)]

В контексте всех четырех союзов главная клауза может быть помещена в фокус вопроса, общего или частного (30)–(33). При сочинении, согласно т. н. ограничению на сочиненную структуру (*Coordinate Structure Constraint*, [Ross 1967]), это невозможно⁶.

- (30) *⟨...⟩ Удается ли остановить глобальное потепление раньше, чем изменения климата станут необратимыми?* [«Знание — сила», 2011]
- (31) *Сколько пройдет неторопливая лошадь, прежде чем решит остановиться?* [«Дальний Восток», 2019]
- (32) *А что там находилось до того, как он стал музеем во второй раз?* [«Знание — сила», 2003]
- (33) *Какая была последняя мысль перед тем, как ты решила позвонить мне?* [Марина Полетика. Однажды была осень (2012)]

---

⁶ Заметим, что критерий гнездования и ограничение на сочиненную структуру, в отличие от критерия «позиция союза», отличают тесно интегрированные клаузы (центральные) не только от сочиненных, но и от подчиненных слабо интегрированных. Так, иллокутивное употребление союза, ассоциируемое с неинтегрированными клаузами, несовместимо с гнездованием:

- (i) *??Что же такое, прежде чем говорить о методах замедления старения, старение все-таки?*

Отсюда следует, что союз *прежде чем* может вводить и тесно интегрированные клаузы (например, в конструкции с гнездованием), и слабо интегрированные (например, при иллокутивном употреблении). Мы вернемся к этому вопросу в Разделе 4.

В своей совокупности рассмотренные критерии подтверждают наличие у всех четырех союзов подчинительного статуса, а значит, и правомерность отнесения вводимых ими клауз к классу адвербиальных.

3.2. Сфера действия модальных операторов и отрицания

В настоящем разделе исследуется взаимодействие изучаемых союзов с операторами эпистемической модальности (см. *Раздел 3.2.1*), деонтической модальности (см. *Раздел 3.2.2*) и отрицания (см. *Раздел 3.2.3*). В особом — микродиахроническом — ракурсе рассматривается союз *раньше чем* (см. *Раздел 3.2.4*): по данным НКРЯ, за последние сто лет он поменял свое поведение с точки зрения изучаемых свойств.

3.2.1. Эпистемическая модальность

Интересующий нас вопрос состоит в том, при каких из рассматриваемых союзов временное значение может не включаться в сферу действия оператора эпистемической модальности, входящего в состав главной клаузы. Анализ примеров показывает, что такое возможно при *прежде чем*, *перед тем как* и *до того как* и невозможно — при *раньше чем*. Так, в (34) оператор *может быть* относится к пропозиции главной клаузы ('до того, как этот лев попался ко мне в ловушку, может быть, он его съел?'), но не к значению, выражаемому союзом ('#“может быть, лев его съел до того, а не после того, как попался в ловушку?”). *Прежде чем* можно заменить здесь на *до того как* или *перед тем как*, но не на *раньше чем*⁷:

- (34) *Может быть, его этот самый лев съел, прежде чем* (^{OK}*перед тем как*, ^{OK}*до того как*, ^{??}*раньше чем*) *ко мне в ловушку попался?* [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)]

---

⁷ Оценка модифицированных корпусных примеров здесь и далее опирается на интуицию автора и шести опрошенных им информантов.

В (35) подразумевается значение ‘прежде, чем попасть в Италию, плащаница, возможно, пересекла полмира’ (обозначим его MOD<T), при котором время не входит в сферу действия эпистемического оператора. Значение ‘плащаница, возможно, пересекла полмира до того, а не после того, как попала в Италию’, при котором время включено в сферу действия модальности (MOD>T), в (35) не выражено. И снова замена *прежде чем* на *раньше чем* неудачна.

(35) Упоминается и другая версия — вывезенная из Святой Земли плащаница могла пересечь полмира, прежде чем (^{OK}перед тем как, ^{OK}до того как, ^{??}раньше чем) попала в Италию. [Lenta.ru, 2015.10]

В (34) и (35) фигурируют нерасчлененные варианты союзов. Между тем при расчлененном союзе временное значение, по-видимому, чаще оказывается внутри сферы действия модальности, поскольку в этом случае главная клауза склонна иметь статус семантической презумпции, т. е. не подвергаться воздействию логических операторов (см. [Падучева 1977] об этой особенности расчлененного союза *потому, что*)⁸. Так, в (36), в отличие от (35), подразумевается значение MOD>T: ‘плащаница, возможно, пересекла полмира до того, а не после того, как попала в Италию’. Показательно, что здесь замена *прежде, чем* на *раньше, чем* допустима. Заметим, что, поскольку контекст в (35) и (36) один и тот же, разное поведение *раньше чем* в этих примерах не может быть объяснено другими (не связанными с эффектом расчленения) семантическими различиями между союзами (см. о них, например, [Хализева 1969; Барентсен, Пупынин 1999; Храковский 2005: 37]).

⁸ Для временных союзов эта закономерность соблюдается не строго. Так, в (i) временное значение не входит в сферу действия отрицания при главном предикате несмотря на то, что союз расчлененный (подробнее о сфере действия отрицания см. *Раздел 3.2.3*):

(...) *Обвинители не проконсультировались с экспертами перед тем, как привлекли меня к суду.* [Vesti.ru, 2015.09] — ‘до того, как привлечь меня к суду, обвинители не проконсультировались с экспертами’

- (36) *Вывезенная из Святой Земли плащаница могла пересечь полмира прежде, чем (^{OK}раньше, чем) попала в Италию.*

Для сравнения: значение MOD>T при союзе *раньше чем* не ограничено расчлененным употреблением. В (37) фигурирует союз *прежде чем*, не имеющий таких формальных признаков расчленения, как разрыв или запятая. Выражаемое им временное значение находится в сфере действия модального оператора (MOD>T): ‘снайпер может застрелить Артура до того, а не после того, как тот убьет заложницу’. Замена *прежде чем* на *раньше чем* в этом случае допустима:

- (37) *А там, понятное дело, уже будет сидеть снайпер, и он, улучив момент, может застрелить Артура — прежде чем (^{OK}раньше чем) тот убьет заложницу. [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]*

3.2.2. Деонтическая модальность

Как и в случае с эпистемической модальностью, при деонтической модальности временное значение может быть вне сферы действия модального оператора при союзах *прежде чем*, *перед тем как* и *до того как*, но не при *раньше чем*. Так, именно значение MOD<T подразумевается в (38): ‘до того, как АЗС начнет работать, нужно пройти массу экспертиз’. Значение MOD>T ‘нужно пройти массу экспертиз до того, а не после того, как АЗС начнет работать’ в (38) не выражено. В этом случае союз *раньше чем* неуместен:

- (38) *Нужно пройти массу экспертиз и согласований, перед тем как (^{OK}прежде чем, ^{OK}до того как, ??раньше чем) АЗС начнет реально работать. [«Комсомольская правда», 2009.10]*

Однако в (39) и (40), где союз расчлененный, подразумевается значение MOD>T, и союз *раньше, чем* допустим:

- (39) *Нужно пройти экспертизы и согласования до того, как (^{OK}раньше, чем) АЗС начнет работать.*

- (40) *Вам надо убить побольше противников раньше, чем убьют вас.* [«Новая газета», 2016.12]

3.2.3. Отрицание

По этому признаку особое поведение снова демонстрирует союз *раньше чем* — он с необходимостью включается в сферу действия отрицания (NEG>T). В примере (41) отрицается не то, что будет выслано приглашение, а то, что это будет сделано раньше оформления развода:

- (41) *⟨...⟩ Пара не будет высылать приглашения раньше чем будет юридически оформлен развод Мосс с мужем, музыкантом Джейми Хинсом.* [Lenta.ru, 2016.09]

Напротив, в (42) временное значение не входит в сферу действия отрицания (NEG<T): отрицается здесь то, что технологии успеют протестировать, а не то, что их успеют протестировать до того, как они попадут на массовый рынок. В противном случае ожидалась бы импликация ‘успеют протестировать после того, как попадут на массовый рынок’, которой в (42) нет. Замена *прежде чем* на *раньше чем* в этом случае неудачна:

- (42) *⟨...⟩ Технологии не успеют протестировать, прежде чем (?раньше чем) они попадут на массовый рынок.* [Lenta.ru, 2017.02]

Для сравнения: замена *прежде чем* на *раньше чем* кажется уместной в (43), где *прежде чем* входит в сферу действия отрицания (NEG>T): ‘мы не сможем восстановиться до того, как будет наведен порядок, а после того — сможем’.

- (43) *Мы ⟨...⟩ не сможем восстановиться, прежде чем (OKраньше чем) будет наведен порядок в балансах банков.* [Vesti.ru, 2009.04]

Для союзов *перед тем как* и *до того как*, как и для *прежде чем*, значение NEG<T доступно. В (44) и (45), где оно представлено, замена союза на *раньше чем* затруднена:

- (44) *Петерсон не прошел психологическое обследование перед тем, как (?раньше чем) был принят на работу в ноябре 2006 года.* [Lenta.ru, 2007.10]
- (45) *А вот учиться на ходу вредно. Можно не успеть научиться до того как (?раньше чем) придется применять самому на практике.* [Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008)]

3.2.4. Раньше чем: данные микродиахронии

Данные НКРЯ свидетельствуют о том, что свойства показателя *раньше чем* еще сто лет назад отличались от современных: в текстах конца XIX — первой половины XX в. обнаруживаются примеры, где значение *раньше чем* не входит в сферу действия отрицания или оператора деонтической модальности. Так, в (46) нет импликации ‘после того, как вы пуститесь в дальнейшее странствие, вы откажете мне в удовольствии видеть вас своими гостями’, которая ожидалась бы, если бы временное значение входило в сферу действия отрицания. Ср. пример (47), где значение *раньше чем* входит в сферу действия отрицания и соответствующая импликация имеется: ‘герой не может уйти до того, как закончится трагедия, а после — может’.

- (46) *⟨...⟩ Вы не откажете мне в удовольствии видеть вас своими гостями в течение нескольких дней, раньше чем вы пуститесь в дальнейшее странствование?* [Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)]
- (47) *⟨...⟩ Герой не может уйти со сцены раньше, чем закончится трагедия и отгремят все битвы...* [«Знание — сила», 2003]

В (48) речь идет о том, что до того, как издавать законы, их нужно обдумать (MOD<T), а не о том, что обдумать их нужно до того, а не после того, как издавать (MOD>T). Аналогично в (49) говорится о необходимости их учить (MOD<T), но не о том, что учить их надо до того, а не после того, как допускать к власти:

- (48) *Законы против фальсификации нужно много раз обдумать, раньше чем их издать.* [Ф. Ф. Эрисман. Пищевая гигиена (1871–1908)]
- (49) *Учить их надо, учить, раньше чем допускать к власти!* [С. И. Иловайская. Отрывки из дневника (1917)]

Для сравнения: значение MOD>T возникает при модификации нерасчлененного *раньше чем* в расчлененный:

- (50) *Законы против фальсификации нужно обдумать раньше, чем их издавать.*
- (51) *Учить их надо раньше, чем допускать к власти.*

В подкорпусе второй половины XX в. Основного корпуса НКРЯ такие примеры встречаются лишь у одного автора в текстах богословского содержания:

- (52) *Вот те вступительные понятия, которые, мне кажется, надо продумать, пережить, к которым надо подойти, раньше чем вступить в конкретный подвиг духовной жизни.* [Митрополит Антоний (Блум). Внутреннее молчание (1992)]

Перечисленным фактам можно предложить следующую предварительную интерпретацию (более тщательное изучение истории *раньше чем* остается за рамками статьи). Вероятно, пик грамматикализации *раньше чем* в качестве союза пришелся на первую половину XX в., а затем произошел откат (*retraction* [Narrog, Heine 2021: 280]). Это предположение согласуется с нашей гипотезой об обратной связи между степенью грамматикализации и степенью интеграции: более высокая степень грамматикализации *раньше чем* столетие назад позволяла интегрировать союз слабее, чем сегодня, т. е. присоединять его выше, а не ниже узла деонтической модальности и отрицания в синтаксической структуре. Кроме того, предположение об откате в грамматикализации косвенно подтверждается данными о частотности *раньше чем*, вводящего предикативную составляющую, на протяжении XX в. Согласно графику НКРЯ (см. Рис. 1),

во второй половине XX в. по сравнению с первой эта частотность несколько снизилась.

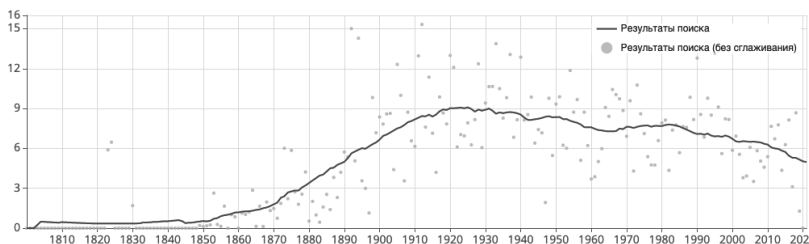

Рис. 1. Частотность *раньше чем*, вводящего клаузу, после 1800 г. (НКРЯ)⁹
 Fig. 1. Frequency of the subordinator *ranshe chem* introducing a clause after 1800 (RNC data)

3.2.5. Сфера действия модальности и отрицания: итоги

Данные о сфере действия операторов модальности и отрицания в контексте изучаемых союзов резюмированы в *Таблице 3* (с. 210). Подчеркнем, что речь идет о свойствах союзов в современном языке: как мы видели на примере *раньше чем*, эти свойства еще сто лет назад могли отличаться.

Союзы *прежде чем*, *перед тем как* и *до того как* ведут себя одинаково: все они способны быть вне сферы действия операторов эпистемической модальности, деонтической модальности и отрицания. Это позволяет предположить, что они могут занимать высокую позицию в синтаксической структуре — выше уровня эпистемической модальности (ср. схему (20)) и, значит, степень их интеграции может

⁹ Использовался следующий запрос: *раньше чем*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 -через & -за, -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 2 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 3 -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 4 v & indic, -amark, на расстоянии от 0 до 1 от Слова 5.

быть невысокой. Напротив, союз *раньше чем* с необходимостью помещается внутри сферы действия модальных операторов и отрицания, т. е. интегрирован теснее других союзов.

Таблица 3. Сфера действия модальности и отрицания: обобщение

Table 3. Scope of modals and negation: summary

	MODepist<T	MODdeon<T	NEG<T
<i>раньше чем</i>	–	–	–
<i>до того как</i>	+	+	+
<i>перед тем как</i>	+	+	+
<i>прежде чем</i>	+	+	+

3.3. Иллокутивное употребление союзов

Под иллокутивным понимают такое употребление союза, при котором он связывает пропозициональное содержание одной клаузы с иллокутивной модальностью другой [Sweetser 1990; Падучева 1985: 46]. Напомним, что способность употребляться иллокутивно ассоциируется с низкой степенью интеграции вводимой союзом клаузы: употребляться иллокутивно могут только неинтегрированные клаузы (см. выше).

Среди рассматриваемых четырех союзов употребляться иллокутивно может, по-видимому, только *прежде чем*. Так, в (53) и (54) *прежде чем* связывает пропозицию зависимой клаузы с иллокутивной модальностью вопроса, входящей в смысл главной. Подобных примеров с тремя другими союзами в НКРЯ обнаружить не удалось. Замена *прежде чем* на *раньше чем*, *перед тем как* или *до того как* в (53) и (54) кажется неудачной (для союза *перед тем как*, возможно, несколько менее неудачной, чем для двух других союзов).

- (53) *Прежде чем* (^{??}*раньше чем*, [?]*перед тем как*, ^{??}*до того как*) мы начнем экзамены, есть ли у кого-нибудь вопросы? [Коллекция анекдотов: институт (1970–2000)]

- (54) (=25)) *Так все-таки / прежде чем* (^{??}*раньше чем,* [?]*перед тем как,* ^{??}*до того как*) *говорить о методах замедления старения / что ж такое старение все-таки?* [Анатомия старения. Программа «Гордон» (НТВ) (2001)]

Таким образом, по этому критерию среди четырех союзов *прежде чем* допускает наименьшую степень интеграции.

3.4. Союзы на шкале интеграции: итоги

По двум рассмотренным признакам — сфера действия операторов и способность употребляться иллокутивно — изучаемые союзы выстраиваются в шкалу (2), повторенную в (55), — от наименее тесно интегрированного *прежде чем* к наиболее тесно интегрированному *раньше чем*:

- (55) *прежде чем* < *перед тем как,* *до того как* < *раньше чем.*

4. К уточнению связи между грамматикализацией и интеграцией

Рассмотренные данные подтверждают нашу гипотезу о том, что по мере продвижения показателя по пути грамматикализации степень интеграции вводимой им клаузы ослабляется. В самом деле, на шкале грамматикализации (1) и шкале интеграции (2) (повторенных ниже для удобства изложения) союзы ранжированы в противоположном порядке:

- (56) союзы на шкале грамматикализации:
раньше чем < *перед тем как,* *до того как* < *прежде чем*
- (57) союзы на шкале интеграции:
прежде чем < *перед тем как,* *до того как* < *раньше чем*

Однако (57) характеризует различия между союзами в терминах интеграции не исчерпывающим образом. Важное дополнение к (57) состоит в том, что союзы *прежде чем*, *перед тем как* и *до того как* могут вводить не только слабо интегрированные, но и тесно интегрированные клаузы. Замечено, в самом деле, что во многих случаях один и тот же союз может вводить клаузы разных типов, т. е. не обязательно соотносится с одной-единственной степенью интеграции. Так, в немецком языке, согласно интерпретации [Freu 2016], причинный союз *da* может вводить периферийные и неинтегрированные клаузы.

Прежде чем, по-видимому, может вводить клаузы и с наибольшей (центральные), и с наименьшей (неинтегрированные) степенью интеграции. О способности *прежде чем* вводить центральные клаузы свидетельствуют примеры, в которых *прежде чем* находится внутри сферы действия отрицания, как в (58). На то, что *прежде чем* может вводить неинтегрированные клаузы, указывает его способность употребляться иллокутивно (см. *Раздел 3.2*).

- (58) <...> *Лишь бы его не остановили, прежде чем он изучит ход сосудов в легких.* [«Наука и жизнь», 2008] — ‘лишь бы его не остановили прежде, чем он изучит ход сосудов, а после пусть останавливают’ (NEG>T)

Перед тем как и *до того как* не вводят неинтегрированные клаузы, поскольку не употребляются иллокутивно, но степень вводимых ими клауз тоже может быть разной. С одной стороны, *перед тем как* может входить в сферу действия оператора деонтической модальности, как в (59), а *до того как* — в сферу действия отрицания, как в (60), сближаясь с тесно интегрированным *раньше чем*.

- (59) *Что тут думать! Думать надо было перед тем, как вы затеяли хлопобудию!* [Владимир Орлов. Альтист Данилов (1980)] — ‘думать надо было до того, как затеяли хлопобудию, а не после’ (MOD>T)
- (60) *В случае необходимости, исходя из давнего принципа самообороны, мы не исключаем использование силы до того как произойдет нападение на США.* [«Известия»,

2006.03] — ‘Не исключаем использование силы до того, а не после того, как произойдет нападение на США’ (NEG>T)

С другой стороны, как мы видели в *Разделе 3.1*, союзы *перед тем как* и *до того как* могут быть и вне сферы действия модальных операторов и отрицания, т. е. могут отличаться от *раньше чем* в сторону меньшей интеграции¹⁰.

Таким образом, в уточненной формулировке наша гипотеза состоит в следующем:

(61) Чем сильнее грамматикализован союз, тем более низкой может быть степень интеграции клаузы, вводимой этим союзом.

Попытаемся понять в первом приближении, что стоит за этой закономерностью. Все рассмотренные союзы происходят из сочетания нескольких слов. Внутри каждого такого сочетания на этапе, предшествующем грамматикализации, действует связь, напоминающая связь между предикатом и его актантом, ср. связь между *раньше* и *чем, тем* и *как* и под. (например, у сравнительной степени *раньше* имеется актант, вводимый союзом *чем*). В процессе грамматикализации внутренняя связь между словами укрепляется: из грамматической — актантной — она становится лексической. Но вместе с тем видоизменяется грамматическая связь с внешним контекстом: показатель приобретает свойства союза, вводящего сентенциальное обстоятельство. Обстоятельства интегрированы слабее, чем актанты (см., например, [Freu 2023]), так что по мере грамматикализации актантная, более тесная интеграция сменяется сирконстантной, более слабой. В литературе отмечались и другие примеры того, как в ходе грамматикализации внутренняя связь компонентов грамматикализуемой единицы крепнет, а связь целого с внешним контекстом, наоборот, ослабляется, см. в особенности [Heine et al. 2021: 77–78].

---

¹⁰ Отдельный вопрос состоит в том, клаузы какого синтаксического типа входят *перед тем как* и *до того как* в последнем случае: периферийные или, как и *раньше чем*, центральные, но менее тесно интегрированные, чем центральные клаузы, вводимые *раньше чем*. Этот вопрос остается за рамками статьи.

5. Более широкая перспектива

Как упоминалось во *Введении*, временные клаузы тяготеют к более тесной интеграции, чем, например, причинные. Это означает, что семантика выражаемого союзом отношения сама по себе относится к числу факторов, определяющих степень интеграции. Поэтому проверять эффект грамматикализации (как еще одного фактора, влияющего на степень интеграции) имеет смысл применительно к союзам, выражающим одно и то же или похожее семантическое отношение. До сих пор мы следовали этому принципу, ограничиваясь союзами со значением следования. В настоящем разделе демонстрируется, что эффект грамматикализации виден и на материале адвербиальных клауз других семантических классов: причинных, уступительных, условных (см. *Раздел 5.1*). Кроме того, тот же эффект можно усматривать в феномене дискурсивных маркеров, производных от подчинительных союзов (см. *Раздел 5.2*). Последнее обстоятельство принципиально расширяет область, в которой обнаруживается обратная связь между степенью грамматикализации и степенью интеграции, — от синтаксиса к дискурсу.

5.1. Другие семантические типы адвербиальных клауз

Из двух причинных союзов *потому что* и *оттого что* первый, по-видимому, грамматикализован сильнее [Пекелис 2017]; в частности, он реже встречается в расчлененном варианте. Одновременно с этим *потому что* допускает иллокутивные (62) и близкие к ним эпистемические [Sweetser 1990] употребления (63), а *оттого что* в таких случаях неуместен. Напомним, что иллокутивное употребление считается признаком наименее интегрированных (неинтегрированных) клауз.

- (62) *Берите меню и заказывайте, потому что* (^{??}*оттого что*) *я умираю с голоду*. [«Наука и жизнь», 2007] — ‘я прошу вас заказывать, потому что я умираю с голоду’

- (63) *Они, наверно, оба курили, потому что (?оттого что), когда он вошел, комната была синяя от дыма.* [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)] — ‘можно предположить, что они курили, потому что комната была синяя от дыма’

В паре уступительных союзов *хотя* и *несмотря на то что* сильнее грамматикализован *хотя*. Это старый союз, встречающийся уже в древнейших памятниках русского языка [Лавров 1941: 116]. Между тем *несмотря на то что* утверждается в качестве союза лишь в XVIII в. [Виноградов, Шведова 1964: 294]. При этом *хотя* допускает, а *несмотря на то что* не допускает иллюкутивного употребления:

- (64) *Восстановление экономики США также не является однозначным, хотя (?несмотря на то что) это тема отдельного разговора.* [Google]

Аналогичное противопоставление демонстрирует пара условных союзов *если* и *при условии если*. Ясно, с одной стороны, что *если* превосходит *при условии если* по степени грамматикализации. С другой стороны, только *если* допускает иллюкутивное употребление:

- (65) *Если (?при условии если) хочешь знать, лучший в мире кофе варят наши бедуины.* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)]

Таким образом, в каждой рассмотренной паре союзов проглядывает все та же закономерность: меньшая степень грамматикализации ассоциируется с большей степенью интеграции.

5.2. Дискурсивные маркеры

Одним из диахронических источников дискурсивных маркеров в языках мира служат подчинительные союзы. В [Günthner, Mutz 2004] это развитие описывается для двух немецких дискурсивных маркеров, *obwohl* и *wobei*. В качестве подчинительных союзов

obwohl и *wobei* означают, соответственно, ‘хотя’ и ‘причем’ и подчиняются действующему в немецком правилу порядка слов, в соответствии с которым финитный глагол в подчиненной клаузе занимает последнюю позицию. В качестве дискурсивных маркеров *obwohl* и *wobei* последнему правилу не подчиняются (финитный глагол в содержащей их клаузе занимает вторую позицию, как в независимом предложении) и выражают одно и то же значение: они сигнализируют о том, что говорящий хочет скорректировать только что сказанное, т. е. служат своего рода маркерами самоисправления [Подлеская, Кибрик 2009: 210].

В русском языке подчинительный союз *хотя* тоже может употребляться в качестве такого маркера. Это употребление иллюстрируют примеры (66) и (67). В обоих слову *хотя* предшествует высказывание, которое потом говорящий пересматривает, и этот поворот мысли маркируется с помощью *хотя*¹¹.

- (66) *Итак, вернемся к тому последнему вечеру накануне отъезда с дачи... Хотя стойте: я же так ничего и не сказал о «травме».* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]
- (67) *И не спросишь ни у кого. Хотя... слушай... Лина встrepенулась, обрадованная неожиданно пришедшей в голову идеей.* [Марина Полетика. Однажды была осень (2012)]

В (66) и (67) *хотя* занимает начальную позицию, что типично для дискурсивного маркера [Günthner, Mutz 2004: 78]. Существенно, кроме того, что и в (66), и в (67) предложение с *хотя* организовано формой императива. Известно, что последняя относится к *main clause rhemote*, т. е. в подчинительном контексте не употребляется (см., например, [Добрушина 2014]). Для сравнения: в составе подчиненной клаузы с союзом *хотя* императив неуместен, ср. контраст между (68а) и (68б):

¹¹ В описаниях союза *хотя* отдельное употребление *хотя* как маркера самоисправления, по-видимому, не выделяется. Ср., например, описание в [Апресян 2015: 232 ff.].

(68) а. ⟨...⟩ *По этой же причине и коз пришлось продать, хотя я очень просил, чтобы их оставили.* [«Уральская новь», 2004]

б. ^{??}*Коз тоже приходится продавать, хотя оставьте их.*

В литературе о дискурсивных маркерах значительное место занимает дискуссия о том, какова природа того процесса, в результате которого образуются дискурсивные маркеры. С одной стороны, этот процесс имеет черты, объединяющие его с грамматикализацией. Например, при трансформации союза или наречия в дискурсивный маркер происходит декатегоризация, т. е. потеря союзом или наречием его первоначальных морфосинтаксических свойств, и десемантизация [Traugott 2003]. С другой стороны, по некоторым другим параметрам процесс образования дискурсивных маркеров, наоборот, резко отличается от грамматикализации. Так, дискурсивные маркеры выполняют дискурсивную, а не грамматическую функцию и, как правило, менее ограничены в своей позиции, чем союзы. Эти и подобные факты послужили основанием для того, чтобы образование дискурсивных маркеров считать результатом прагматикализации — процесса, не просто отдельного от грамматикализации, а направленного в противоположную сторону: дискурса, а не грамматики [Osampo 2006: 317; Norde 2009: 23].

Еще один, относительно новый взгляд на процесс появления дискурсивных маркеров получил название *кооптации* (*cooptation*) ([Heine et al. 2021; Narrog, Heine 2021] и др.). В ходе кооптации языковая единица теряет грамматические связи с другими составляющими предложения и начинает функционировать на метатекстовом — дискурсивном — уровне. В соответствии с этим подходом, эволюция дискурсивных маркеров включает в себя два или три этапа, которые могут быть описаны схемой (69):

(69) (грамматикализация) > кооптация > грамматикализация [Narrog, Heine 2021: 318]

На первом этапе (факультативном, т. е. не всегда вовлеченном в образование дискурсивных маркеров) языковая единица подвергается

первичной грамматикализации. Так, применительно к маркеру *хотя* этот этап соответствует грамматикализации собственно союза, восходящего, как считается, к древнерусскому причастию настоящего времени 'желающий' [Фасмер 1987б: 271]. На втором этапе происходит кооптация, после которой продолжается процесс грамматикализации, но уже на уровне дискурсивной структуры. Преимущество этого подхода перед прагматикализацией состоит в том, что путь от лексической единицы к дискурсивной оказывается однонаправленным, т. е. не включает в себя резкой смены курса.

Идея о кооптации позволяет распространить гипотезу об обратной связи между степенью грамматикализации и степенью интеграции на дискурсивные маркеры. В самом деле, дискурсивные маркеры, с одной стороны, не обеспечивают никакой синтаксической интеграции клауз, ср. в (66) и (67) отсутствие грамматической связи между клаузой, содержащей *хотя*, и предшествующей клаузой. С другой стороны, в соответствии с (69) дискурсивные маркеры достигают более высокой степени грамматикализации, чем подчинительные союзы. Таким образом, дискурсивные маркеры демонстрируют минимум интеграции при максимуме грамматикализации.

6. Заключение

В статье обосновывается гипотеза об обратной зависимости между степенью грамматикализации адвербиального союза и степенью интеграции вводимой союзом клаузы: чем выше степень грамматикализации, тем более низкой может быть доступная для клаузы степень интеграции. Эта гипотеза рассматривается на материале четырех союзов со значением временного следования (*прежде чем*, *раньше чем*, *перед тем как* и *до того как*). В качестве аргументации союзы ранжируются на шкале грамматикализации и шкале интеграции, и порядок союзов на этих шкалах оказывается противоположным: союз *раньше чем* грамматикализован слабее других и вводит наиболее тесно интегрированные клаузы; союз *прежде чем*

грамматикализован сильнее других союзов и может вводить клаузы с минимальной степенью интеграции. Беглый взгляд на адвербиальные союзы других семантических классов, а также на дискурсивные маркеры, производные от союзов, свидетельствует о том, что временными союзами отмеченная закономерность не ограничивается. Таким образом, можно предположить, что речь идет о более общей тенденции, характеризующей движение языковой единицы по шкале лексика > грамматика > дискурс.

Вопрос о том, какими факторами определяется степень интеграции адвербиальной клаузы, рассмотренным в статье материалом, конечно, не исчерпывается. В наших данных фигурировали союзы определенного структурного типа, характерного для русского языка: союзы, производные из сочетания нескольких слов. Валидность обосновываемой гипотезы за пределами союзов такого типа нуждается в отдельной проверке. Кроме того, мы сопоставляли союзы, заметно отличающиеся по степени грамматикализации. Что можно сказать о союзах, примерно одинаковых по степени грамматикализации? Наш материал предсказывает, что, если оба союза грамматикализованы слабо, вводимые ими клаузы должны быть тесно интегрированы. Но если оба союза существенно продвинулись на пути грамматикализации, наши данные ничего не позволяют предвидеть о соотношении клауз по степени интеграции. Так, немецкие причинные союзы *weil* и *da* представляют собой, очевидно, заметно грамматикализованные показатели, при этом, по наблюдению [Frey 2016], *da* допускает менее тесную интеграцию клаузы, чем *weil*. Возможный ответ на вопрос о том, что в этом случае может влиять на степень интеграции, предлагается в [Speyer, Voigtmann 2023], где степени интеграции ставится в соответствие объем информации, сообщаемой в клаузе.

Литература

Апресян 2015 — В. Ю. Апресян. Уступительность: механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. М.: Языки славянской культуры, 2015.

- Барентсен, Пупынин 1999 — А. Барентсен, Ю. Пупынин. О союзах предшествования в русском и английском языках // Zb. Greń, V. Koseska-Toszewa (eds.). *Semantyka a konfrontacja językowa 2*. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999. S. 105–122.
- Виноградов, Шведова 1964 — В. В. Виноградов, Н. Ю. Шведова. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Глагол, наречие, предлоги, союзы в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.
- Добрушина 2014 — Н. Р. Добрушина. Императив. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.
- Лавров 1941 — Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов. 2-е изд. М.; Вена: Языки славянской культуры; Венский славистический альманах, 2004.
- Падучева 1977 — Е. В. Падучева. Понятие презумпции в лингвистической семантике // А. И. Михайлова (ред.). *Семиотика и информатика*. Вып. 8. М.: ВИНТИ, 1977. С. 91–124.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Пекелис 2017 — О. Е. Пекелис. Причинные придаточные // В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова (отв. ред.). *Материалы к Корпусной грамматике русского языка*. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 55–131.
- Подлеская, Кибрик 2009 — В. И. Подлеская, А. А. Кибрик. Речевые сбои и затруднения // А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). *Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 177–218.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001.
- Фасмер 1987a — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.
- Фасмер 1987b — М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 4. М.: Прогресс, 1987.
- Хализева, 1969 — В. С. Хализева. Семантический анализ союзов предшествования // *Русский язык за рубежом*. 1969. № 2. С. 77–82.
- Храковский 2005 — В. С. Храковский. Таксис следования в современном русском языке // А. В. Бондарко (ред.). *Проблемы функциональной грамматики*. Полевые структуры. СПб.: Наука, 2005. С. 29–85.

- Badan, Haegeman 2022 — L. Badan, L. Haegeman. The syntax of peripheral adverbial clauses // *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. Iss. 4. P. 697–738. DOI: 10.1017/S0022226721000463.
- Belyaev 2015 — O. Belyaev. Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. P. Arkadiev, I. Kapitonov, Y. Lander, Ye. Rakhilina, S. Tatavosov (eds.). *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2015. P. 35–66.
- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Endo 2012 — Y. Endo. The syntax discourse interface in adverbial clauses // A. Lobke, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 365–384.
- Frey 2012 — W. Frey. On two types of adverbial clauses allowing root-phenomena // A. Lobke, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 405–429.
- Frey 2016 — W. Frey. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses // I. Reich, A. Speyer (eds.). *Co- and subordination in German and other languages*. (Special issue of *Linguistische Berichte* 21). Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2016. P. 153–179.
- Frey 2023 — W. Frey. On the categorial status of different dependent clauses // J. M. Hartmann, A. Wöllstein (eds.). *Propositionale Argumente im Sprachvergleich: Theorie und Empirie / Propositional Arguments in Cross-Linguistic Research: Theoretical and Empirical Issues*. (Studien zur deutschen Sprache 84). Tübingen: Narr, 2023. P. 364–410.
- Günthner, Mutz 2004 — S. Günthner, K. Mutz. Grammaticalization vs. pragmaticalization? The development of pragmatic markers in German and Italian // W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 77–107.
- Haegeman 2003 — L. Haegeman. The syntax of adverbial clauses and its consequences for topicalization // M. Coene, G. De Cuyper, Y. D’Hulst (eds.). *Current Studies in Comparative Romance Linguistics [APiL 107]*. Antwerp: University of Antwerp, 2003. P. 61–90.
- Harris, Campbell 1995 — A. C. Harris, L. Campbell. *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. DOI: 10.1017/CBO9780511620553.
- Heine et al. 2021 — B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long. *The Rise of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. DOI: 10.1017/9781108982856.

- Kholodilova 2021 — M. A. Kholodilova. Grammaticalization of multi-word causal subordinators in Slavic languages // A. Ju. Rusakov, V. A. Stegnij (eds.). Causal constructions in the world's languages (synchrony, diachrony, typology). Book of Abstracts. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2021.
- Krifka 2013 — M. Krifka. Response particles as propositional anaphors // S. Todd (ed.). Semantics and linguistic theory (SALT) 23. Washington, D. C.: LSA Open Journal Systems, 2013. P. 1–18. DOI: 10.3765/salt.v0i0.2676.
- Narrog, Heine 2021 — H. Narrog, B. Heine. Grammaticalization. (Oxford Textbooks in Linguistics). Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Norde 2009 — M. Norde. Degrammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Ocampo 2006 — F. Ocampo. Movement towards discourse is not grammaticalization: The evolution of *claro* from adjective to discourse particle in spoken Spanish // N. Sagarra, A. J. Toribio (eds.). Selected Proceedings of the 9th Hispanic Linguistics Symposium. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. P. 308–319.
- Pekelis 2022 — O. Pekelis. On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses // Linguistics. 2022. Vol. 60. No. 5. P. 1399–1449. DOI: 10.1515/ling-2020-0151.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery // L. Haegeman (ed.). Elements of grammar: A handbook of generative syntax. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. Constraints on variables in syntax. Thesis. Ph.D. Massachusetts Institute of Technology: Dept. of Modern Languages and Linguistics, 1967. URL: <http://hdl.handle.net/1721.1/15166> (дата посещения: 20.01.2023).
- Speyer, Voigtmann 2023 — A. Speyer, S. Voigtmann. Factors for the integration of causal clauses in the history of German // L. Jędrzejowski, C. Fleczonek (eds.). Micro- and Macro-variation of Causal Clauses: Synchronic and Diachronic Insights. (Studies in Language Companion Series 231). Amsterdam: John Benjamins, 2023. P. 311–345. DOI: 10.1075/slcs.231.11spe.
- Sweetser 1990 — E. Sweetser. From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. DOI: 10.1017/CBO9780511620904.
- Traugott 2003 — E. Traugott. Constructions in grammaticalization // B. D. Joseph, R. Janda (eds.). Handbook of historical linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 624–647.

References

- Apresyan 2015 — V. Yu. Apresyan. *Ustupitelnost: mekhanizmy obrazovaniya i vzaimodeystviya slozhnykh znacheniy v yazyke* [Concessivity: mechanisms

- of formation and interaction of complex meanings in language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2015.
- Badan, Haegeman 2022 — L. Badan, L. Haegeman. The syntax of peripheral adverbial clauses. *Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 58. Iss. 4. P. 697–738. DOI: 10.1017/S0022226721000463.
- Barentsen, Pupynin 1999 — A. Barentsen, Ju. Pupynin. O soyuzakh predshestvovaniya v russkom i angliyskom yazykakh [On conjunctions of anteriority in Russian and English]. Zb. Greń, V. Koseska-Toszewa (eds.). *Semantyka a konfrontacja językowa 2*. Warszawa: Slawistyczny ośrodek wydawniczy, 1999. P. 105–122.
- Belyaev 2015 — O. Belyaev. Cause in Russian and the formal typology of coordination and subordination. P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina, S. Tatevosov (eds.). *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2015. P. 35–66.
- Cinque 1999 — G. Cinque. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Dobrushina 2014 — N. R. Dobrushina. *Imperativ. Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoy grammatiki* [Imperative. Towards a corpus description of Russian grammar]. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 01.02.2023).
- Endo 2012 — Y. Endo. The syntax discourse interface in adverbial clauses. A. Lobke, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 365–384.
- Fasmer 1987a — M. Fasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. Vol. 3. Moscow: Progress, 1987.
- Fasmer 1987b — M. Fasmer. *Etimologicheskiy slovar russkogo yazyka* [Etymological dictionary of Russian]. Vol. 4. Moscow: Progress, 1987.
- Frey 2012 — W. Frey. On two types of adverbial clauses allowing root-phenomena. A. Lobke, L. Haegeman, R. Nye (eds.). *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam: Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. 405–429.
- Frey 2016 — W. Frey. On some correlations between formal and interpretative properties of causal clauses. I. Reich, A. Speyer (eds.). *Co- and subordination in German and other languages. (Special issue of Linguistische Berichte 21)*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2016. P. 153–179.
- Frey 2023 — W. Frey. On the categorical status of different dependent clauses. J. M. Hartmann, A. Wöllstein (eds.). *Propositionale Argumente im Sprachvergleich: Theorie und Empirie / Propositional Arguments in Cross-Linguistic Research: Theoretical and Empirical Issues. (Studien zur deutschen Sprache 84)*. Tübingen: Narr, 2023. P. 364–410.

- Günthner, Mutz 2004 — S. Günthner, K. Mutz. Grammaticalization vs. pragmaticalization? The development of pragmatic markers in German and Italian. W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). *What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. P. 77–107.
- Haegeman 2003 — L. Haegeman. The syntax of adverbial clauses and its consequences for topicalization. M. Coene, G. De Cuyper, Y. D’Hulst (eds.). *Current Studies in Comparative Romance Linguistics*. (APiL 107). Antwerp: University of Antwerp, 2003. P. 61–90.
- Harris, Campbell 1995 — A. C. Harris, L. Campbell. *Historical Syntax in Cross-Linguistic Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. DOI: 10.1017/CBO9780511620553.
- Heine et al. 2021 — B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long. *The Rise of Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. DOI: 10.1017/9781108982856.
- Khalizeva, 1969 — V. Khalizeva. Semanticheskij analiz soyzov predshestvovaniya [Semantic analysis of conjunctions of anteriority]. *Russkij yazyk za rubezhom*. 1969. No. 2. P. 77–82.
- Kholodilova 2021 — M. A. Kholodilova. Grammaticalization of multi-word causal subordinators in Slavic languages. A. Ju. Rusakov, V. A. Stegnij (eds.). *Causal constructions in the world’s languages (synchrony, diachrony, typology)*. Book of Abstracts. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2021.
- Khrakovskij 2005 — V. S. Khrakovskij. Taksis sledovaniya v sovremennom russkom yazyke [Taxis of following in modern Russian]. A. V. Bondarko (ed.). *Problemy funktsionalnoj grammatiki. Polevye struktury* [Problems of functional grammar. Field structures]. St. Peterburg: Nauka, 2005. P. 29–85.
- Krifka 2013 — M. Krifka. Response particles as propositional anaphors. S. Todd (ed.). *Semantics and linguistic theory* (SALT) 23. Washington, D. C.: LSA Open Journal Systems. P. 1–18. DOI: 10.3765/salt.v0i0.2676.
- Lavrov 1941 — B. V. Lavrov. *Uslovnye i ustupitelnye predlozheniya v drevnerusskom yazyke* [Conditional and concessive clauses in Old Russian]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941.
- Narrog, Heine 2021 — H. Narrog, B. Heine. *Grammaticalization*. (Oxford Textbooks in Linguistics). Oxford: Oxford University Press, 2021.
- Norde 2009 — M. Norde. *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- NOSS 2004 — Yu. D. Apresyan (ed.). *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov* [A new explanatory dictionary of synonyms of the Russian language]. 2nd edition, revised. Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kultury; Venskiy slavisticheskij almanakh, 2004.

- Ocampo 2006 — F. Ocampo. Movement towards discourse is not grammaticalization: The evolution of *claro* from adjective to discourse particle in spoken Spanish. N. Sagarra, A. J. Toribio (eds.). *Selected Proceedings of the 9th Hispanic Linguistics Symposium*. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2006. P. 308–319.
- Paducheva 1977 — E. V. Paducheva. Ponyatie prezumpitsii v lingvisticheskoy semantike [The concept of presupposition in linguistic semantics]. A. I. Mikhajlova (ed.). *Semiotika i informatika* [Semiotics and informatics]. Vol. 8. Moscow: All-Russian Institute for Scientific and Technical Information, 1977. P. 91–124.
- Paducheva 1985 — E. V. Paducheva. *Vyskazyvanie i yego sootnesennost s deystvitelnostyu* [Utterance and its relationship to reality]. Moscow: Nauka, 1985.
- Pekelis 2022 — O. Pekelis. On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses. *Linguistics*. 2022. Vol. 60. No. 5. P. 1399–1449. DOI: 10.1515/ling-2020-0151.
- Pekelis 2017 — O. E. Pekelis. Prichinnye pridatochnye [Causal clauses]. V. A. Plungjan, N. M. Stojnova (eds.). *Materialy k Korpusnoy grammatike russkogo yazyka. Vypusk II. Sintaksicheskie konstruksii i grammaticheskie kategorii* [Towards a corpus description of Russian grammar. Iss. II. Syntactic constructions and grammatical categories]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. P. 55–131.
- Podlesskaja, Kibrik 2009 — V. I. Podlesskaja, A. A. Kibrik. Rechevye sboi i zatrudneniya [Speech disfluencies]. A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2009. P. 177–218.
- Rizzi 1997 — L. Rizzi. The fine structure of the left periphery. L. Haegeman (ed.). *Elements of grammar: A handbook of generative syntax*. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 281–337.
- Ross 1967 — J. R. Ross. *Constraints on variables in syntax*. Thesis. Ph.D. Massachusetts Institute of Technology: Dept. of Modern Languages and Linguistics, 1967. Available at: <http://hdl.handle.net/1721.1/15166> (accessed 20.01.2023).
- Speyer, Voigtmann 2023 — A. Speyer, S. Voigtmann. Factors for the integration of causal clauses in the history of German. L. Jędrzejowski, C. Fleczonek (eds.). *Micro- and Macro-variation of Causal Clauses: Synchronic and Diachronic Insights*. (Studies in Language Companion Series 231). Amsterdam: John Benjamins, 2023. P. 311–345. DOI: 10.1075/slcs.231.11spe.
- Sweetser 1990 — E. Sweetser. *From Etymology to Pragmatics. Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. DOI: 10.1017/CBO9780511620904.
- Testelec 2001 — Ja. G. Testelec. *Vvedenie v obshchij sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Publishing House of the Russian State University for the Humanities, 2001.

Traugott 2003 — E. Traugott. Constructions in grammaticalization. B. D. Joseph, R. Janda (eds.). *Handbook of historical linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 624–647.

Vinogradov, Shvedova 1964 — V. V. Vinogradov, N. Ju. Shvedova. *Očerki po istoričeskoj grammatike russkogo literaturnogo jazyka XIX veka. Glagol, narečie, predlogi, sojuzy v russkom literaturnom jazyke XIX veka* [Essays on the historical grammar of the Russian literary language of the 19th century. Verb, adverb, prepositions and conjunctions in the Russian literary language of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1964.

Получено / received 17.04.2023

Принято / accepted 07.09.2023

Приглагольные аспектуально-модальные показатели в русском языке

В. С. Храковский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия);
khrakovv@gmail.com; ORCID: 0009-0004-9485-381X

Аннотация. Принято считать, что аспектуальную характеристику предложения в основном определяет наличие определенных видовых форм глагола в позиции вершины конструкции с учетом их лексической специфики, а каких-либо внеглагольных аспектуальных грамматических показателей в языках типа русского в принципе нет. Однако мы полагаем, что акциональный потенциал глагольной лексемы может реализоваться не только с помощью частных значений категории вида, но и с помощью приглагольных аспектуальных грамматических показателей, к каким мы относим частицу *было* и комплекс *чуть (было) не*. Иными словами, мы предлагаем рассматривать и частицу *было*, и комплекс *чуть (было) не* как приглагольные аспектуальные показатели типа тех, что стандартно используются в изолирующих языках, однако с той поправкой, что эти показатели имеют модальную составляющую, которая у частицы *было* является позитивной, а у комплекса *чуть (было) не* — негативной. В конструкции с частицей *было* эта частица обозначает такое положение вещей, при котором, как правило, желательная и ожидаемая Агенсом ситуация, выражаемая глаголом в прошедшем времени, несмотря на различные операции с ней, в конечном счете не осуществляется. В свою очередь, в конструкции с комплексом *чуть (было) не* этот комплекс обозначает такое положение вещей, при котором преимущественно нежелательная и неожиданная для Агенса или Экспериментера ситуация, обозначаемая глаголом в прошедшем времени, потенциально могла бы осуществиться, и могли быть налицо некоторые признаки ее возможного осуществления, но она все же не осуществилась. Таким образом, и частица *было*, и комплекс *чуть (было) не* обозначают различные варианты нереализации ситуации, обозначаемой глаголом, к которому они относятся.

Ключевые слова: частица, комплекс, глагол, конструкция, прошедшее время.

Adverbial aspectual-modal markers in Russian

Victor S. Khrakovsky

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), khrakovv@gmail.com; ORCID: 0009-0004-9485-381X

Abstract. It is customary to believe that the aspectual characteristics of a sentence in Russian-like languages mostly rely on the use of specific aspectual verb forms with their lexical features playing a role, while other extra-verbal grammatical aspectual markers are non-existent in such languages in principle. That said, we should point out that the experiential potential of verb lexemes in Russian can be instantiated not only through private aspectual meanings but also by means of adverbial grammatical aspect markers such as the particle *bylo* or the complex *chut' (bylo) ne*. In other words, we suggest that both the particle *bylo* and the complex *chut' (bylo) ne* should be classified as adverbial aspectual markers similar to those normally used in isolating languages, adjusted for the modal constituent with its positive connotation in the case of *bylo* and a negative connotation in the case of *chut' (bylo) ne*. In *bylo* constructions, the particle denotes a state of affairs where a situation both desired and expected by the Agent and expressed by a past tense verb fails to materialize in the end in spite of the various steps taken. In its turn, the *chut' (bylo) ne* complex in *chut' (bylo) ne* constructions denotes a state of affairs where a potentially realizable past-tense verb situation, mostly undesirable and unexpected for the Agent/Experiencer, nevertheless fails to materialize despite the eventual presence of certain signals in its favor. Therefore, both the particle *bylo* and the complex *chut' (bylo) ne* are used to denote different versions of non-realization of the verbal situation they occur in.

Keywords: particle, complex, verb, construction, past tense.

В данной статье предлагается ввести в научный оборот представление о наличии в русском языке приглагольных аспектуально-модальных показателей¹. С этой целью мы прежде всего рассмотрим

---

¹ Этот текст на разных этапах его создания читали М. Л. Федотов, А. Л. Мальчуков, А. Барентсен и С. Ю. Дмитренко. Многие их замечания и предложения с благодарностью учтены в окончательной редакции текста, ответственность за которую несет только автор.

три конструкции, которые попарно имеют общие элементы. Во-первых, это конструкция, включающая частицу *было* и смысловый глагол в форме прошедшего времени, преимущественно совершенного вида. «Употребление глагольных форм прошедшего времени НСВ в контексте частицы *было* ограничивается глаголами желания, намерения, попытки с зависимым инфинитивом; наибольшее количество вхождений зафиксировано с глаголом *хотеть*» [Чуйкова 2015: 185]², см. (1). Во-вторых, это конструкция, включающая комплекс *чуть (было) не* и смысловый глагол в форме прошедшего времени совершенного вида, см. (2). В-третьих, это конструкция, включающая комплекс *чуть не* без частицы *было* и смысловый глагол в форме прошедшего времени, см. (3). Иными словами, все эти конструкции относятся к плану прошлого. У первой пары конструкций общим элементом является частица *было*, а у второй пары конструкций общим элементом является комплекс *чуть не*³.

- (1) *Мы было проехали светофор, но тут же по сигналу полицейского вернулись назад.*
- (2) *Мы чуть было не проехали светофор.*
- (3) *Мы чуть не проехали светофор.*

Сравнивая между собой эти три примера, мы можем прийти к выводу, что они относительно синонимичны в том смысле, что ситуация, называемая смысловым глаголом во всех трех конструкциях, в конечном счете не имеет места. Однако если в примерах (2) и (3) ситуация действительно даже не начиналась, то в примере (1) дело обстоит не так. Здесь действующие лица, очевидно, уже начали проезжать светофор, но прервали движение из-за сигнала полицейского, вернулись назад, и, таким образом, начавшаяся ситуация была отменена

---

² Частица *было* в малоупотребительной конструкции с причастием или деепричастием не рассматривается. Об этой конструкции см. [Чернов 1970; Barentsen 1986; Сичинава 2013].

³ Примеры, при которых не указан источник, авторские. Все остальные примеры, если не указано, откуда они взяты, заимствованы из НКРЯ.

и фактически не осуществилась. Иными словами, в этом случае ситуация начинает осуществляться, но прерывается и в конце концов остается нереализованной. Добавим, что исполнение ситуации в примере (1) является желательным и ожидаемым, тогда как в примерах (2) и (3) — нежелательным и неожиданным. Вместе с тем при различной семантике у примеров (1) и (2) эти примеры содержат общий элемент, а именно частицу *было*. Соответственно возникает вопрос о роли этой частицы в конструкциях типа (1) и (2). Эти конструкции достаточно хорошо исследованы.

Конструкции типа 1 с частицей *было* (и попутно конструкции типа 2 с комплексом *чуть было не*) посвящено довольно большое количество работ, из которых наиболее содержательными, можно сказать, фундаментальными являются [Barentsen 1986; Апресян 2007; Князев 2004, 2007; Сичинава 2013, 2018], содержащие исчерпывающую библиографию исследований, посвященных частице *было*. Одну статью, в которой наряду с формами плюсквамперфекта в восточнославянских языках анализируется и эта частица, написал и я [Храковский 2015].

В этих работах установлено, что запланированная или начавшаяся осуществляться или даже осуществившаяся ситуация, обозначаемая глаголом в конструкции с частицей *было*, в том или ином отношении отклоняется от условной нормы⁴. При этом, что очень важно, каузатором отклонения от условной нормы выступает действие, которое следует за действием, обозначаемым глаголом в конструкции с частицей *было*. Само каузирующее действие может быть стимулировано и некоторым промежуточным действием. Таким образом, выбор и употребление в тексте конструкции с частицей *было* регулируется правилами, определяемыми на единицах текста, больших,

---

⁴ Говоря об условной норме, мы имеем в виду, что предельное действие, начавшись, завершается результатом, а неопределенное действие просто прекращается. Ср.: «„Нормальным“ является такое развитие действия, при котором за намерением совершить действие следует его осуществление, начатое действие доводится до конца, его результат сохраняется, а конечная цель достигается» [Князев 2007: 420].

чем одно предложение. Иными словами, выбирая конструкцию с частицей *было*, автор текста (говорящий) уже знает, что в посттексте он употребит (или же в предтексте он уже употребил) ту глагольную форму, которая нарушит нормальное осуществление ситуации, обозначаемой глаголом в конструкции с частицей *было*⁵. Вот примеры:

- (4) *Посидев, опять было взял рукопись, подержал ее в руках и бросил в угол дивана.* [Сергей Шикера. Египетское метро // «Волга», 2016]

При анализе этого примера мы исходим из того, что обычно («нормально») рукопись берут в руки не для того, чтобы тут же избавиться от нее.

- (5) *Я (уже) было выходил, но телефон внезапно зазвонил, и я вернулся.*

Достаточно очевидно, что если человек начинает выходить из помещения, то обычно («нормально») он и выходит.

Значительно реже последующая каузирующая глагольная форма употребляется в предтексте.

- (6) *Женя и сам начал топтать ногами, потому что уже тоже было пошел, и на его ботинки налипла глина*⁶.

Действие, обозначенное конструкцией с частицей *было* в этом примере, начало выполняться (Женя пошел), однако сам Агенс

---

⁵ Существенно обратить внимание на то, что главным участником ситуации, выражаемой в конструкции с частицей *было*, может быть не только Агенс, в норме человек, но и, хотя относительно редко, предмет, обладающий некоторыми агентивными свойствами типа *Шар чуть качнулся, слегка дернулся, начал было неуверенное движение вверх, но, как будто испугавшись чего-то, снова приник к ладони.* [Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000].

⁶ Этот пример представляет собой точный перевод украинского примера *Женя й собі почав постукувати ногами, бо теж було рушив і до його черевиків наліплялась глина.* [Євген Гуцало. Олень Август], проанализированного в нашей работе [Храковский 2015: 293].

прерывает свое действие и заменяет его другим (Женя начал топтать ногами) потому, что возникло неудобство движения (на ботинки налипла глина).

- (7) *Отец Гаврон задумался, **взял было** кусочек медовых сот, но затем положил его обратно на тряпочку.* [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоз (1996)]

Действие, обозначенное конструкцией с частицей *было*, в этом примере реально было совершено, но тут же последовало обратное действие, которое отменило совершенное действие.

При этом, что немаловажно подчеркнуть, частица *было* выступает либо в контактной препозиции к глаголу, см. (1), (4)–(6), либо в контактной постпозиции к глаголу, см. (7), причем каких-либо грамматических правил постановки частицы *было* в препозицию или в постпозицию, видимо, не существует⁷. В работе [Сичинава 2013] показано, что препозицию предпочитают глаголы эмоций и умозаключения. Иными словами, семантика глаголов может определенным образом влиять на их позицию в конструкции с частицей *было*.

В целом отклонения от условной нормы могут быть классифицированы следующим образом:

1. Ситуация реально остается неосуществленной.

- (8) *Они вошли в лабиринт из зеркальных стекол, вахтер **спросил было** пропуск у Дмитрия Алексеевича, но девушка смело перебила его.* [Владимир Дудинцев. Не хлебом единым (1956)]
- (9) *Гриша **открыл было** рот, чтобы ответить, но вдруг задумался и даже полуприкрыл глаза.* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]

2. Ситуация может быть желательной, задумываться, но остаться неосуществленной из-за неожиданно возникших обстоятельств — отмена подготовительной фазы ситуации.

⁷ Препозиция таких слов как *уж(е), совсем, сперва, даже* обычно обеспечивает препозицию и частицы *было* [Шошитайшвили 1998; Сичинава 2013].

(10) *Поцелуев произвольным движением опустил руку в карман, обхватил пальцами портсигар, сжал его, **хотел было вытащить**, еще разок пробежать глазами список, начерченный меж газетных строчек, но вспомнил, что знает этот список наизусть.* [Д. Н. Медведев. Сильные духом (Это было под Ровно) (1948)]

(11) *Разозлившись Крылов **собрался было** сообщить во всеуслышанье, что Дымов не журналист, а мелкая сволочь на содержании старого идиота, но тут его внимание отвлекло явление еще более радикальное.* [О. А. Славникова. 2017 (2017)]

3. Ситуация может начаться, но в силу каких-то неожиданных обстоятельств прерваться — отмена начальной фазы ситуации.

(12) *«Видел, конечно...» — **начал было** он, но следующую фразу составил уже совершенно на другую тему.* [Андрей Митьков. Мы все знали и без этой записки. Год назад спортивные чиновники знали, что у наших спортсменов будут искать допинг // «Известия», 2003.02.07]

(13) *На дворе темная холодная ночь. **Было уснул**. Но пришла сестра, вызвали к больному.* [Любовь Кузнецова. «...Собираю разрозненные бревнышки народа своего...» (2003) // «Вестник США», 2003.03.09]

4. Ситуация была выполнена, но в силу различных обстоятельств отменена.

(14) *Степан **взял было** сгущенное молоко, но Кузьма (брат жены) выхватил у него банку: «С него достаточно будет и сухарей».* [Василий Голованов. Остров, или Оправдание бессмысленных путешествий (2002)]

(15) *Милый мой ангел! я **было написал** тебе письмо на 4 страницах, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое.* [А. С. Пушкин. Письмо Н. Н. Пушкиной (1834.06.08)]

- (16) *Грачик сердито **стукнул было** карандашом по столу, но тут же спохватился, овладел собой и, сделав вид, будто этот стук не имел отношения к делу, очень спокойно и даже с усмешкой произнес <...>* [Н. Н. Шпанов. Ученик чародея (1935–1950)]

Теперь обратимся к анализу конструкции типа 2 с комплексом *чуть было не*, который всегда предшествует смысловому глаголу⁸. Стандартно речь идет о контактной препозиции.

- (17) *Фея была тоже в медицинском халате, но профессорском, более высокого ранга — белоснежно накрахмаленном, из-под которого виднелись оборочки нарядного платья и стройные, элегантно обутые ноги, — **чуть было не** написал «ножки», что было бы весьма бестактно по отношению к профессору.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]

В очень редких случаях бывает вставка одного слова между элементами *было и не*.

- (18) — *Что за дикость! Я **чуть было** сама **не** ударила его.* [Ю. Крылов]⁹

Возможна, хотя встречается и не очень часто, перестановка элементов *чуть и было*.

- (19) *И опять он **было чуть не** умер от счастья.* [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]

От такой расстановки элементов следует отличать случаи, когда элементы *было и чуть не* входят в состав единого комплекса.

- (20) *Устин заколебался **было, чуть не** взял, потом вспомнил <...>* [Светлана Василенко. Шамара (1994)]

⁸ О грамматикализации конструкции с комплексом *чуть (было) не* см. [Козлов 2015].

⁹ Пример из работы [Саенкова 1971: 303].

Теперь рассмотрим вопрос о семантике конструкции типа 2 с комплексом *чуть было не*. Хотя в этой конструкции, как и в рассмотренной выше конструкции с частицей *было*, ситуация, называемая глаголом, оказывается несостоявшейся, и в этом смысле обе конструкции как бы синонимичны, у этих конструкций принципиально различная семантика. Если, как мы видели, в конструкции с частицей *было* главный участник ситуации является Агенсом, который фактически создает ситуацию (или способствует ее созданию), то в конструкции с комплексом *чуть было не* главный участник, во-первых, может быть потенциальным Агенсом несостоявшейся ситуации, см. (21), (22), а во-вторых, Экспериментером, который может «попасть» в ситуацию, см. (23), (24), причем Экспериментер может выступать в позиции дативного актанта, см. (25), (26). Сами же неосуществленные ситуации в основном являются неожиданными, непредвиденными и нежелательными для их главного участника или говорящего. Совсем не случайно в этой конструкции очень частотны глаголы, как раз называющие «нежелательные» ситуации типа *упасть*, *уронить*, *сломать*, которые нехарактерны для конструкции с частицей *было*, где, напротив, употребляются глаголы, называющие «желательные» ситуации, поскольку абсолютно неестественно создавать для самого себя «нежелательные» ситуации.

- (21) — *По секрету, как земляку, — эта особа **чуть было не** разрушила мою семью.* [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)]
- (22) *Едва Аркадий Николаевич сделал то, о чем говорил, я ринулся к горевшей бумаге, по пути задел Вьюнцова и **чуть было не сломал** ему руку.* [К. С. Станиславский. Работа актера над собой (1938)]
- (23) *Ее бывший владелец, актер драмтеатра, **чуть было не** сел из-за нее за хранение оружия.* [В. Г. Месяц. Преступление и наказание // «Волга», 2016]
- (24) *Во время выходной арии я поскользнулся на цементной полоске, отделяющей сцену от авансцены, и **чуть было не** упал навзничь, но все-таки удержал равновесие.* [Герард Васильев. Роли, которые нас выбирают (2002)]

- (25) *К концу болезни мне чуть было не произвели «операцию» — какое ужасно страшное слово.* [А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955)]
- (26) *Обо мне говорят в парикмахерской, в дворницкой, в греческой мясной лавке (в связи с тем, что ему чуть было не выбили глаз).* [Аркадий Белинков. «Сдача и гибель советского интеллигента». Юрий Олеша. Смерть поэта (1958–1968)]

Разумеется, в этой конструкции употребляются и глаголы, не обозначающие нежелательную семантику.

- (27) *Он чуть было не позвонил в Феникс сразу же после ее отъезда, но отчего-то решил, что надо выждать хотя бы пару дней.* [В. Б. Бочков. Счастье с доставкой // «Волга», 2013]

При анализе этой конструкции встает вопрос о семантике частицы *было* в комплексе *чуть было не*. Мы затрудняемся ответить на этот вопрос. Вполне очевидно только то, что это не та семантика, которая свойственна этой частице в рассмотренной конструкции «*было* + смысловой глагол», где эта частица обозначает, что с ситуацией, называемой смысловым глаголом, проводятся определенные манипуляции, но в итоге ситуация в конце концов оказывается несостоявшейся. Кажется, что в комплексе *чуть было не* у частицы *было* нет какой-либо грамматической семантики. Мы готовы согласиться с точкой зрения, что в комплексе *чуть было не* роль частицы *было* заключается в том, что она ограничивает сочетаемостные возможности комплекса формами глаголов прошедшего времени [Санкова 1971: 301].

В целом создается впечатление, что у этой конструкции та же семантика, что и у конструкции с комплексом без частицы *было*, см. (28), (29), в которой этот комплекс выступает в контактной препозиции по отношению к глагольной форме. Иными словами, в обеих конструкциях речь идет о том, что, как правило, нежелательная для Агенса или Эспериенцера ситуация, называемая смысловым глаголом, была близка к осуществлению, но не осуществилась.

- (28) *Вот-вот должно было что-то случиться, что-то страшное и прекрасное, и Эдик **чуть не** проехал свою остановку.* [Мария Галина. Лианы, ягуары, женщина (2013)]
- (29) *Подруга Цыбашева, на которой он **чуть не** женился, поддавшись всеобщему процессу брачевания на пятом курсе, не выдержала его колебаний и вышла замуж.* [Михаил Елизаров. Pasternak (2003)]

В обеих конструкциях, похоже, без каких-либо ограничений, могут употребляться одни и те же глаголы.

- (30) *И хотя Ежик с Медвежонком **чуть было не** поссорились, это был очень счастливый солнечный день!* [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]
- (31) *За концерт предложили 40 рублей, и мы **чуть не** поссорились — я считал, что за настоящее искусство деньги брать стыдно.* [Андрей Макаревич. Все очень просто (1990)]

На первый взгляд, если в (30) изъять частицу *было*, а в (31), напротив, ее вставить, то в семантике этих конструкций никаких изменений не произойдет.

Отличия у этих конструкций все же есть, но они, если не считать одного случая¹⁰, сугубо формальные, и заключаются они в том, что в конструкции с комплексом без частицы *было* более широкие возможности оформления смыслового глагола. В конструкции, где в комплексе представлена частица *было*, смысловой глагол, как и в конструкции с частицей *было*, выступает только в форме прошедшего времени преимущественно совершенного вида. В конструкции, где в комплексе отсутствует частица *было*, эта

---

¹⁰ Имеются в виду примеры, в которых непредвиденная и нежелательная ситуация могла бы осуществиться с предметом, являющимся объектом другой агентивной ситуации типа *Не добежав до ворот шагов пяти, Бойко рванулся вперед, крикнул и хватил по мячу так, что мяч **чуть не** распоролся.* [В. П. Беляев. Старая крепость (1937–1940)].

закономерность остается в виде тенденции, причем заметно вырастает употребительность конструкции с Экспериенцером в позиции дативного актанта.

- (32) — *Из-за того, что мне чуть не проломили грудь, благодаря вам, ваше сиятельство, да еще из-за проигрыша семидесяти золотых, я могу называть вас графом Хуеломойским, так?* [Сергей Осипов. «Страсти по Фоме». Книга вторая. Примус интер парэс (1998)]

Вместе с тем смысловой глагол может выступать также и в форме настоящего времени, см. (33), и в форме деепричастия, см. (34), и в форме причастия, см. (35).

- (33) *Растерялся Евдоким, чуть не плачет с досады<...>* [Олег Тихомиров. Про козла Евдокима // «Мурзилка», 2001]
- (34) *В дверь постучали, и Андрей рефлекторно схватился за ручку замка, чуть не свалившись с унитаза.* [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)]
- (35) *Трудно описать тяжелое состояние чуть не плачущего, нравственно убитого Барсова.* [П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 1 (1923–1924)]

Кроме того, похоже, что комплекс *чуть не* может употребляться вместе с другими частями речи: существительными, см. (36), прилагательными, см. (37), местоимениями, см. (38), наречиями, см. (39).

- (36) *Относительно загадки — как все-таки при таких худосочных данных создаются чуть не шедевры?* [Этимология превращения гусеницы в бабочку // «Культура», 2002.04.08]
- (37) *Денег выписал, болван! — воскликнул он с каким-то горьким, чуть не мазохическим вдохновением. — Вот эти триста рублей и погубили все.* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)]

- (38) *А вкус горьких плодов терактов 11 сентября 2001 года **чуть не** весь мир чувствует до сих пор, но особенно ощутим он у нас в Евразии.* [Гроздья гнева // «Русский репортер», 2014]
- (39) *Мне **чуть не** насильно навязали местного проводника, ссылаясь на тревожное положение в окрестностях.* [Н. Ф. Новиков. Дневник (1933)]¹¹

Отдельно самым предварительным образом рассмотрим вопрос о возможности употребления смысловых глаголов во всех трех рассмотренных конструкциях. Просмотр Основного корпуса НКРЯ показал, что в принципе реализуются все допустимые теоретические возможности.

1. Смысловый глагол употребляется и в конструкции с частицей *было*, и в конструкции с комплексом, в который входит частица *было*, и в конструкции с комплексом без частицы *было*:

- (40) *Я сказал **было**, что венки нам ни к чему, но посмотрел на Людмилу и поправился: «Вон тот, наверное, {...} побольше, да?»* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]
- (41) *Эх, **чуть было не** сказал вам по-лагерному!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)]
- (42) *Больница — длинный одноэтажный дом, сразу за окном зеленый луг, усыпанный... **чуть не** сказал — отдыхающими.* [Валерий Попов. Ты забыла свое крыло // «Октябрь», 2013]

2. Смысловый глагол употребляется в конструкции с частицей *было* и в конструкции с комплексом, в который входит частица *было*.

- (43) *Даже **передумал было**, но все-таки, хоть и тихо, закончил {...}* [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)]

---

¹¹ В примерах (36)–(39) комплекс *чуть не*, похоже, синонимичен слову *почти*. Ср. (36) и (36а) *Относительно загадки — как все-таки при таких художочных данных создаются **почти** шедевры?* [Этимология превращения гусеницы в бабочку // «Культура», 2002.04.08].

- (44) *Увидев эту жалкую бледность, Петров тоже **чуть было не передумал** ехать.* [А. Б. Сальников. Петровы в gripпе и во-круг него // «Волга», 2016]

3. Смысловый глагол употребляется в конструкции с частицей *было* и в конструкции с комплексом без частицы *было*.

- (45) — *Мелкая такая сволочь, у меня с ним было дело лет пять тому назад, он у меня деньги **было украл**, которые я получил тогда от этой англичанки, она как раз выходила замуж (...)* [Г. А. Газданов. Возвращение Будды (1950)].
- (46) *Первый диск у меня уже **чуть не украли**, сейчас вот надо будет обеими руками держаться за второй.* [Алексей Мокроу-сов. Слово Ларисе Миллер // «Домовой», 2002.08.04]

4. Смысловый глагол употребляется в конструкции с комплексом, в который входит частица *было*, и в конструкции с комплексом без частицы *было*.

- (47) *Вниз скакал, как угорелый, сразу через три, а то и четыре ступеньки, и **чуть было не расшибся**, неудачно подвернув лодыжку.* [Виктор Чигир. Марцелл // «Дальний Восток», 2019]
- (48) *На этот раз он **чуть не расшибся** о холодную каменную по-верхность, выложенную большими коричневыми плитами.* [Виктор Пелевин. Затворник и Шестипалый (1990)]

5. Смысловый глагол употребляется только в конструкции с ча-стицей *было*.

- (49) *Ищет мне сторожиху и **нашел было** и привел — сорвалось.* [Л. К. Чуковская. Александр Солженицын (1962–1995)]

6. Смысловый глагол употребляется только в конструкции с ком-плексом, в который входит частица *было*.

- (50) — Ну, слушай: был такой народоволец Фроленко — который при помощи гальванической батареи **чуть было не взорвал** Александра II. [Л. А. Данилкин. Етишкин арбалет (2016)].

7. Смысловый глагол употребляется только в конструкции с комплексом без частицы *было*.

- (51) Кирилл подумал, что это совсем погано с его стороны, даже **чуть не покраснел**. [Алексей Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы. Гл. 1–20 (2011)]

В этой конструкции нами зафиксирован пока единственный случай, когда не осуществляется ситуация, на первый взгляд, желательная, но, очевидно, не планировавшаяся и неожиданная для главного участника ситуации:

- (52) *Наездник Коля (камзол черный, шлем и полосы на рукавах белые) берег кобылу, не выбивал секунды, а однажды **чуть не выиграл** у самого Отелло*. [Анатолий Гладилин. Большой беговой день (1976–1981)]

8. Смысловый глагол не употребляется во всех трех конструкциях. Например, глагол *посидеть*.

Нам остается охарактеризовать семантику рассмотренных конструкций, точнее того вклада, который вносят в их семантику частица *было* и комплекс *чуть (было) не*. Как было установлено, во всех трех конструкциях ситуация, выражаемая смысловым глаголом, в конце концов остается нереализованной. Однако в конструкции с частицей *было* и в конструкциях с комплексом *чуть (было) не* это происходит различным образом.

В конструкции с частицей *было* с намеченной к исполнению ситуацией, выражаемой смысловым глаголом, происходят различные манипуляции, которые препятствуют ее осуществлению, а в случае осуществления — ее сохранению. Таким образом, *частица было в этой конструкции обозначает такое положение вещей, при котором*

часто желательная для Агенса и ожидаемая ситуация, выражаемая глаголом в прошедшем времени, несмотря на различные операции с ней, в конечном счете не осуществляется.

Что касается комплекса *чуть (было) не*, то его значение мы бы определили следующим образом. Комплекс *чуть (было) не* обозначает такое положение вещей, при котором преимущественно нежелательная и неожиданная для Агенса или Экспериментера ситуация, обозначаемая глаголом в прошедшем времени, потенциально могла бы осуществиться, и налицо могли быть и некоторые признаки ее возможного осуществления, но она все же не осуществилась. В работе [Плунгян 2001: 56] значение комплекса *чуть (было) не* называется проксимативным.

Нам остается упомянуть о той трактовке, которая дается конструкции с частицей *было* в работе [Kuteva et al. 2019]. Авторы данной работы полагают, что в этой конструкции реализуются значения трех абстрактных сложных семантических категорий авертива (*avertive*), фрустатива (*frustrated initiation*), инконсеквентива (*inconsequential*)¹². Авертив обозначает нереализацию ожидавшейся целостной ситуации, выраженной глаголом прошедшего времени. Фрустатив обозначает нереализацию начальной фазы целостной ситуации, выраженной глаголом прошедшего времени. Инконсеквентив обозначает конечную фазу ожидавшейся целостной ситуации, выраженной глаголом прошедшего времени, см. упомянутую работу [Kuteva et al. 2015: 878–879]¹³. Эта точка зрения представляется интересной и заслуживает внимания.

В этой связи заметим, что в конструкции с комплексом *чуть (было) не*, которая в данной статье не рассматривается, осуществляется

---

¹² Абстрактные сложные семантические категории одновременно кодируют более одного компонента значения, принадлежащего к разным семантическим областям.

¹³ В этой статье не учитывается то обстоятельство, что в конструкции с частицей *было* выражается также отмена еще только запланированной ситуации, причем смысловой глагол в этом случае может выступать в несовершенном виде типа (Милый Алексеевич *хотел было* вскипятить чайник, но не решился *обеспокоить соседей*). [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)].

нереализация нежелательной ситуации, выраженной глаголом прошедшего времени. Поскольку не осуществляется целостная ситуация, то можно считать, что реализуется значение Авертива, но с той оговоркой, что не реализуется целостная **нежелательная** ситуация, тогда как Авертив обозначает нереализацию целостной ожидавшейся желательной ситуации.

Мы, в свою очередь, предлагаем рассматривать и частицу *было*, и комплекс *чуть (было) не* как приглагольные аспектуальные показатели типа тех, что стандартно используются в изолирующих языках, однако с той поправкой, что эти показатели имеют модальную составляющую, которая у частицы *было* является позитивной, а у комплекса *чуть (было) не* — негативной. Такое предположение может показаться, мягко говоря, странным. Принято считать, что аспектуальную характеристику предложения в основном определяет наличие определенных видовых форм глагола в позиции вершины предложения с учетом их лексической специфики, а каких-либо внеглагольных аспектуальных грамматических показателей в языках типа русского в принципе нет.

Однако мы полагаем, что акциональный потенциал глагольной лексемы может реализоваться не только с помощью частных значений категории вида, но и с помощью приглагольных аспектуальных грамматических показателей, к каким мы относим частицу *было* и комплекс *чуть (было) не*.

При этом нелишне вспомнить, что сама частица *было* представляет собой рудимент формы плюсквамперфекта, который вышел из употребления в литературном русском языке, но сохраняется в диалектах Архангельской и Вологодской областей, где, по словам С. К. Пожарицкой, «наблюдается широкая употребительность конструкций, состоящих из форм прошедшего времени основного глагола и глагола *быть*, которые нельзя не связать с древнерусским плюсквамперфектом, но которые имеют следующие особенности: 1.1.1. В каждом говоре обычно имеется две структурных разновидности этих конструкций: а) форма прошедшего времени основного глагола + согласованная с ним форма прошедшего времени глагола *быть* (*Дочь моя вышла была замуж; Коля-то был родился в войну;*

Померли были все); б) форма прошедшего времени основного глагола + не согласованная с ним форма среднего рода *было* (*Заработали было двенадцать рублей; Картошки-то было дивно продала; Он все было отделявал*)» [Požarickaja 1991: 787–789].

Собственно говоря, предлагаемая нами трактовка развивает точку зрения, в соответствии с которой частица *было* рассматривается как особый показатель, оторвавшийся от морфологической глагольной системы¹⁴. В целом же общее семантическое свойство рассмотренных приглагольных аспектуально-модальных показателей состоит в том, что они обозначают различные варианты нереализации ситуации. Во всех вариантах ситуация, называемая смысловым глаголом в прошедшем времени, остается несовершенной, хотя в случае с частицей *было*, речь идет о том, что не совершена ожидаемая, желательная ситуация, а в случае с комплексом *чуть (было) не* речь идет о том, что не совершена неожиданная, нежелательная ситуация.

Литература

- Апресян 2007 — Ю. Д. Апресян. Теоретические основы активной лексикографии // А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков (ред.). Русский язык в странах СНГ и Балтии. М.: Наука, 2007. С. 375–385.
- Князев 2004 — Ю. П. Князев. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Ю. Д. Апресян (ред.). Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянских культур, 2004. С. 296–304.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Козлов 2015 — А. А. Козлов. О механизме грамматикализации конструкции *чуть (было) не* // Материалы семинара «Некоторые применения математических методов в языкознании». М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

¹⁴ См. [Сичинава 2013: 243].

- Саенкова 1971 — Н. А. Саенкова. О соотношении лексического и грамматического значений у частиц *чуть было не, чуть не, едва не* // Современный русский язык (=Ученые записки Московского государственного пединститута, 1971. Вып. 423). С. 298–305.
- Сичинава 2013 — Д. В. Сичинава. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.
- Сичинава 2018 — Д. В. Сичинава. Частица *было*: порядок слов, семантика и информационная структура предложения // *Rhema*. 2018. № 1. С. 82–101.
- Храковский 2015 — В. С. Храковский. Плюсквамперфект и конструкция с частицей *было* в восточнославянских языках // В. Ю. Франчук (ред.). Вагрослав Ягич и проблеми слов'язнознавства. Збірник наукових праць. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. С. 287–298.
- Чернов 1970 — В. И. Чернов. О приглагольных частицах *было* и *бывало* // Ученые записки Смоленского государственного педагогического института. 1970. Вып. 24. С. 258–264.
- Чуйкова 2015 — О. Ю. Чуйкова. Некоторые особенности выражения значений, соответствующих подготовительной стадии ситуации, в русском языке // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 3. С. 179–189.
- Шошитайшвили 1998 — И. А. Шошитайшвили. Русское «было»: пути грамматикализации // *Русистика сегодня*. 1998. Т. 3 (4). С. 59–78.
- Barentsen 1986 — A. Barentsen. The use of particle БЫЛО in Modern Russian // A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). *Dutch Studies in Russian Linguistics*. (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 8). Amsterdam: Rodopi, 1986. P. 1–68.
- Kuteva et al. 2015 — T. Kuteva, B. Aarts, G. Popova, A. Abbi. The grammar of 'non-realization' // *Studies in Language*. 2015. Vol. 43. № 4. P. 850–895.
- Požarickaja 1991 — S. K. Požarickaja. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves*. 1991. Т. 63. Fasc. 4. P. 787–799.

References

- Apresyan 2007 — Yu. D. Apresyan. *Teoreticheskiye osnovy aktivnoy leksikografii* [Theoretical foundations of active lexicography]. A. P. Derevyanko, A. B. Kudelin, V. A. Tishkov (eds.). *Russkiy yazyk v stranakh SNG i Baltii* [Russian language in the CIS and Baltic countries]. Moscow: Nauka, 2007. P. 375–385.
- Barentsen 1986 — A. Barentsen. The use of particle БЫЛО in Modern Russian. A. Barentsen, B. M. Groen, R. Sprenger (eds.). *Dutch Studies in Russian*

- Linguistics*. (Studies in Slavic and General Linguistics. Vol. 8). Amsterdam: Rodopi, 1986. P. 1–68.
- Chernov 1970 — V. I. Chernov. O priglagnykh chastitsakh *bylo* i *byvalo* [On the adverbial particles *bylo* and *byvalo*]. *Uchenyye zapiski Smolenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 1970. Iss. 24. P. 258–264.
- Chuykova 2015 — O. Yu. Chuykova. Nekotoryye osobennosti vyrazheniya znacheniy, sootvetstvuyushchikh podgotovitelnoy stadii situatsii, v russkom yazyke [Some specific features of expressing meanings consistent with the preliminary stage of a situation in Russian]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 9. 2015. Iss. 3. P. 179–189.
- Khrakovskiy 2015 — V. S. Khrakovskiy. Plyuskvamperfekt i konstruktsiya s chastitsey *bylo* v vostochnoslavjanskikh yazykakh [Pluperfect and constructions with the particle *bylo* in East Slavic languages]. V. Yu. Franchuk (ed.). *Vatroslav Yagich i problemi slovyanoznavstva. Zbirnik naukovikh prats* [Vatroslav Yagich and issues of Slavic studies. A collection of scientific works]. Kiiv: Dmitro Burago Publishing House, 2015. P. 287–298.
- Knyazev 2004 — Yu. P. Knyazev. Forma i znacheniyе konstruktsiy s chastitsey *bylo* v russkom yazyke [Constructions with the particle *bylo* in Russian: form and meaning]. Yu. D. Apresyan (ed.). *Sokrovennyye smysly. Slovo, tekst, kultura. Sbornik statey v chest N. D. Arutyunovoy* [Hidden meanings. Word, text, culture. A collection of papers in honor of N. D. Arutyunova]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2004. P. 296–304.
- Knyazev 2007 — Yu. P. Knyazev. Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspective [Grammatical Semantics. Russian from the typological perspective]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur, 2007.
- Kozlov 2015 — A. A. Kozlov. O mekhanizme grammatikalizatsii konstruktsii *chut (bylo) ne +*. Materialy seminarа «Nekotoryye primeneniya matematicheskikh metodov v yazykoznanii» [On the mechanism of grammaticalization of the *chut (bylo) ne +* construction. Proceedings of the seminar “Some applications of mathematical procedures in linguistics”]. Moscow: Moscow State University Press, 2015.
- Kuteva et al. 2015 — T. Kuteva, B. Aarts, G. Popova, A. Abbi. The grammar of ‘non-realization’. *Studies in Language*. 2015. Vol. 43. No. 4. P. 850–895.
- Plungyan 2001 — V. A. Plungyan. Antirezultativ: do i posle rezultata [The anti-resultative: before and after the result]. V. A. Plungyan (ed.). *Issledovaniya po teorii grammatiki. Glagolnyye kategorii* [Studies in the theory of grammar. Verb categories]. Moscow: Russkiye slovari, 2001. P. 50–88.
- Pozharickaja 1991 — S. K. Pozharickaja. O semantike nekotorykh form proshedshego vremeni glagola v severnorusskom narechii [On the meaning of some past tense

- forms of the verb in Northern Russian dialects]. *Revue des études slaves*. 1991. T. 63. Fasc. 4. P. 787–799.
- Sayenkova 1971 — N. A. Sayenkova. O sootnoshenii leksicheskogo i grammaticheskogo znacheniy u chastits *chut bylo ne*, *chut ne*, *yedva ne* [On the correlation between lexical and grammatical meanings of the particles *chut bylo ne*, *chut ne*, *yedva ne*]. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedinstituta. 1971. Iss. 423. P. 298–305.
- Shoshitayshvili 1998 — I. A. Shoshitayshvili. Russkoye «bylo»: puti grammatikalizatsii [The Russian *bylo*: paths of grammaticalization]. *Rusistika segodnya*. 1998. Vol. 3 (4) P. 59–78.
- Sichinava 2013 — D. V. Sichinava. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskiy plyuskvamperfekt [Typology of the pluperfect. Russian pluperfect]. Moscow: Ast-Press Kniga, 2013.
- Sichinava 2018 — D. V. Sichinava. Chastitsa *bylo*: poryadok slov, semantika i informatsionnaya struktura predlozheniya [The particle *bylo*: word order, meanings and the information structure of the sentence]. *Rhema*. 2018. No. 1. P. 82–101.

Получено / received 16.03.2024

Принято / accepted 12.04.2014

Presupposition diversity: Soft and hard presupposition triggers in (non-)embedded contexts

Natalia A. Zevakhina

HSE University (Moscow, Russia); nzevakhina@hse.ru;

ORCID: 0000-0002-1187-0680

Maria A. Rodina

HSE University (Moscow, Russia); mrodina1102@gmail.com

Abstract. The paper provides psycholinguistic evidence that the distinction between soft and hard presupposition triggers is sensitive to clauses embedded under attitude, reporting, and emotive verbs. The paper argues that these contexts represent yet another type of context along with Family of Sentences (antecedent of conditional, modal assertion, and yes / no question) that facilitate presupposition projection of hard triggers to a greater extent than that of soft triggers. The reason behind this lies in the distinction between global vs. local context of presupposition projection: hard triggers are globally projected, whereas soft triggers are either globally or locally projected. The experiment reported in the paper was designed as a verification task, that is, the participants were presented with utterances followed by questions and were asked to evaluate the information conveyed by the questions according to the information conveyed by the utterances. The information in the questions violated the presupposition conveyed by the utterances. The following six Russian presupposition triggers were experimentally tested: the adverbs *opyat* and *snova* ‘again’, the particle *tozhe* ‘too’ (hard triggers), the attitude verbs *uznat* ‘find out’, *zabyt* ‘forget’ and the aspectual verb *zakonchit* ‘finish’ (soft triggers). The triggers took positions in the main, in the embedded clause, or in both. We used two experimental lists such that one of them targeted a trigger in the main clause, and the other one targeted a trigger in the embedded clause. The paper reveals that presupposition projection is not a default linguistic process since it is compatible with fallacies in pragmatic reasoning even for hard triggers in main clause contexts. Also, for the first time, the paper investigates combinations of soft and hard triggers in main and embedded contexts

and compares them to single soft and hard triggers, thus bringing presupposition projection to new frontiers.

Keywords: presupposition, presupposition triggers, soft, hard, embedded.

Acknowledgements. We express our sincere gratitude to Daria Popova for the comments on the first draft of the paper, and to Alex Dainiak for generous technical advice and support. We truly appreciate numerous invaluable essential comments from the anonymous reviewer on all the versions of the manuscript.

This study is an output of the research project # 23-18-0069500695 supported by RSF and entitled “Logical and Cognitive Approach to Reasoning: Modelling the Interplay between the Normative and the Descriptive”.

Разнообразие пресуппозиций: мягкие и жесткие пресуппозитивные триггеры в синтаксически (не)подчиненных контекстах

Н. А. Зевахина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); nzevakhina@hse.ru; ORCID: 0000-0002-1187-0680

М. А. Родина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия); mrodina1102@gmail.com

Аннотация. Статья приводит экспериментальное свидетельство в пользу различия между мягкими и жесткими пресуппозитивными триггерами, которое чувствительно в отношении подчиненных клауз, являющихся аргументами матричных предикатов пропозициональной установки, речевой деятельности и эмотивных предикатов. В статье показывается, что эти контексты представляют собой еще один тип предложений наряду с Семейством предложений (Family of Sentences), которые способствуют проекции пресуппозиции жестких триггеров в большей степени, чем мягких триггеров. Причина кроется в различии между глобальным vs локальным контекстом проекции пресуппозиции: жесткие триггеры проецируются в глобальном контексте, в то время как мягкие триггеры проецируются в глобальном или в локальном контексте. Эксперимент, изложенный в статье, был задуман как верификационное задание, т. е. испытуемые должны были оценить информацию,

представленную в вопросах, в соответствии с информацией, представленной в высказываниях. Информация в вопросах нарушала пресуппозицию высказываний. Следующие 6 русских пресуппозитивных триггеров были экспериментально протестированы: наречия *опять* и *снова*, частица *тоже* (жесткие триггеры), глаголы пропозициональной установки *узнать*, *забыть* и фазовый глагол *забыть* (мягкие триггеры). Триггеры занимали позиции в главной, подчиненной клаузе или в обеих клаузах. Было составлено 2 экспериментальных листа, так что в одном из них вопрос касался триггера в главной клаузе, а другой — триггера в подчиненной клаузе. В статье выявлено, что проекция пресуппозиции не является дефолтным языковым процессом, поскольку совместима с ошибками в прагматических рассуждениях даже для жестких триггеров в контекстах главной клаузы. Кроме того, впервые в статье исследуются комбинации мягких и жестких триггеров в контекстах главных и подчиненных клауз, и эти комбинации сопоставляются с единичными мягкими и жесткими триггерами.

Ключевые слова: пресуппозиция, пресуппозитивные триггеры, мягкие триггеры, жесткие триггеры, подчиненные клаузы.

Благодарности. Мы выражаем нашу искреннюю признательность Дарье Поповой за комментарии к первой версии статьи и Александру Дайняку за великодушную техническую поддержку в проведении эксперимента. Мы также высоко ценим многочисленные существенные комментарии анонимного рецензента ко всем версиям статьи.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-18-00695, <https://rscf.ru/project/23-18-00695/>.

1. Introduction

1.1. Theoretical approaches to diversity of presupposition triggers

It has been well-acknowledged that presupposition is triggered by a variety of lexical items such as factive verbs, aspectual verbs, adverbs of manner, complementizers introducing temporal clauses, quantifiers, particles, etc. Such lexical items are referred to as *presupposition triggers*.

Presupposition triggers typically give rise to presupposition in assertive contexts. Also, presupposition *projects* (or survives) in other contexts such as negation [Langendoen, Savin 1971], antecedent of conditional, modal assertion, and yes/no question. Such contexts are called *Family of Sentences*, or *FoS*, cf. [Chierchia, McConnell-Ginet 1990]. An example of Russian presupposition triggers in FoS are given in (1)–(4). The triggers are highlighted in bold here and throughout the paper.

- (1) *Druzya ne **uznali**, chto kontsert otmenilsya.*
‘The friends did not **find out** that the concert had been cancelled’.
- (2) *Vozmozhno, druzya **uznali**, chto kontsert otmenilsya.*
‘Presumably, the friends **found out** that the concert had been cancelled.’
- (3) *Esli druzya **uznayut**, chto kontsert otmenilsya, oni rasstroyatsya.*
‘If the friends **find out** that the concert has been cancelled, they will get upset.’
- (4) *Druzya **uznali**, chto kontsert otmenilsya?*
‘Did the friends **find out** that the concert had been cancelled?’

Relying upon [Simons 2001], [Abusch 2002, 2010] argued for diversity of presupposition triggers with respect to their projection plausibility in survival contexts. According to that theory, the triggers divide into two major groups: hard vs. soft triggers. Hard triggers are projected in all the contexts of FoS, whereas soft triggers are projected in some (but not all) contexts of FoS. To illustrate, soft triggers such as the verbs *win*, *discover*, *know* are felicitously used in antecedent of conditionals, whereas hard triggers such as the particle *too* and the adverb *again*, are infelicitous in antecedent of conditionals. Cf. ignorance contexts introduced with *I have no idea whether* in (5) and (6).

- (5) *I have no idea whether John ended up participating in the Road Race yesterday. But if he **won** it, then he has more victories than anyone else in history.* [Abusch 2010: 39]

- (6) *I have no idea whether John read the proposal. # But if Bill read it too, let's ask them to confer and simply give us a yes/no response.*
[Abusch 2010: 40]

As argued in [Abusch 2002, 2010], the reason behind the suggested distinction lies in that hard triggers constitute a purely semantic phenomenon and, therefore, they project in all possible contexts, whereas soft triggers are pragmatically derived. More precisely, soft triggers are derived from sets of lexical alternatives. To illustrate, for *win* the alternative is *lose* and for *stop* the alternative is *continue*. By uttering a sentence with a soft trigger, the false alternative is eliminated, and the true alternative projects. Importantly, for both alternatives (*win* or *lose*, *stop* or *continue*), the presupposition is identical. For example, for the utterances *John won the race* / *John lost the race*, the information about John's participation in the race is presupposed. For the utterances *John stopped smoking* / *John continues smoking*, the information about John's smoking before is presupposed. How can we capture the contrast in (5) and (6)? To answer this question, let us firstly consider the dichotomy of the *local* vs. *global context*.

A global context refers to the context of a whole conversation, whereas a local context means one (typically embedded) clause. To illustrate, in (5) and (6) local contexts are antecedents of conditionals. [Stalnaker 1974] argued that during conversation, a global context is updated, which results in adding new assertions and new presuppositions to it. As he says, the hearer accommodates (takes for granted) the presupposition of the speaker's utterance. Later, [Heim 1983] pointed out that presuppositions can also project (or can also be accommodated) in local contexts. However, presupposition projection (or presupposition accommodation) in a global context is preferred over presupposition projection (or presupposition accommodation) in a local context (see [Beaver, Zeevat 2007] for an overview of literature on accommodation).

Turning back to the question of how to account for the difference between (5) and (6), according to Abusch, the answer is that the soft trigger *win* can project in a local context (but can also project in a global context), whereas the hard trigger *too* only projects in a global context.

The discussion of the two trigger categories has led to the following two controversial viewpoints. On the one hand, building upon [Chemla 2009], [Romoli 2011, 2014] presented further arguments in favour of the trigger dichotomy. His analysis relies upon the idea that, unlike hard triggers, soft triggers are pragmatically derived (that is, via pragmatic reasoning of the hearer) and bear resemblance to scalar implicatures. On the other hand, [Abrusán 2011, 2016] points out that triggers represent one conceptual and categorical phenomenon and the diversity among triggers can be captured by the interplay of several pragmatic and discourse factors such as focus-sensitivity, anaphoricity, and question-answer congruence. To illustrate, the triggers *too* and *again* are propositional anaphoric pronouns that seek their antecedents in the previous discourse. For example, the sentence *John read the article too* evokes a proposition about someone else having read the article ('x read the article') mentioned before; the sentence *John read the article again* evokes a proposition 'John read the article at t_1 ', where t_1 happened before the time of uttering the sentence. Things become more complicated if one takes into consideration the fact that the soft triggers under focus give rise to presupposition, cf. (7) and (8). In (7), the soft trigger *discover* is not focused and, therefore, does not project presupposition. However, in (8), it is focused and, therefore, does project presupposition.

- (7) *If the TA **discovers** that [your work is plagiarised]_F, I will be [forced to notify the Dean]_F.* [Abrusán 2016: 171]
- (8) *If the TA [**discovers**]_F that your work is plagiarised, I will be [forced to notify the Dean]_F.* [Abrusán 2016: 171]

So far, we have considered sentences with one presupposition trigger, or better to say, we have paid attention to only one presupposition trigger in a sentence. Let us now examine complex sentences with several triggers. What happens in (9)?

- (9) *Bill does not **know** that all of **Jack's children** are bald.* [Karttunen 1973: 172]

[Langendoen, Savin 1971] pointed out that the presuppositions of a whole sentence are a sum of all the presuppositions of its parts.

Accordingly, the sentence (9) has the presupposition that Jack has children as well as the presupposition that they all are bald. When a sentence is generated, the presuppositions are successively accumulated.

[Romoli 2014] also touched upon what he calls stacked soft triggers, cf. (10).

(10) *John stopped winning.* [Romoli 2014: 17]

He argued that each trigger generates its own presupposition via the exhaustification (EXH) operator that applies automatically to each trigger: EXH [stop[EXH[PRO winning]]]. This operator was originally introduced in [Chierchia 2006] to account for scalar implicature computation and is semantically close to the lexical item *only* (that is why sometimes it is called *Only*-operator or *O*-operator). It exhaustifies a set of alternatives for every lexical item that evokes alternatives.

Even though it seems to be an elegant technical solution to the triggering problem, it does not seem to be psychologically plausible. Abundant experimental evidence aggregated so far has revealed that the empirical picture of scalar implicatures is much more complicated than the mere application of this operator. In general, the interaction of several triggers has been paid little attention in the literature, and the present study aims at filling in this gap.

1.2. Experimental evidence for the diversity of presupposition triggers

Psycholinguistic evidence has overwhelmingly supported the distinction between soft vs. hard presupposition triggers in various languages, including [Xue, Onea 2012] in German, [Smith, Hall 2012; Jayez, Mongelli 2012] in English. The methods differed in the cited papers. [Xue, Onea 2012] used a verification task, that is, their participants were presented with utterances followed by questions. They had to evaluate whether the information conveyed by questions was consistent with the content of the utterances. [Smith, Hall 2012; Jayez, Mongelli 2012] used a speaker-oriented methodology. They evaluated participants' surprise

towards a given utterance. [Xue, Onea 2012] verified conditionals, [Smith, Hall 2012] tested assertions, negated assertions and conditionals, whereas [Jayez, Mongelli 2012] investigated two conditional contexts where one included an anaphoric pronoun while the other lacked it.

The presupposition triggers used in [Xue, Onea 2012] were German hard triggers *auch* ‘too’ and *wieder* ‘again’, soft triggers *wissen* ‘know’ and *erfahren* ‘find out’. [Smith, Hall 2012] tested the English hard trigger *it*-cleft and soft triggers *win* and *know*. [Jayez, Mongelli 2012] used the hard triggers *too* and *it*-cleft and the soft trigger *win*.

In [Xue, Onea 2012], participants were presented with sentence pairs: a conditional sentence and a question that contained a negated embedded clause. The non-negated counterpart was mentioned in the conditional. Cf. (11a)–(11b).

- (11) a. (Sentence) *Wenn Paul weiß, dass Christine gerne Tee trinkt, schenkt er ihr eine Teekanne.* [Xue, Onea 2012]
 ‘If Paul **knows** that Kristina likes drinking tea, he will give her a teapot as a present.’
- b. (Question) *Ist es möglich, dass Christine nicht gerne Tee trinkt?*
 [ibid.]
 ‘Is it possible that Kristina doesn’t like tea?’

The participants were to answer by choosing between *Ja, das ist möglich* ‘Yes, it is possible’, *Nein, das ist nicht möglich* ‘No, it is not possible’ or *Ich weiß es nicht* ‘I don’t know’. In [Smith, Hall 2012], each of the contexts (assertion, negation and conditional) was followed by three questions of which only one was the critical item, while the others were fillers. After reading the questions, the participants were to evaluate the degree of their surprise by a five-point scale. In [Jayez, Mongelli 2012], the participants were presented with only sentences without questions. They were to evaluate the degree of their surprise by a seven-point scale.

The results of the experimental studies were as follows. [Xue, Onea 2012] demonstrated diversity not only between hard and soft triggers but also among soft triggers. The soft trigger *wissen* received 38 %

of projection and the soft trigger *erfahren*, 52 % of projection, this difference being quite significant. Moreover, the distinction between *erfahren* and the hard triggers *auch* and *wieder* also was significant. The latter two received 87 % and 99 % respectively. The hard triggers, however, did not show significant results. [Smith, Hall 2012] revealed a difference only between soft triggers and one hard trigger, but not within soft triggers. Finally, [Jayez, Mongelli 2012] demonstrated difference between the soft trigger *win* and the hard triggers *too* and *it-cleft*.

At the same time, the dichotomy between the two categories of triggers is still debated as some experimental investigations found a rather blurred distinction between soft vs. hard triggers (cf. [Jayez et al. 2015] who tested French hard trigger *aussi* ‘too’ and clefts as well as the soft trigger *regretter* ‘regret’).

[Amaral et al. 2012; Cummins et al. 2012; Tonhauser et al. 2018; Tonhauser et al. 2019] a.o. pointed out that presupposition triggers are divergent with respect to their contribution to at-issue vs. non-at-issue content of utterance. Even though we do not consider this aspect of presupposition projection in the experimental part of the paper, we find it relevant to mention it here. [Amaral et al. 2012; Cummins et al. 2012; Tonhauser et al. 2018; Tonhauser et al. 2019] a.o. also tested soft and hard triggers, though not in the contexts of Family of Sentences. The participants were presented with dialogues that consisted of assertions with presupposition triggers uttered by one speaker and confirmations or contradictions uttered by another speaker. [Tonhauser et al. 2018] hypothesised that presupposition projection depends on whether the presupposition trigger belongs to a non-at-issue content of the utterance. [Tonhauser et al. 2018] formulated the *Gradient Projection Principle*: if a presupposition trigger belongs to the at-issue content of the utterance, presupposition is not likely to project; on the contrary, if a presupposition trigger belongs to the non-at-issue content of utterance, the presupposition is likely to project. Therefore, presupposition is regulated not only by the lexical information of a trigger, but also by a discourse factor called Question Under Discussion (QUD). QUD helps determine which information is in the focus of an utterance and which information is in its background.

Consider the utterance *The friends found out that the play had been cancelled*. The QUD for this sentence will be *Did the friends find out that the play had been cancelled?* The answer “Yes, the friends found out...” is felicitous and, therefore, it reveals the focus of the utterance, and the answer “Yes, the play had been cancelled” is infelicitous and, therefore, indicates the background of the utterance. In addition, [Tonhauser et al. 2018] demonstrated variation between hard and soft triggers as well as within each group of triggers.

1.3. Hypotheses of the present study

It is important to emphasise that, to the best of our knowledge, verification of presupposition triggers in embedded clauses as well as their interaction in main and embedded clauses have never been experimentally studied so far.

Recall that, according to [Heim 1983], global projection, i.e., projection in a global context, is preferred over local projection, i.e., projection in a local context. The reviewer drew our attention to the fact that this preference is operative only in embedded contexts where there are both options (local and global projection), whereas in main contexts, there is only the global projection option. Heim’s preference may explain why projection is so widespread from embedded contexts. The question is whether the distinction between hard and soft triggers is sensitive to presupposition projection in clauses embedded under some matrix verbs.

The hypotheses of the present study are formulated below.

Hypothesis 1: There should be a distinction between main vs. embedded contexts in terms of the two trigger types (soft vs. hard): the main clause facilitates presupposition projection to a greater extent than the embedded clause. By embedded contexts we mean clauses embedded under attitude verbs (*zabyt* ‘forget’; cf. [Heim 1992]), reporting verbs (e.g., *govorit* ‘say’), and emotive verbs (e.g., *rasstroitsya* ‘get upset’). The hypothesis is motivated by the fact that embedded contexts show variability in either global or local projection, whereas there is no option of local

projection in main clause contexts. Therefore, we predict to have a distinction between soft vs. hard triggers in embedded clause contexts and a lack of it in main clause contexts. The hypothesis is viewed as an extended possibility of the standard theory of soft vs. hard triggers that involves entailment-cancelling contexts.

Hypothesis 2: This hypothesis partially follows from Hypothesis 1 and is two-fold: (i) rates of presupposition projection of a trigger in the main clause regarding a trigger in the embedded clause and (ii) rates of presupposition projection of a trigger in the embedded clause regarding a trigger in the main clause. Expectation (i) was tested in the first experimental list and implied a question to a trigger in the main clause. It suggested the following relative order of rates of presupposition projection: hard triggers in both clauses, a hard trigger in the main clause and a soft trigger in the embedded clause >> a soft trigger in the main clause and a hard trigger in the embedded clause, soft triggers in both clauses. Expectation (ii) was tested in the second experimental list and implied a question to a trigger in the embedded clause. It suggested the following relative order of rates of presupposition projection: hard triggers in both clauses, a soft trigger in the main clause and a hard trigger in the embedded clause >> a hard trigger in the main clause and a soft trigger in the embedded clause, soft triggers in both clauses. A reason behind Hypothesis 2 is that, as stated previously, hard triggers are expected to give rise to more presuppositions than soft triggers in both types of (main and embedded) clauses.

Hypothesis 3: There *might* be a distinction between single triggers and double triggers, that is: (i) a single soft trigger in the main clause vs. a soft trigger in the main clause and a soft/hard trigger in the embedded clause; (ii) a single soft trigger in the embedded clause vs. a soft/hard trigger in the main clause and a soft trigger in the embedded clause; (iii) a single hard trigger in the main clause vs. a hard trigger in the main clause and a hard/soft trigger in the embedded clause; and (iv) a single hard trigger in the embedded clause vs. a hard/soft trigger in the main clause and a hard trigger in the embedded clause. We do not have a strong motivation for this hypothesis (hence the modal *might* above), but it seems interesting to be tested for a probable effect.

2. Experiment

2.1. Participants

66 Russian native speakers recruited via Yandex.Toloka participated in the experiment, their age ranging from 18 to 63 years, with a mean age of 36 years, 28 females and 38 males. The participants were paid \$1.5 for their work. See *Section 2.3* for the data used for statistical analyses.

2.2. Methods

The experiment was designed as a verification task, that is, participants, presented with utterances followed by questions, were to evaluate the information conveyed by questions according to the information conveyed by utterances. This method is similar to the one used by [Xue, Onea 2012] and was chosen here because the results obtained can be compared to those by [Xue, Onea 2012].

The following six presupposition triggers were experimentally tested: the adverbs *opyat* and *sнова* ‘again’, the particle *tozhe* ‘too’, the attitude verbs *uznat* ‘find out’, *zabyt* ‘forget’ and the aspectual verb *zakonchit* ‘finish’. According to the original paper by [Abush 2010] as well as to [Xue, Onea 2012; Smith, Hall 2012; Jayez, Mongelli 2012], the adverbs and the particle belong to hard triggers, while the verbs represent soft triggers. The attitude verbs *uznat* ‘find out’ and *zabyt* ‘forget’ were used with an embedded clause. Additionally, the verb *uznat* ‘find out’ was used with a prepositional phrase with *o(b)* ‘about’. Moreover, the verb *zabyt* ‘forget’ was used with an infinitive, i.e., as an implicative verb that also derives a presupposition [Beaver 2011/2021]. The verb *zakonchit* was used with an imperfective infinitive. The presuppositions of soft triggers were made similar to each other, namely they all were pre-state presuppositions. Remarkably, for the verb *zabyt*, the utterance to evaluate contained a perfective infinitive, whereas the question

included an imperfective verb form. This was done intentionally, to refer to a pre-state presupposition.

The interaction of hard and soft triggers was verified in an assertive sentence that consisted of a main clause and an embedded clause with the complementiser *chto* ‘that’. There were 4 types of sentences: a hard trigger in the main clause and a soft trigger in the embedded clause (see (12a)–(12c)), a soft trigger in the main clause and a hard trigger in the embedded clause (see (13a)–(13c)), a hard trigger in the main clause and a hard trigger in the embedded clause (see (14a)–(14c)), a soft trigger in the main clause and a soft trigger in the embedded clause (see (15a)–(15c)). Six sentences were compiled for each sentence type, resulting in 24 experimental critical sentences in total. The following combinations were used in critical sentences: 6 combinations of hard + soft triggers (*opyat* + *zabyt*, *tozhe* + *zabyt*, *snova* + *uznat*, *tozhe* + *uznat*, *opyat* + *zakonchit*, *tozhe* + *zakonchit*), 6 combinations of soft + hard triggers (*zabyt* + *snova*, *zabyt* + *tozhe*, *uznat* + *opyat*, *uznat* + *tozhe*, *zakonchit* + *snova*, *zakonchit* + *tozhe*), 6 combinations of hard + hard triggers (*tozhe* + *snova*, *tozhe* + *opyat*, *opyat* + *tozhe*, *snova* + *tozhe*, *opyat* + *snova*, *snova* + *opyat*), and 6 combinations of soft + soft triggers (*zabyt* + *uznat*, *uznat* + *zabyt*, *uznat* + *zakonchit*, *zakonchit* + *uznat*, *zakonchit* + *zabyt*, *zabyt* + *zakonchit*).

Each critical sentence was followed by a modal question that violated the presupposition of either the main or the embedded clause. This yielded 48 sentence-question pairs.

Hard trigger in main clause + soft trigger in embedded clause

- (12) a. *Mama opyat govorila, chto deti zabyli sobrat svoi igrushki v komnate.*
 ‘Mother said **again** that the children had **forgotten** to collect their toys in the room.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto mama govorila ob etom vpervye?*
 ‘Is it possible that mother said that for the first time?’
- c. *Mozhet li takoe byt, chto deti ranshe ne pomnili ob etom?*
 ‘Is it possible that the children did not remember about that before?’

Soft trigger in main clause + hard trigger in embedded clause

- (13) a. *Alina **uznala**, chto Sasha **opyat** poshyol s druziyami v kino.*
 ‘Alina **found out** that Sasha had gone to the cinema with his friends **again**.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto Alina ranshe eto znala?*
 ‘Is it possible that Alina knew about that before?’
- c. *Mozhet li takoe byt, chto Sasha ranshe ne khodil s druziyami v kino?*
 ‘Is it possible that Sasha did not go to the cinema with his friends before?’

Hard trigger in main clause + hard trigger in embedded clause

- (14) a. *Mitin drug Danya **opyat** skazal, chto on **tozhe** plokho sebya chuvstvoval.*
 ‘Mitya’s friend Danya said **again** that he did not feel well **either**.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto Danya ranshe etogo ne govoril?*
 ‘Is it possible that Danya did not say that before?’
- c. *Mozhet li takoe byt, chto bolshe nikto iz Mitinykh druzey plokho sebya ne chuvstvoval?*
 ‘Is it possible that none of Mitya’s friends felt bad?’

Soft trigger in main clause + soft trigger in embedded clause

- (15) a. *Petya **uznal**, chto Ira **zabyla** zaryadit telefon.*
 ‘Petya **found out** that Ira had **forgotten** to charge her phone.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto Petya ranshe znal ob etom?*
 ‘Is it possible that Petya knew about it before?’
- c. *Mozhet li takoe byt, chto Ira ranshe ne pomnila ob etom?*
 ‘Is it possible that Ira did not remember about that before?’

We used two experimental lists where both included all experimental critical items, with one containing questions to the main, and the other,

to the embedded clause. The task was to answer each question by either “yes” or “no”.

Apart from the critical items, the lists included 24 control sentences. These also contained soft or hard triggers in the main or embedded clauses. This yielded four types of controls (see ((16a)–(19c) for each type) with six sentences in each. However, they had only one trigger in either the main or embedded clause. The control sentences were followed by questions about the information in the main clause in the first experimental list and about the information in the embedded clause in the second experimental list.

Soft trigger in main clause

- (16) a. *Ira **zaby**la, chto v ponedel'nik u nee nachinaetsya otpusk.*
‘Ira **forgot** that on Monday her vacation would start.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto Ira ranshe ne pommila ob etom?*
‘Is it possible that she did not remember that before?’

Soft trigger in embedded clause

- (17) a. *Podruga rasskazala, chto **zakon**chila delat remont.*
‘My friend said that she had **finished** doing the repairs.’
- b. *Mozhet li takoe byt, chto podruga ne delala remont?*
‘Is it possible that my friend did not do the repairs?’

Hard trigger in main clause

- (18) a. *Papa **opyat** skazal, chto neznakomets khodil u nashego doma.*
‘Daddy said **again** that the stranger was wandering around our house’.
- b. *Mozhet li takoe byt, chto papa ranshe ne govoril ob etom?*
‘Is it possible that daddy did not say that before?’

Hard trigger in embedded clause

- (19) a. *Mishin drug poshutil, chto ego **tozhe** priglasili na vecherinku.*
‘Misha’s friend said jokingly that he had been invited to the party **as well**.’

- b. *Mozhet li takoe byt, chto bolshe nikogo iz Mishinykh družey ne priglašali na večerinku?*

‘Is it possible that none of Misha’s friends was invited to the party?’

Finally, the experiment comprised 40 filler sentences consisting of one-clause assertives, identical in both experimental lists. 21 of these sentences were followed by a question that duplicated the information conveyed by the sentence in order to prompt the “yes” answer. The other 19 were followed by a question that contradicted the information in the sentence and was meant to provoke the “no” answer, cf. (20a)–(21b).

True filler

- (20) a. *Nebolshoy gorod nakhoditsya u morya.*

‘A small town is located near the sea.’

- b. *Mozhet li takoe byt, chto gorod primorskiy?*

‘Is it possible that the town is by the seaside?’

False filler

- (21) a. *Ryukzak visit na stule v komnate.*

‘The backpack is on the chair in the room.’

- b. *Mozhet li takoe byt, chto ryukzak ne v komnate?*

‘Is it possible that the backpack is not in the room?’

Each of the two experimental lists included 24 critical sentences, 12 control sentences and 40 fillers, with all sentences randomised. One list included questions targeting the main clause content, and the other list comprised questions targeting the embedded clause content. One list was answered by 34 participants, and the other one was answered by 31 participants. The experiment was conducted on the Internet platform Yandex.Toloka created specifically for crowdsourcing projects, including online experiments. Before the test, the participants were presented with the following instruction: “This experiment targets only Russian native speakers. The experiment consists of sentences and questions to them. You need to read each sentence and answer the question

choosing either “yes” or “no”. Don’t rush, take your time and read the questions attentively. No special knowledge is required to participate in the experiment.”

2.3. Results

In total, 5016 responses from 66 participants were received: 2640 responses to filler items, 792 responses to control items, and 1584 responses to critical items. The answers from 24 participants had to be excluded. Of these, 21 participants had replied to the fillers with less than 20% accuracy and 3 participants had filled out a questionnaire twice (thus only the first entries were used for statistical analyses). This yielded responses from 21 participants for one list and from 21 participants for the other list, bringing it to 1008 responses for critical items and 504 responses for control items (1512 answers for both groups of items).

If a participant selected the answer “yes”, this suggested that according to her/him, the presupposition was not projected in a given context. In contrast, if a participant selected the answer “no”, this meant that, according to her/him, the presupposition to be projected in a given context.

In what follows, we present figures and statistical results for the comparisons drawn between each group of critical items. Using R (R Core Team 2020), we performed logistic regression (lme4 package; Bates et al. 2015). In the tests reported here, random intercepts were included for participants and sentences.

We start with the distribution of answers for single hard and single soft triggers in two syntactic positions. The results are displayed in *Figure 1*. Recall that single hard and soft triggers in main clauses were used in the first experimental list and single hard and soft triggers in embedded clauses were used in the second list.

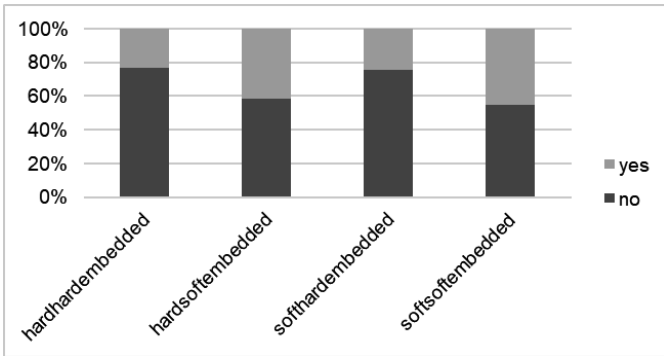

Figure 1. Distribution of “yes” / “no” answers in main vs. embedded clauses with a single (hard or soft) trigger (across the exp. lists)

Logistic regression showed significant difference between hard triggers in embedded clauses and soft triggers in embedded triggers ($\beta = 2.2596, SE = 1.0157, Z = 2.225, p = 0.0261$). The other differences were not significant. These results confirm Hypothesis 1.

Let us now consider hard and soft triggers separately regarding their syntactic (main vs. embedded) position. *Figure 2* presents the distribution of hard triggers in main clauses in the 1st experimental list where questions addressed hard triggers in the main clause.

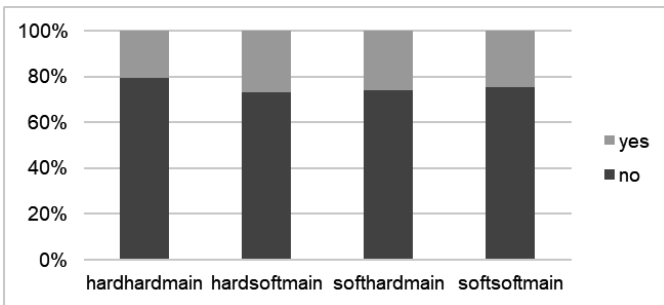

Figure 2. Distribution of “yes” / “no” answers for hard triggers in main clauses in the 1st exp. list (the questions addressed hard triggers in the main clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

Now let us have a look at hard triggers positioned in embedded clauses in the 2nd experimental list. The results are visualised in *Figure 3*.

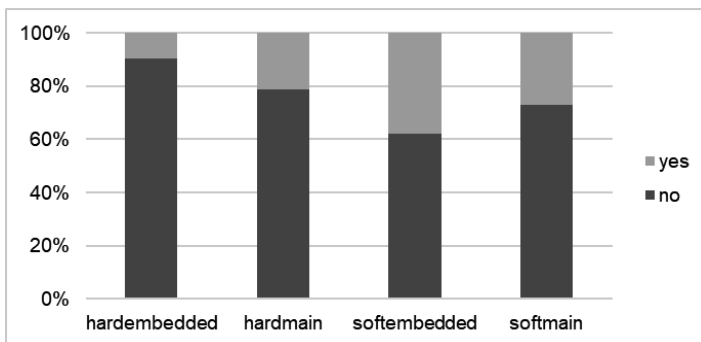

Figure 3. Distribution of “yes” / “no” answers for hard triggers in embedded clauses in the 2nd exp. list (the questions addressed hard triggers in the embedded clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

Figure 4 illustrates the results obtained for soft triggers in main clauses in the 1st experimental list.

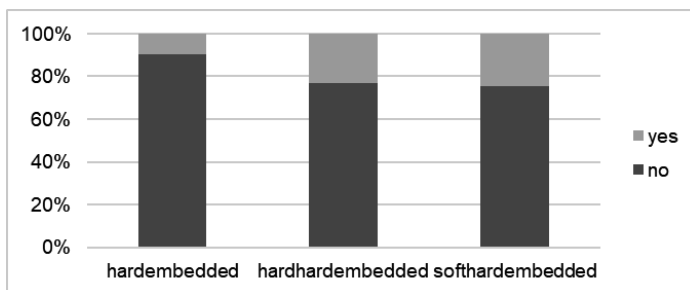

Figure 4. Distribution of “yes” / “no” answers for soft triggers in main clauses in the 1st exp. list (the questions addressed soft triggers in the main clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

Figure 5 visualises the findings for soft triggers placed in embedded clauses in the 2nd experimental list.

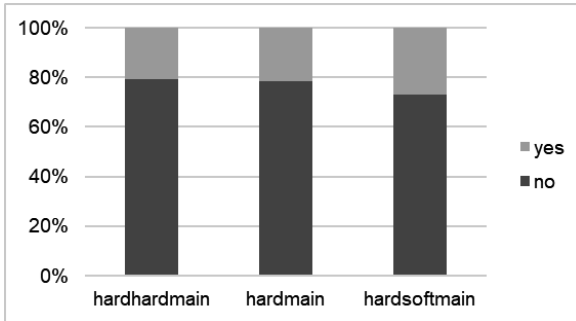

Figure 5. Distribution of “yes”/“no” answers for soft triggers in embedded clauses in the 2nd exp. list (the questions addressed soft triggers in the embedded clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

The data presented in Figures 2–5 does not support Hypothesis 3.

Let us now consider interactions between two triggers for each experimental list, i.e., the percentages for the projection of a matrix trigger in the context of an embedded trigger. The interactions between two triggers from the 1st experimental list are given in Figure 6.

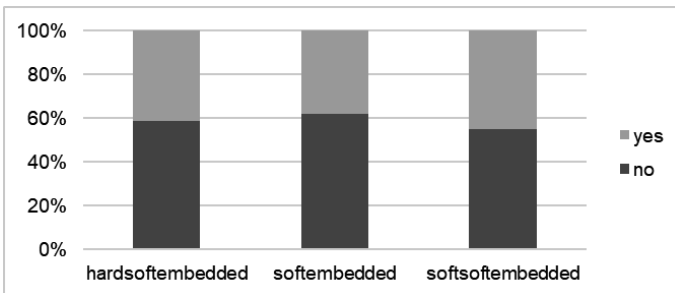

Figure 6. Distribution of “yes”/“no” answers for two triggers in the 1st exp. list (the questions addressed triggers in the main clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

The interactions between two triggers from the 2nd experimental list are given in *Figure 7*.

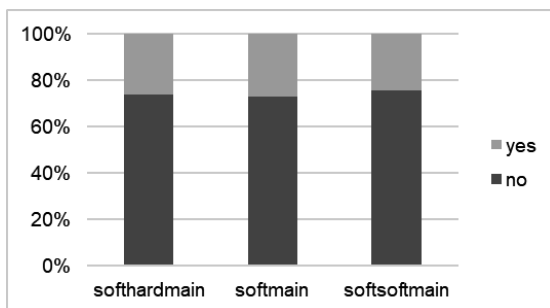

Figure 7. Distribution of “yes”/“no” answers for two triggers in the 2nd exp. list (the questions addressed triggers in the embedded clause)

Logistic regression demonstrated no significant difference between any two types of the triggers ($p > 0.05$).

The data presented in *Figures 6–7* does not confirm Hypothesis 2. However, we see that *Figure 7* suggests some potential variation between soft vs. hard triggers in embedded contexts in contrast to *Figure 6*.

2.4. Discussion

The present study revealed a distinction between hard and soft triggers in clauses embedded under some attitude, reporting, or emotive verbs. This is an interesting result since it demonstrates sensitivity of the two types of triggers to assertive embedded contexts where both local and global projection options are available. It suggests that the studied embedded contexts facilitate global projection of hard triggers to a greater extent than that of soft triggers. Therefore, clauses embedded under (at least) some verbs represent yet another type of contexts along with the survival contexts that show a distinction between soft vs. hard triggers.

Moreover, since [Abusch 2002, 2010], the two categories of triggers have theoretically and experimentally been studied in various embedded contexts, i.e., under the scope of some semantic operators that constitute the Family of Sentences (cf. *Sections 1.1* and *1.2*). Main clause assertive contexts have not received much attention so far as they typically project presupposition (however, see [Tiemann et al. 2011]). The present study reveals that even hard triggers do not project to 100 % in main clause assertive contexts. This is unpredicted from the perspective of any existing theory. Interestingly, in [Xue, Onea 2012], the data obtained for hard triggers in the conditional antecedent also fell under 100 %. Why is that? We are not sure if an answer to this question is readily available on the market. One plausible reason may be that hard triggers are purely semantic by nature. Our results suggest that there might exist some other (pragmatic) factors that also play a role. Another plausible reason is that the (syntactic and semantic) complexity of sentences might have impeded processing at some stage. This follows from the fact that even some logical operations are not always agreed upon in human reasoning. Take for example *modus tollens*, a variety of syllogistic reasoning. Despite its logical nature, people are subject to fallacies while drawing logical inferences [Evans, Handley 1999; Oaksford et al. 2000]. Its structural representation is as follows: If p , then q AND not q ; THEREFORE, not p . To illustrate, ‘If there was a strong wind, leaves in the park are on the ground’ AND ‘Leaves in the park are not on the ground’, THEREFORE, ‘there was not a strong wind’. It is also important to stress that our data is not noisy. The data selected for the statistical analyses in *Section 2.3* has a good quality since its level of filler accuracy is relatively high (more than 80 %). Moreover, even those participants, who made no mistakes in fillers, i.e. showed 100 % filler accuracy, gave “yes”-responses to some of the critical and control items.

The present study also verified embedded clauses. According to [Langendoen, Savin 1971], presuppositions projected in embedded clauses are accumulated through sentence derivation, that is, presuppositions of a whole sentence are a sum of presuppositions of its parts. Our data does not support this view given the distinction between soft vs. hard triggers in embedded clauses and the fallacies in pragmatic reasoning. Our data does not accord with the scalar implicature view proposed

by [Romoli 2014] either. The presuppositions that we observe in the present study are not generated automatically, via application of the exhaustification operator. We see variation in presupposition projection among the presupposition triggers and among the contexts they are used in. Such variation seems to be problematic for the automatic generation account.

Even though no robust (statistically confirmed) effect has been received for the data presented in *Figure 7*, we may observe the contrast between hard vs. soft triggers in embedded contexts where more experimental data is involved. In *Figure 7*, there are around 75 % answers of presupposition projection for hard triggers vs. less than 60 % answers of presupposition projection for soft triggers. An explanation may be that, as said before, in embedded contexts, both local and global projection options are available, and some soft triggers may undergo local projection. Additional evidence comes from the comparison between the data of *Figure 7* and the data of *Figure 6*, with higher rates of presupposition projection attested in main clause contexts (75–80 % of the answers).

3. Conclusion

The present study provides experimental evidence for the categorical distinction between hard and soft triggers in clauses embedded under some attitude, reporting, and emotive verbs. Furthermore, the study shows that presupposition projection is not an automatically generated process even for hard triggers in main clause contexts due to fallacies in pragmatic reasoning that might be caused by (syntactic and semantic) complexity of sentences. The paper also investigates single triggers and pairs of triggers for the first time. This opens a new perspective on studying triggers.

Appendix

Here is a link to the folder with the experimental materials:
<https://osf.io/cqr78/>

References

- Abrusán 2011 — M. Abrusán. Predicting the presupposition of soft triggers. *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. P. 491–535.
- Abrusán 2016 — M. Abrusán. Presupposition cancellation: Explaining the ‘soft–hard’ trigger distinction. *Natural Language Semantics*. 2016. Vol. 24. P. 165–202.
- Abusch 2002 — D. Abusch. Lexical alternatives as a source of pragmatic presuppositions. B. Jackson (ed.). *Proceedings of SALT XII*. Ithaca, NY: CLC Publications, 2002. P. 1–20.
- Abusch 2010 — D. Abusch. Presupposition triggering from alternatives. *Journal of Semantics*. 2010. Vol. 27. P. 37–80.
- Amaral et al. 2012 — P. Amaral, C. Cummins, N. Katsos. Experimental evidence on the distinction between foregrounded and backgrounded meaning. C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead (eds.). *Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content*. Ljubljana, 2012. P. 1–7.
- Bates et al. 2015 — D. Bates, M. Mächler, B. Bolker, S. Walker. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*. 2015. Vol. 67. № 1. P. 1–48. DOI: 10.18637/jss.
- Beaver 2011/2021 — D. Beaver. Presupposition. *Stanford Encyclopaedia of Philosophy*. First published in 2011, revised in 2021. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/presupposition/> (accessed on 20.02.2023).
- Beaver, Zeevat 2007 — D. Beaver, H. Zeevat. Accommodation. G. Ramchand, C. Reiss (eds.). *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces*. Chap. 17. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 503–538.
- Chemla 2009 — E. Chemla. Presuppositions of quantified sentences: Experimental data. *Natural Language Semantics*. 2009. Vol. 17. № 4. P. 299–340.
- Cummins et al. 2012 — C. Cummins, P. Amaral, N. Katsos. Experimental investigations of the typology of presupposition triggers. *Journal of Philosophical Studies*. 2012. Vol. 23. P. 1–15.
- Chierchia, McConnell-Ginet 1990 — G. Chierchia, S. McConnell-Ginet. *Meaning and grammar: An introduction to semantics*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Chierchia 2006 — G. Chierchia. Broaden your views: Implications of domain widening and the “logicality” of language. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. № 4. P. 535–590.
- Evans, Handley 1999 — G. Evans, S. Handley. The role of negation in conditional inference. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1999. Vol. 52. № 3. P. 739–769.
- Jayez, Mongelli 2012 — J. Jayez, V. Mongelli. How hard are hard triggers? E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein (eds.). *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. Vol. 17. Paris: École normale supérieure, 2012. P. 307–324.

- Jayez et al. 2015 — J. Jayez, V. Mongelli, A. Reboul, J.-B. van Der Henst. Weak and strong triggers. F. Schwarz (ed.). *Experimental perspectives on presuppositions*. Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2015. P. 173–193.
- Heim 1983 — I. Heim. On the projection problem for presuppositions. M. Barlow, D. Flickinger, M. Westcoat (eds.). *Second Annual West Coast Conference on Formal Linguistics*. Stanford, Calif.: Stanford University, 1983. P. 114–126.
- Heim 1992 — I. Heim. Presupposition Projection and the Semantics of Attitude Verbs. *Journal of Semantics*. 1992. Vol. 9. P. 183–221.
- Karttunen 1973 — L. Karttunen. Presuppositions of compound sentences. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. № 2. P. 169–193.
- Langendoen, Savin 1971 — D. T. Langendoen, H. Savin. The projection problem for presuppositions. C. Fillmore, D. T. Langendoen (eds.). *Studies in Linguistic Semantics*. New York: Holt, Reinhardt and Winston, 1971. P. 373–388.
- Oaksford et al. 2000 — M. Oaksford, N. Chater, J. Larkin. Probabilities and polarity biases in conditional inference. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 2000. Vol. 26. № 4. P. 883–899.
- R Core Team 2020 — R Core Team. *R: A language and environment for statistical computing*. R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria, 2020. URL: <https://www.R-project.org/>.
- Romoli 2011 — J. Romoli. The presuppositions of soft triggers aren't presuppositions. *Semantics and Linguistic Theory*. 2011. Vol. 21. P. 236–256.
- Romoli 2014 — J. Romoli. The presuppositions of soft triggers are obligatory scalar implicatures. *Journal of Semantics*. 2014. Vol. 32. P. 173–219.
- Simons 2001 — M. Simons. On the conversational basis of some presuppositions. R. Hasting, B. Jackson, S. Zvolenzky (eds.). *Proceedings of SALT 11*. Ithaca, NY: Cornell University, 2001.
- Smith, Hall 2012 — E. A. Smith, K. Hall. Projection diversity: Experimental evidence. C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead (eds.). *Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content*. Ljubljana: 2012. P. 156–170.
- Stalnaker 1974 — R. Stalnaker. Pragmatic presuppositions. M. Munitz, D. Unger (eds.). *Semantics and Philosophy*. New York University Press, 1974. P. 197–213.
- Tiemann et al. 2011 — S. Tiemann, M. Schmid, N. Bade, B. Rolke, I. Hertrich, H. Ackermann, J. Knapp, S. Beck. Psycholinguistic evidence for presuppositions: on-line and off-line data. I. Reich (ed.). *Proceedings of Sinn and Bedeutung 15*. Saarbrücken: Saarland University Press, 2011. P. 581–595.
- Tonhauser et al. 2018 — J. Tonhauser, D. Beaver, J. Degen. How projective is projective content? Gradience in projectivity and at-issueness. *Journal of Semantics*. 2018. Vol. 35. P. 495–542.

- Tonhauser et al. 2019 — J. Tonhauser, M.-C. de Marneffe, S. Speer, J. Stevens. On the information structure sensitivity of projective content. M. T. Espinal, E. Castroviejo, M. Leonetti, L. McNally, C. Real-Puigdollers (eds.) *Sinn und Bedeutung* 23. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona, 2019. P. 923–949.
- Xue, Onea 2012 — J. Xue, E. Onea. Correlation between presupposition projection and at-issueness: An empirical study. C. Roberts, J. Tonhauser, G. Kierstead (eds.). *Proceedings of ESSLLI 2011: Workshop on Projective Content*. Ljubljana, 2012. P. 171–219.

Получено / received 14.03.2023

Принято / accepted 19.10.2023

Этика научных публикаций

Журнал «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований» (далее — ALP) — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редколлегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE). Каждый участник издательского процесса должен принять все разумные меры для предотвращения недобросовестной практики в публикационной деятельности (плагиата, изложения недостоверных сведений и неправомерного использования научных результатов в интересах тех лиц, которые не участвовали в их получении).

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал ALP обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале ALP с авторов не взимаются.

Обязанности авторов

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале ALP, является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии

таковых. При необходимости первый автор должен быть готов уточнить сведения о вкладе каждого из соавторов в содержание статьи.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные) и исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. **Любая форма плагиата неприемлема.** Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее двух лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редколлегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет. Если после публикации статьи обнаружено нарушение автором вышеуказанных правил, редколлегия имеет право произвести ретракцию статьи, поместив указание на это на сайте журнала.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редколлегии.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редколлегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Ответственность за достоверность информации и соблюдение профессиональной этики

Представляя рукописи для публикации в журнале ALP, автор несет ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он должен незамедлительно уведомить редколлегию и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной переработки текста, отозвать рукопись.

В журнале ALP не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редколлегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах).

Члены редколлегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия рукописей к публикации.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редколлегии и отказаться от рецензирования.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редколлегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редколлегии на любые признаки плагиата. Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок.

Организация работы редколлегии

Редколлегия журнала ALP является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Окончательное решение о принятии к печати или отклонении рукописи принимается редколлегией коллективно после процедуры двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редколлегии, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются на общих основаниях.

Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редколлегии.

Обязанности членов редколлегии

Редколлегия журнала обеспечивает:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования.

Главный редактор координирует работу редколлегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редколлегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Члены редколлегии должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале ALP, рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов рецензентов и авторов представляемых рукописей недопустим.

Все нарушения изложенных выше принципов должны тщательно расследоваться на заседании редколлегии, которая при необходимости обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения, если были допущены нарушения этических или научных норм.

Язык публикаций

Журнал ALP принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

Publication Ethics

The “Acta Linguistica Petropolitana” Journal (ALP) is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas, dedicated solely to academic activities. All the editorial / publishing process participants (authors, reviewers, editors, or Editorial Board members) are expected to follow the ethical standards below based on recommendations by the Committee on Publication Ethics (COPE). Each participant is expected to make all reasonable efforts to avoid malpractice in his/her publishing activities including plagiarism, misrepresentation, or misuse of research findings to the benefit of those not involved in the research.

Copyright and Open Access

In consistence with the Budapest Open Access Initiative (BOAI) and the principle of free global knowledge exchange, ALP ensures open access to its publications. ALP contributors are exempt of any dues.

Contributor’s responsibilities

Contributors guarantee that their contributions are original manuscripts under their exclusive copyright. For co-authored contributions, only one of the authors may submit the manuscript listing all the coauthors and providing their relevant accurate personal information.

The contributor is expected to indicate all agencies/entities, if any, which have provided financial or other support for the manuscript. Where necessary, the first contributor should be able to specify each co-author’s contribution into the manuscript.

The contributor should provide a full list of all information sources (both published and unpublished) and the literature (including his/her previously published works) used in the manuscript. The contributor should provide appropriate reference to other works or quotations used in the manuscript. Any form of plagiarism is unacceptable. Equally unacceptable is self-plagiarism, i.e. attempts at republishing own previously published work without substantial modification. Concurrent

submission of the same work to ALP and any other publication is unacceptable. The contributor's research records for the submitted work should remain accessible upon request for at least two years.

A violation of any of the above may lead the Editorial Board to reject the contribution at any time, including before review, as well as to reject all future submissions by the present author in the next three years to follow. If any violation of the rules above comes to light following the article's publication, the Editorial Board may retract the article, placing the relevant notice on the Journal's website.

Any changes by the contributor to his/her already peer-reviewed and accepted for publication text are only possible on the Editorial Board's consent.

The contributor agrees not to make publicly available any accepted but not published materials. A violation of this requirement may serve as a ground for the Editorial Board to reject both the contribution and all other contributions by the same author in the next three years to follow.

Responsibility for unreliable information or non-compliance with professional ethics

Authors submitting their manuscripts to ALP are responsible for detailed verification of all the information contained therein to avoid inaccuracy or omission of references to sources. On detection of mistakes/inaccuracies when editing the manuscript accepted for publication, the author must immediately notify the Editorial Board and either update the text or withdraw the contribution where substantial errors require its complete revision.

Defamation is unacceptable in ALP. The contributor is expected to avoid personal criticism, disrespectful remarks, or accusations against other scholars.

If any of above violations come to light after the publication, the Editorial Board may publish a disclaimer in its subsequent issue and reject any of the author's contributions in the next three years to follow.

Review Procedure

All submitted manuscripts are evaluated based on a double-blind peer review where neither the author, nor the reviewer knows the other's name. The files, including metadata, sent to reviewers contain no information about the author(s).

Neither Editorial Board members nor other publication participants are allowed to disclose the authors' names to reviewers before the submission is accepted.

The reviewer recognizing the author of the paper under review and identifying a conflict of interest is obliged to inform the Editorial Board of the case and forego the reviewing.

The Editorial Board may only disclose the reviewer's name to the contributor at the reviewer's own request and only following the final decision as to (non)acceptance of the submitted manuscript.

The review should be impersonal, impartial, and avoid personal criticism of the contributor. All comments or suggestions for improving the manuscript should be polite, and comments well-reasoned. Reviewers may recommend the author to study additional literature pertaining to the contribution's topic but lacking from the "Literature" list. The reviewer is expected to point out any evidence of plagiarism to the Editorial Board. The review should be completed within the time frame established by the Journal.

Editorial Board

The ALP Editorial Board is the top supervisory and control body of the Journal. The Editorial Board is responsible for the final collective decision to accept or reject manuscripts following their double-blind peer review. Manuscripts by Editorial Board members, submitted for publication in ALP, are reviewed under the common procedure.

All conflicts among the editing and publishing participants are resolved through direct intervention of the Editorial Board.

Duties of Editorial Board Members

The Editorial Board provides for:

- preliminary consideration of contributions;
- selection of reviewers based on their areas of expertise;
- provision of confidentiality for the double-blind review procedure;

The Editor-in-Chief coordinates all Editorial Board activities and makes key decisions, including on the publication of ALP issues in paper and online formats. As an Editorial Board member, the Editor-in-Chief guarantees strict compliance with all ethical standards outlined in this statement.

All editors guarantee impartial and impersonal treatment of all participants in the editorial/publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious

belief, ethnicity, nationality, or political opinion. All materials submitted for publication in ALP are considered solely based on their scholarly merit via the double-blind peer review procedure.

Any conflict of interest between reviewers and contributors is unacceptable.

The Editorial Board will thoroughly examine any violation of the principles above and, where necessary, publish corrections, clarifications, or apologies for any breach of ethical or academic norms.

Publication Languages

The ALP Journal accepts manuscripts in Russian, English, French, or German. Where a paper is not in the contributors' native language, they are advised to consult a qualified native speaker to avoid any possible misapprehensions.

The Journal presents all published papers' metadata on its website in Russian and English.

Научное издание

Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.
2024. — Т. 20. Ч. 1. — 282 с.

Подписано к печати 30.05.2024

Формат 60×90 ¼

Усл. печ. л. 17,625 Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН
199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9
info@iling.spb.ru <https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН
Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Поликона»
190020, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 13
9450922@gmail.com

Материалы выпуска доступны в электронном виде по ссылке:
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>